

УДИВИТЕЛЬНОЕ ЖИТИЕ И ДРАГОЦЕННАЯ СМЕРТЬ ДОСТОЧТИМОЙ СЕСТРЫ РОЗЫ СВЯТОЙ МАРИИ ИЗ ЛИМЫ

Леонхард Хансен, О.Р.

*Пер. с лат. по Rosa virgo, ex tertio Ordine S. Dominici, Limæ in Peruvia, Americæ provincia (S.)
auctore Leonardo Hansen // AS. Aug. T. V. – pp. 902-984 с поправками по изд. Vita mirabilis et
mors pretiosa venerabilis sororis Rosæ de s. Maria Limensis. Romæ, 1654*

В переводе Константина Чарухина

ГЛАВА I. РОДИНА СВЯТОЙ, РОДИТЕЛИ, ИМЯ И БЛАГОЧЕСТИВОЕ ДЕТСТВО

[1] Сию новую розу для Нового Света породила Лима, столица Перуанского королевства, славный порт в Южной Америке, омываемый Тихим океаном, в год от воплощения Сына Девы 1586-й, в месяце апреле, который получил имя от того своего свойства, что он открывает (*aperiat*) землю прорастающими цветами (см. Овидий. *Фасты*. IV. 87 «*Aprilem memorant ab aperto tempore dictum*», что в пер. Ф. А. Петровского: «Но ведь в апреле всегда оперяется почва травой». – прим. пер.). Сего месяца в двадцатый день, посвящённый блаженной Агнессе из Монтепульчано, доминиканке, что весьма известна чудом небесной росы и внезапным появлением различных цветов, родилась и сия Роза. Итак, все здесь цветут: ибо ведь и родителями девы были Гаспар де Флорес и Мария Олива – он родом с испанского острова под названием Пуэрто-Рико, а она родилась в Лиме; оба были не бесславного происхождения, но состояния весьма скромного, зато вместо богатства великого дарована была им свыше такая дочка.

[2] После рождения Розе довелось жить в отчем доме в квартале Сан-Доминго и притом позади храма Святого Духа, дабы и само место как бы служило предзнаменованием и будущего иночества её, и ордена (*institutum*). Её родительница под присягой засвидетельствовала (на канонизационном процессе), что сии роды были для неё как счастливейшими, так и легчайшими (*ut felicissimum, ita facillimum*), и несравненно меньше подверглась она трудностям, которые обычно жесточайше терзали при рождении прочих чад. Не меньше изумилась и повивальная бабка, как увидела, что сие дитя вышло в двойной рубашке, словно бы в плаще. Именно так проклёвываются розы, будучи со всех сторон обёрнуты природным покровом, будто накидкой. Затем Роза была крещена и напоена первой росой небесной благодати как раз в пренаряднейший праздник Пятидесятницы (что у испанцев, а равно и итальянцев называется «Пасхою роз»), однако тогда ей было дано имя не Роза, а Исабель, сиречь Елизавета, естественно, бабушкой её по матери, Исабелью де Эррера, которой, как казалось согласно людскому обыкновению, подобало оказать сию честь при святой купели.

[3] Потом было знамение о том, что свыше дитяти предназначалось имя Роза, но для того, чтобы оно невзначай в итоге проявилось, пришлось подождать три месяца. Когда трёхмесячная малышка [однажды] почивала в колыбели, служаночка и дочери позвали мать и она увидела, что лицо дочурки полностью сокрыто распустившейся розой, которая, однако, вскоре исчезла. Все были изумлены, но паче прочих поражённая сим зрелищем мать немедля подхватила на руки и нежно расцеловала малышку, приговаривая: «Отныне ты для меня Роза по имени и существу (*diceris et eris*), и иначе я тебя впредь называть не буду!», словно бы вместе с матерью Предтечи заявила сими словами св. Амвросия: «У него есть своё именование, кое мы узнали, а не выбрали». Однако бабушка отнеслась к этому намерению с досадой: ей было горестно, что её имя отнимают у юной внучки, выказывая пренебрежение к её старости, посему спор сей не мог уняться довольно продолжительное время, пока таинство миропомзания не положило в итоге конец распре, когда святейший Лимский архипастырь Турибий (Монгровехский, св., пам. 23 марта) в приходе обители Кивской, намащая Розу знаменем конфирмации, не упомянув крещального имени, предпочёл наречь её Розой, ибо, возможно, уже тогда чувствовал в духе благоухание, коего она была исполнена. Кажется вполне вероятным, что таинство помзания поведало ему обо всём, чтобы не мог ошибиться он с наречением имени Розе, с коим после того смирилась и бабушка.

[4] Однако по прошествии некоторого числа лет возражения против имени Розы подняла чуткая совесть самой этой девы, но произошло это явно для того, чтобы возник повод и момент проявиться небесному речению, коим имя Розы было окончательно подтверждено. Дело было так. Девочка подросла и, когда она, достигнув уже с возрастом разумения, узнала, что сие замещающее имя получила не при крещении, а в колыбели, то заподозрила, что наречено оно было ей, пожалуй, только из-за суетной лести: в похвалу красе и изяществу лица её. Итак, терзаемая сомнениями и непокойная духом, пошла она в придел Богородицы в храме оо. Проповедников, посвящённом святейшему Розарию, где, пав ниц, со слезами поведала Матери милосердия свою тревогу и попросила помощи. И Дева Мистическая Роза не замедлила утешить девицу Розу, ибо, заговорив с нею, объятай страхом, в ярком, но исполненном неизъяснимо сокровенного сияния луче, поведала Она, что сие имя её чрезвычайно угодно Богомладенцу, что у Неё на руках, и что Она желает в прибавку к её имени дать к тому же Своё собственное, дабы в дальнейшем прозывалась она Розой св. Марии. Таким образом, та, что трепетала из-за имени (nomine) была укреплена прозванием (cognomine), спокойная и радостная оттого, что оба будет носить по милости свыше.

[5] Хотя святые удостаивались того (по свидетельству св. Амвросия), чтобы приять от Бога имя, но редки, мне кажется, те, кто наряду с именем приял также и прозвание. Внезапную милость имянаречения девочка восприняла не без переживания возвышенной внутренней услады, так что, вернувшись однажды домой после святейшего причастия, с необычайным пылом торжественно поведала матери о сем двойном даре, своём необычайном имени Роза святой Марии, и стала повторять многократно да часто напевать, что оно её на диво восхищает, радует, умиляет. Родительница оцепенела от изумления перед эдакой невидалью. Ведь, добавила дева, она только-только возвратилась от стоп Великой Богородицы, Коей открыла сердечное своё беспокойство и по Её благословению и материнской воле вручила душу свою как освященную розу цветущему младенцу Иисусу в Назарете (Jesulo Nazareno), поэтому, если когда-то и подозрительным ей казался эпитет Розы, ныне она в нём уверена, поскольку он одобрен свыше; так что она с превеликим удовольствием желала бы почаще слышать, как к ней обращаются по сему имени да заодно то и дело увещевают к служению. Об остальном же, что приключилось с нею при том святом причастии, смиренная дева скромно умолчала, а матери было довольно того, что имя Роза, которое она первая дала дитяти во младенчестве, угодно Небу.

[6] Пишут, что святая Катерина Сиенская в детстве и отрочестве была так кротка и ласкова, что её всё чаще стали называть не Катериной, а Ефросиньей. А она Роза по врождённым свойствам была такой тихой, любезной, ласковенькой и неизменно спокойной, что являлась общей радостью для всего семейства. Когда она ещё была малышкой в пелёнках, домашние никогда не замечали, чтобы она издавала жалобные звуки либо нарушала тишину храма пронзительным писком; чтобы она когда-либо плакала, разве что как однажды, когда мать, навещая благородную даму, вынесла Розу наружу, она расплакалась и не могла уняться, пока её из чужого дома не отнесли обратно в собственный, словно бы уже тогда она училась избегать многолюдства и противиться ему; посему с той поры родительница решила в дальнейшем, уходя из дому, не уносить с собой сие смиреннейшее дитя.

[7] Малютке было всего три годика, когда в ней стали проявляться признаки не по возрасту крепких добродетелей. И притом первым проявилось терпение и духовная неустрашимость, мужество, спокойствие при боли, дабы ясно стало, что она – Роза, которую шипы не устршат, не сокрушат и не сразят. Случилось так, что, неосторожно

и второпях закрывая огромный ящик, Розочке случайно прищемили большой палец на правой руке. К ней подскочила обеспокоенная мать, но спокойная дочурка скрыла боль и прятала руку, пока через несколько дней засохшая под ноготком кровь не загноилась. Позвали хирурга, и он, дабы выпустить из раздувшегося пальца гной, применив сильные средства, удалил ноготь почти целиком, а в итоге и остаток ноготка, медленно и болезненно вырвал щипцами с корнем. Стоило видеть, как невозмутима была Роза при сих пытках, словно бы не ей принадлежал палец, над коим столь свирепствовало железное орудие! Паче всех изумился Перес де Сумета (таково было имя хирурга), отнюдь не требовавший, чтобы столь крошечная девчушка выказывала столь твердокаменную стойкость при сих страданиях, ибо всё время оной до крайности болезненной операции она не издала ни единого стога и нисколько не побледнела при виде скальпеля, крови и новых ран.

А когда Розе не было ещё четырёх годочков, у неё в ушке вырос болезненный гнойник. И вот, снова хирург после мягких припарок приступил к операции. Когда была вскрыта большая часть воспалённого хряща, Роза с невозмутимым лицом и духом восприняла рану, притом даже окружающие не имели сил смотреть на то, как вонзается нож. На плечо хлынула кровь, но Роза не ужаснулась, даже запачкавшись ею.

[8] Ей исполнилось четыре года, когда кожа на темени у неё покрылась какой-то паршой. Мать, вняв дружелюбному, но невежественному совету, слегка присыпала ей голову порошком с совершенно неблагоприятным итогом, ибо, поскольку он являлся ртутной смесью, то разъедал поражённые участки своей жгучей силой, да так ужасно, что домашние заметили, как девочка через определённый промежуток времени молча содрогается всем телом. Однако даже сия непрерывная жесточайшая боль не смогла выдать из неё даже малейшего стога или признака досады, разве что, когда мать спросила, больно ли ей, она, поскольку не могла полностью отрицать это, ответила, что боль невелика и легко переносима; так что несмотря на свои мучения она провела ночь с матерью молча, неподвижно, совершенно тихо.

[9] Но встревоженная родительница, осторожно сняв на следующий день припарку, с ужасом увидела, что макушка у дочки покрылась местами вспухшими волдырями, а местами – глубокими язвами, и воскликнула: «О бедняжка! Ты что, всю эту ночь провела при такой жгучей боли в макушке?» Роза промолчала и ничего не ответила на настоятельные расспросы, как она выдержала посреди своих болей. После того, как затем позвали хирурга, потребовалось целых сорок два дня на то, чтобы исцелить повреждение и дать вырасти новой коже, едва ли с меньшими муками, что терзали деву в первую ночь. Но и тогда при столь острой боли Розе в равной мере хватило выдержки, каковую хирург вряд ли мог ожидать в таком, да даже в любом возрасте. Такую же твёрдость явила Роза затем в шесть лет под щипцами того же самого хирурга, когда нужно было удалить из глубины носа фасолевидный нарост, который был вырван только с третьей попытки. Можно было бы сказать, что особенная терпеливость была её врождённым качеством, но сии начатки были подобны лишь раннему предвестию того, как в грядущем она обращалась с собственным телом, словно с чужим.

Осталось бегло коснуться остальных событий её детства.

[10] Когда пятилетняя Роза пребывала ещё на границе между младенчеством и детством, она прониклась познанием и страхом Божиим совершенно необычным образом – посреди игры. Дело обстояло так. Когда она играла со старшим по рождению

братом, он (случайно или намеренно, не понять) вымазал грязью золотистые и прекраснейшие кудри невинной девочки. То была шутка и повод детям посмеяться, но малышке она не особо понравилась, ибо её огорчило не осмеяние, а нечистота. Итак, она прекратила игру, а брат ей вдруг молвит: «Хм, сестрица, коли так уж серьёзно тебя огорчило, что я тебе изуродовал волосёнки, то знай, что ухоженные девчачьи кудряшки – это адские канаты, коими уловляют неопытные души юношей, чтобы затянуть их в вечную геенну. Так что подумай, как ненавистны Богу волосы, которые ты, видимо, любишь». Произнеся это, как бы в подражание проповеднику, озорник вновь пустился в игру, но сии слова пронзили душу девочки куда глубже, чем рассчитывал сказавший, учитывая её нежный возраст; не слова то были, а громы; ибо внезапно её чрезвычайно восприимчивый ум сразу вообразил безмерный ужас ада, сразу постиг громадность вечности, сразу, глубоко устранившись величия Божия, оценил, какое жуткое несчастье [может причинить] всякий её грех.

[11] Придя в себя, она с того мгновения стала ненавидеть свои собственные волосы, крепко противиться духом всякому оскорблению Бога, уклоняться любых нападений ада воинства, и тут, наконец, стройными рядами нагрянули: глубокое богопочитание, дочерний трепет перед Божественным Величием (*Numinis*), попечение о спасении, отвращение ко греху. Кто мог бы ожидать столь многих и важных последствий от игры да грязи (*ludo ac luto*)? Однако, двигаясь в том же направлении, Роза в дальнейшем отчётливо осознала, что Бог окажет ей помощь, что Он необходим и Его непрестанно подобает слёзно молить. С того мгновения в ней немедля разгорелось влечение к молитве, каковое и внушило ей краткое молитвословие (*formulam jaculatoriam*), а именно вот какое: «Иисусе, будь благословен! Иисусе, будь со мною! Аминь». И до того сладостно было девичьему сердечку от сего рода моления, что она его не прекращала повторять даже во сне, отчего присутствие Божие в итоге полностью завладело глубинными помышлениями Розы.

[12] Наконец, при сем столь раннем и возвышенном познании Бога пятилетняя Роза весьма ясно почувствовала тягу и готовность к замечательным подвигам св. Катерины Сиенской: ибо ведь по её примеру она на самой заре нежнейшего возраста, будучи от роду всего пяти лет, поспешила дать обет девства, а затем в подражание сей серафической деве даже обрезала без ведома матери себе волосы прямо до живой кожи, дабы не осталось ничего из тех вервий, коими она могла бы влечься или быть влекомой к замужеству наперекор обету безбрачного жития, да и вполне узнала она благодаря шуточному тому загрязнению, что причёска её может как-нибудь оказаться настоящим силком. Итак, следствие сей детской игры и забав было как чудесно, так и весьма благотельно, ибо необычаен сей зов благодати, что привёл Розу единственным в своём роде и быстрым путём от невинных утех к зрелости суждения, посредством коей она сразу научилась почитать величие Божие, ценность вечности и сокровище девственности.

[13] Одно ещё нельзя обойти здесь молчанием, что (как позднее благоразумно предположили духовные руководители девы) сие высокое влечение благодати коснулось её при тех первых проблесках разумного мышления, когда она согласно самой что ни на есть настоящей теологии по мере своих возможностей старалась всё что было в себе обращать к Богу как конечной цели. Как бы то ни было, Розу постигла не столько заря, сколько полдень, когда она просветлением столь блистательным просияла и путь подобающий избрала, причём, даже став гораздо старше, за всю жизнь не дала себя сбить с избранного пути, ни разу не допустив никакого тяжкого прегрешения, о чём в соответствии с единодушным свидетельством её духовников,

поведает дальнейший рассказ.

ГЛАВА II. ВЕЛИКОЕ ПОЧТЕНИЕ ДЕВОЧКИ К РОДИТЕЛЯМ, ДИВНОЕ РАДЕНИЕ О ПОСЛУШАНИИ ИМ И ДЕЯТЕЛЬНАЯ О НИХ ЗАБОТЛИВОСТЬ

[14] При согласовании двух заповедей, в которых предписывается чтить отца и мать и при этом одновременно приказано повиноваться Богу более, нежели человекам, Роза часто проявляла изрядно изобретательности и находчивости, чтобы не нарушить ни одной из них. Небесный Жених влѣк избранную Свою деву тайнами непорочности к стезям совершенства, а с другой стороны – к пышности и легкомыслию земному, к суетным телесным прикрасам, к мирской сутолоке – влекла послушную дочь её грубая и неотёсанная мать. На сих распутьях она, превышая человеческие возможности, изощрялась, чтобы при нерушимости послушания обоим и от пути Жениха ни на волос не уклониться, и, следуя Жениху, отнюдь не отступать при этом от материнских предписаний.

[15] Случилось так, Роза в присутствии родительницы попала на глаз почтенной даме, и стали её довольно неуместно упрашивать надеть на голову накидку, сплетѣнную из цветочных гирлянд, которая, когда её внесли, всем тут же понравилась своим сильным ароматом. Скромная дева стыдливо отказывалась, назойливые женщины настаивали, и мать, дабы оказать им любезность, велела дочери послушаться требования. Можно представить, как боролся с послушанием сей стыдливый ужас перед суетным украшением! Тем не менее победила Розина изобретательность, ибо она тайком прикрепила к нижней части гирлянды продолговатый шип и так этот веночек, неприметно колючий, на голову не просто надела, но скорее натянула и с силой прижала, что для неё было ничем иным как пыткой то, что другим казалось украшением. Таким образом она послушалась матери, но вместе с тем «поспешила по благовонию мира» (ср. Песн. 1:3. – пер. П. Юнгерова) за Женихом, увенчанным тернием. Благородная сия уловка (*stratagema*) осталась скрытой навсегда, ибо шип, который под цветочным украшением, глубоко вонзившись, причинял свирепую боль, она с изрядным трудом извлекла без помощи чужих рук. Неясно, впрочем, шип или ненавистные кольца наряда суровее мучили Розу, которой тернии были милее, чем гирлянды.

[16] Другой случай. Будучи подвержена женским страстям, мать имела горячее желание суетным уходом довести руки дочери до изысканной белизны и блеска. С этой целью она купила особого рода душистые перчатки, дабы Роза, надевая их по женскому обыкновению хотя бы на ночь, смогла придать свои рукам изящества. Можно было подумать, что не девушке – перчатки, а жертве – раскалѣнную сковородку готовят, так окоченела она от ужаса, застонала, заметалась, но после более сурового материнского приказания наконец повиновалась и приняла ненавистный дар. Просила [лишь] чтобы ни в коем случае не заставляли её [носить их] ночью, дабы не пришлось ей отправляться в постель с эдакими оболочками на руках. Однако потихоньку пришѣл час укладываться спать, погасили свет, и едва робкая дева слегка забылась первым сном, как почувствовала, что надетые ею перчатки (*chirothecas*), стали словно огнилица (*pyrothecas*). Казалось, они начинены кузничным огнѣм, (*Mulcibero*, «Гефестом», – прим. пер.) и не просто казалось, но и на самом деле обе руки горели, жарились, пеклись. Изумилась неопытная Роза невиданной эдакой жаровне и возрадовалась, что появился повод вынуть руки из пыточного сего устройства. Вынула и ясно увидела, как из перчаток показались языки пламени; затем вся комната осветилась ими, и явно вот-вот начнѣтся пожар. Но когда она отбросила их подальше,

жар, пламя, мука вмиг исчезли, а Роза, исполненная свыше на диво нежной прохлады, пресладко уснула. Наутро, с величайшей кротостью возвратив матери злосчастные перчатки, она с невинной простотой изложила всю последовательность событий, показала обожжённые до мяса (fibratim) руки и усиленно попросила не подвергать её в дальнейшем снова эдакой казни. Однако недоверчивая мать заподозрила в этом обман со стороны благочестивой дочери и с великим тщанием обследовала обе руки, а как обнаружила, что они взаправду покрылись волдырями, обожжены, иссушены, коснувшись их, наконец вострепетала и в дальнейшем не пыталась послушнейшую дочь с чрезмерной настойчивостью побуждать к этой огненной пытке.

[17] Однако же то было перемирие, а не подлинный мир; ибо мать, обратившись вскоре к иным затеям, то уговаривала дочь, чтобы она прихорашивалась на девичий манер: шею позволила [украсить] ожерельем, руки – браслетами, лицо – белилами по местному обычаю; то суровее настаивала, чтобы по крайней мере завила щипцами свои прекрасные кудри (которые тогда всё ещё золотились), чтобы так или эдак выряджалась в виссон, в бахромчатые и прочие убранства; изящно подчёркивала румянами и помадой красоту алых губ; поведением, облачением, жеманством пособляла обаянию прирождённой красоты; наконец, начав порицать, стыдить, язвить невинную [девушку] за то, что она, неряшливая, непричёсанная и неуклюжая, из-за лености и чрезмерного пренебрежения к женскому обществу отступила от моды (seculi genio), что из-за своего чудачества стоит на низшем месте среди ровесниц, что сама своим презренным лицемерием разрушила и нечистоплотностью задушила надежду на богатое и блестящее замужество, к коему её призывала природа и выдающаяся красота. Но дева, памятуя об обете и всё усерднее стремясь красату свою скорее притупить, нежели заострить, всё сие, уставив очи долу, встречала нерушимым молчанием и приучилась переносить ежедневную порцию понуканий спокойно и с глухим невниманием пока не доходила до нарушения прямых материнских предписаний, противиться которым или спустя рукава повиноваться она в равное мере считала нечестивым.

[18] Это показалось матери удобным приёмом добиваться всего, чего угодно; ввиду этого как-то раз, заставляя дочь носить сверкающую головную сетку из золота и шёлка, добавила, что это – предписание, дабы вызвать у неё благоговейный страх перед нарушением заповеди послушания. Тогда несчастная дева попросила чуть-чуть обождать, а тем временем отправилась к духовнику за срочным советом. Ему она со страхом призналась, что если только предписание не будет отменено, она не сможет не уступить матери, повелевшей ей носить сие украшение, ибо она предпочитает, чтобы ей накинули на макушку сие, пускай сколь угодно ненавистное головное украшение, чем, воспротивившись, нарушить закон, коим она подчинена материнской власти. Смышлёный духовник поддержал рассудительную деву и в дочерней любви её, и в соблюдении обязательства, и, тотчас же с подобающей строгостью выговорив матери, запретил без нужды досаждать суетной роскошью смущённой дочери, кою Дух Божий с младенчества претайными внушениями приуготовлял к незыблемым высотам глубочайшей святости. Мать утрастилась, так что и сия буря, не поколебав послушания, улеглась сама собой.

[19] Наконец изобретательная дева придумала подходящий способ, как в дальнейшем и из материнской власти не выйти, и при этом избавиться от остальных телесных украшений, тяготивших её. Итак, она стала окружать родительницу нежнейшими ласкательствами, доколе не выманила у неё позволения надеть в качестве верхней одежды неокрашенный и грубый мешок из колючей и дешёвой ткани, каковой род

одеяния не является ни нескромным, ни необычным для женщин, каковые, отрекшись от роскоши и брака, стараются в самом простом убранстве следовать благочестию. Итак, Роза защитилась сим целомудреннейшим облачением, дабы с его помощью подальше отогнать от себя всякую мирскую суету женского украшательства. Последствия не замедлили; ибо под таковым чумазым и никаким красителем не расцвеченным телесным покровом Роза была вполне надёжно укрыта вплоть до двадцатого года жизни, когда, наконец, удостоившись белоснежной доминиканской рясы, с лёгкостью пошла дальше, преодолевая прочие ловушки чрезмерной роскоши. А после того, как Роза раз и навсегда таким образом отреклась и отделилась от женского общества, ей, по-видимому, стало отнюдь не трудно быть послушной родительнице в прочих делах, пускай и более трудных. Приведу выдающийся пример одного послушания, из коего можно умозаключить об остальном.

[20] Канта – это местность в королевстве Перу, прославленная своими рудниками, но из-за гнилостных почвенных испарений и жуткого холода нездоровая. Сюда Роза была вынуждена переселиться вместе с родителями, и не прошло много времени, как, не выдержав тутошних вредоносных морозов, начала она страдать страшными судорогами в руках и ногах. Мать, рассчитывая одолеть болезнь самым действенным (как она думала) средством, плотно укутала терпеливую дочь в косматые шкурки каких-то распространённых там зверей, а вдобавок велела, чтобы без повеления ни снимала их с себя, ни хоть сколько-нибудь раскрывала. Четыре дня миновало, когда мать, вспомнив о наложенном лечебном средстве, спросила молчаливую дочь, помогла ли обёртка из шкур и как подействовала. Больная ответила, что, хотя чувствует себя ничуть не лучше прежнего, шкуру носит на себе в том же нетронутым виде, как её затащила на ней мать. Родительница, подивившись её простоте, сняла шкурки и увидела, что раздражённая их жаром плоть девы покрылась пузырьчатыми волдырями, воспалилась и всюду пошла язвами от вспухших нарывов. Тут, поражённая, она воскликнула: «Да что ж ты столько дней терпела эти муки и не скинула шкуры, которые так тебя изводили?» Покорная дочь отвечала: «Матушка, а разве ты не ясно воспретила снимать их без твоего указания? Я повиновалась».

[21] Как-то раз мать, чтобы проверить готовность дочери к столь ревностному тщанию послушания, повелела ей, чтобы шёлковые цветы, которые она начала тогда изображать на рукоделии, вышила вниз головой вопреки всякому художественному представлению и просто порядку. Послушалась Роза: работу повернула, закончила цветы. Тогда мать, словно бы не в духе, молвит: «Ну и ну! Это ж не цветы, а уродцы цветочные! Что ты наделала? Ты что, разиня, дремала, когда по тупому невежеству своему выродила эдакое вздорное безобразие?» Дочь же ей кротчайше ответила, что ей самой, хоть и невеже, такой вид изображения кажется изрядно странным и диковатым, однако она не посмела вышивать иначе, нежели предписала матушка, или по собственному суждению пытаться действовать вопреки; тем не менее, она полностью готова шить и распарывать столько раз, сколько матушка прикажет.

Когда бы она в течение дня ни приступала к пряже, шитью или тканью, никогда не брала [сама] из ларя иглы, ниток, прялки и прочих, потребных для рукоделья средств, но всегда получала их из рук родительницы, веря, что так должно проявлять дочернее почтение к матери. Но та, считая это наглостью, порой с раздражением и отвращением отсылала её к семейному шкафу, где хранилось всё для женских занятий, что незачем её так часто беспокоить, а орудия обычного своего занятия женщина, намеревающаяся работать, может найти и сама. Роза же ей в ответ молвила: «Я предпочла уступить [это право тебе], прибавив к [своим обычным] обязанностям сокровище совершенного

послушания и заодно с исполнением рукодельного задания (*una cum penso*) уплатив смиренный долг уважения к матери». Вот как высоко ценила она даже малейшие возможности проявить покорность.

[22] Примерно за три года до кончины Розы случилось так, что сиятельная дама донья Мария де Усатеги, супруга королевского казначея дона Гонсало де ла Масса, пригласила её переселиться из родительского дома на постой к ней во дворец. Дева повиновалась, ибо так ей велели родители, которые, более того, повелели, чтобы она была во всём послушлива Гонсало и жене его. Итак, теперь не отпала, а удвоилась возможность к послушанию, ибо Роза, почитая себя изъятной из-под родительского крова, но не власти, явила в чужом доме такую же, как и в собственном, ревностность в исполнении приказов не только Гонсало или жены его, но даже манованиям дочерей их и домочадцев, вплоть до распоследней горничной. Замечательный пример сего можно найти в гл. IV. после слов: «Свидетельствуют...» Там описано, что Роза даже в миг смерти была послушна Гонсало.

[23] Но куда удивительнее послушание после смерти. После кончины девы служаночка в лимском монастыре св. Катерины по беспечности потеряла серебряную литургическую ложечку (*cochlear*). Основательница киновии, которая тогда её же и возглавляла, приказала искать по всем углам, перетряхнуть сундуки, обшарить наружные стены, не найдётся ли где-нибудь утерянная святыня (*pignus*). Её разыскивали повсюду и долго, по мере поисков возрастала тревога, все волновались, но не нашли ничего. И настоятельница – Луция Святейшей Троицы – мучилась не столько беспокойством о серебре, сколько о молве, ибо забота её была о том, чтобы невинную ни в коем случае не заподозрили бы вдруг в воровстве. Итак, она, обратившись к висевшему там образу уже почившей Розы, в великом смятении помыслов разразилась таковыми словами: «Услышь, благословенная Роза: я тебе предписываю ради того послушания, кое обязаны оказывать мне все в сей киновии, сделай так, чтобы нашлось серебро, потерянное нами; во святой истине торжественно заявляю тебе, о Роза, что на тебя возлагается забота о том, чтобы, прежде чем я вновь пойду к вечерне, ложечка была на месте». Пошла, искала, огляделась и, вот, ложечка оказалась на виду у всех на столе в той каморке, где искали уже десяток раз. Ибо ведь о предсмертном послушании Розы у всех сохранилось столь яркое впечатление, такое глубокое убеждение, что верили в её способность даже после смерти послушаться настоятельница, ибо, хотя она ей при жизни никогда не была подчинена, однако для права приказывать казалось достаточно того, что там нашёл пристанище её образ.

[24] На основании этого всякий совершенно легко может представить, с каким тщанием Роза ещё в земной жизни (*ad huc mortalis*) подчинялась своим духовникам, ибо после того, как она приняла облачение [ордена] св. отца Доминика, стала высоко ценить всё, что исходило из уст её духовных отцов, и то, что они указывали пускай хотя мимоходом, виделось деве не приказом, но небесным откровением. Некогда после обильного пролития слёз она стала страдать довольно опасным головокружением, однако обычных своих бдений не умерила, и духовник дал её наставление по крайней мере четыре часа после полуночи уделять исключительно сну. Роза старалась подчиниться правилу, но, привыкши к иному, не могла в соответствии с указанным расписанием ни спать, ни бодрствовать; и было довольно того, что она терзалась острой тревогой, как бы не оказаться повинной в нарушении послушания. Домашние заметили эту особенность (*spiritum*) Розы и, когда нужно было упросить её, чтобы она позволила подкрепиться своему измождённому телу, или дала себе передышку, или же согласилась помягче обращаться с собой в каком-либо ином отношении, они

передоверяли таковое приказание духовникам, и Роза тут же без размышления, с детской простотой слушалась.

[25] Но вернёмся к матери. То, что Роза имела обыкновение избегать питья по три-четыре дня, выяснилось из того, что она, пока жила вместе с родителями, самой себе ввела закон никогда не пить, если только всякий раз на просьбу о разрешении мать ответит явным согласием; и если для испытания добродетели ей отказывали в позволении, она зачастую даже по три дня терпела жажду и пила не раньше, чем соглашалась мать, да ещё и сетовала, что не часто отказывают ей в этом разрешении. Далее в жизнеописании совсем недостаточно говорится о прочих её проявлениях послушания, любви, нежности к родителям, но почти каждая страница в канонизационном процессе полна скреплённых присягой свидетельств о том, как она непрестанно со тщанием старалась помочь своим отцу и матери в нужде трудом рук своих; как ревностно им, на одре болезни лежавшим, прислуживала, помогала, добывала лекарства и прочее, что необходимо; как, наконец, была внимательна и усердна, предотвращая неудовольствие их домочадцев, успокаивала души, смягчала скорби.

[26] Казначей Гонсало (о коем читай выше и много где ниже), молча дивился, как Роза, обессиленная и предельно изнурённая долгими трудами, тем не менее до полуночи предавалась ручному труду. Супруга казначея, увидав однажды, как изнемогает она, ослабев, и измождении и отупении едва может вздохнуть полной грудью, сделала ей серьёзное внушение, дабы она дала своему доведённому до крайней худобы телу хотя бы коротенький перерыв в сих трудах. Деятельная дева возразила, что без внутренней тревоги не может оставить своих родителей в нужде.

[27] Ещё более удивительно показание на канонизационном процессе Луисы Утрадо де Бустаманте, вдовы Бартоломео Алонсо де Ломбрера, знаменосца, о том, что сколькими бы Роза днём и ночью ни была занята святыми упражнениями, сколько бы ни препятствовало ей довольно тяжких болезней, сколь часто ни охватывали бы её небесные восхищения, она при этом за один-единственный день обычно завершала такой объём трудов, который любая другая, пускай даже самая расторопная, самая опытная, едва ли завершила бы за целые четыре дня; и не стоит думать, что при таковой быстроте у проворной Розы получались (как это обычно бывает) работы небрежные, уродливые, несовершенные, ибо, помимо прочих, свидетель 68-й утверждает, что каждая оная работа была исполнена такового совершенства, что, казалось, по своему изяществу и качественности они чаще всего выходили за пределы человеческого мастерства и прилежания.

[28] Но тревожная любовь и заботливость дочери не останавливалась на этом: она всяческими придумками старалась облегчить их нужду. На домашнем участке она выделила цветничок, чтобы собственноручно развести там садовые (sativis) фиалки и ухаживать за ними, которые сразу, как они подрастали, собирала в букеты и отдавала служанке, чтобы та выставила их на продажу, а кое-какой доходец с того передавала матери. Когда однажды её спросил набожный человек (свидетель 21-й), какие средства приносила её родителям эта мелкая торговля цветочками, она ответила, что они были бы, пожалуй, совсем скудны, если бы Жених небесный не пополнял их дивными, хотя и загадочными, способами.

[29] А когда отца или мать поражала телесная болезнь, не было для дочери ничего более важного, ничего более святого, ничего более священного, чем, отложив всё,

служить болящим, изыскивать лекарства, собственноручно готовить еду, сервировать и кормить [их] с ложечки (? – bolatim), накладывать прохладительные повязки и припарки. Тогда она ночи проводила без сна, сидела подле ложа, постель поправляла, делала всё, не пропускала ничего из того, что могло доставить утешение. Между тем она стучалась в небесные врата мольбами, стонами, воздыханиями – причём никогда впустую. Но сие мы лучше отложим до той части (historiae), где перечисляются её чудеса. Вот только никак нельзя здесь обойти молчанием её необычайнейшую дочернюю любовь к матери и [явленный ею] пример крайнего сострадания. В мгновения, когда жизнь уже была готова покинуть её, Роза, видя подле себя скорбящую родительницу и сознавая, как страшно поразит её скорбь от скорой смерти дочери, умолила Жениха (и сие был последний вздох молящейся), чтобы Он укрепил могущественным утешением мать, не способную воспротивиться неумеренной печали, от которой она запросто могла бы слечь, и могуществом руки Своей наделил несчастную нечувствительностью к роковому сему удару.

[30] Сие было даровано, да ещё и обильнее, чем требовала дочерняя любовь умиравшей, ибо как только дева испустила дух, мать захлестнул такой потоп вышних утешений, что (как она подтвердила под присягой) её сердце долго билось от приступов захватывающей сей радости и, словно бы готовое прорвать грудную преграду, подпрыгивало от захватывающего дух ликования, поэтому она в той самой комнате, где умирала Роза, сыскала себе укромный уголок, где, трепеща, могла бы перевести дух от столь сладостного веселия, разрывавшего её. Когда же её оттуда позвали в соседнюю комнату (то ли для того, чтобы устранить её от печального зрелища трупа, то ли чтобы вместе с прочими посмотреть на Алоисию, которая тогда внезапно застыла в экстазе), она не спешила уходить, дабы прежде времени не покинуть своего уголка, где познала столь великое ликование. Поистине никогда ревностнейшая дочерняя любовь Розы не укрепляла мать её с большей заботой и тщанием.

ГЛАВА III. ПОДРАЖАНИЕ БЛАЖЕННОЙ КАТЕРИНЕ СИЕНСКОЙ И ВСТУПЛЕНИЕ В ТРЕТИЙ ОРДЕН СЯТОГО ДОМИНИКА

[31] Разнообразны и бесчисленны пути, повороты, тропы, коими вечная Премудрость понуждает избранные души пробиваться к возвышенной вершине совершенства. И угодно было Оной особенным образом повести избранную Розу св. Марии кратчайшим путём серафической Катерины, когда даже человеческое благоразумие (в большинстве случаев неспособное к различению духов) с крайней навязчивостью силилось перенаправить деву на стези иных призваний. Прежде всего надменная мать с безрассудной надеждой ещё с раннего детства намечала целью для дочки славный и как можно более почётный брак, и с таковым намерением не расходилась её наружность превосходной красоты, острый ум, любезность, коей она была от роду в высшей степени наделана, и нрав, сперва отменно обученный, затем усовершенствовавшийся во всяческой учтивости.

[32] Невинная Роза, напротив, надеялась, своевременно обрезав волосы (как некогда св. Катерина Сиенская), пресечь надежду матери на силки брачные, а затем неленостно пошла дальше: постом согнала с лица прелестный румянец; превосходный вид стана обезобразила ветхим мешком; избегала общественного внимания и, дабы не угождать людским взорам, таилась дома – до того, что целые пять лет, проведённые с родителями в Канте, она ни порог жилища не переступила, ни на красоты соседского сада поглядеть не удостоилась, кроме как однажды, когда ей было велено

сопровождать дочерей почтенной дамы на осмотр громадных индейских сооружений; поехав куда, она всё время неподвижно просидела в одном и том же углу, ничуть не увлекаясь зрелищем знаменитых достопримечательностей. Однако таким образом она всё равно не смогла вполне избежать того, чтобы сначала доброй славой о своей добродетели, а затем великолепием своего скромного лика неволью не вызвать у многих восхищения, а затем и побудить их к предложениям достойного брака.

[33] Среди них была некая дама, знаменитая происхождением и богатством; она горячо стремилась заполучить Розу своему сыну в супруги, а себе в невестки, рассчитывая обрести больше благ от счастливого союза, чем сама дать в наследство сыну. Столь славное дело пришлось по нраву обеим сторонам, прежде всего родителям Розы, потому что они были как стеснены в средствах, так и обременены многочисленным потомством, ибо насчитывалось у них одиннадцать [детей]. Не хватало только согласия девы, которая, памятуя о своём обете, не допускала и мысли о замужестве, однако этого препятствия, которое её (по её собственной охоте и изволению) удерживало, она не смела открыть строгой матери. Посему те многочисленные нападки, те домашние битвы, поношения, ругательства, которые дева переносила невозмутимо, но незлобиво, никому с большей живостью ни постичь, ни оценить, кроме того, кто обратится к жизнеописанию святой Катерины Сиенской, где [рассказывается о том, как] её мать Лапа беспощадно бранила, притесняла, изводила упорно державшуюся за свой обет деву; притом на Розу обрушили ещё худшие слова и даже удары (*verba, etiam verbera*), пинки, оплеухи. Однако в [душе] несравненно стойкой девушки возобладал образ (*idea*) серафической её наставницы (так она обычно называла сиенскую деву), которой она с детских лет взялась подражать в поведении, внешнем виде, нравах, о чём на канонизационном процессе дал обстоятельные показания свидетель 68-й.

[34] Казалось, всё сосредоточилось вокруг сего одного: не дать Розе получить хабит терциарки, коего она столькими мольбами выпрашивала, столькими воздыханиями, столь обильным излиянием слёз добивалась, ибо ей была вдруг предложена стезя в ином иноческом ордене, и хотя она никоим образом не могла быть неприятна Розе, всё же свыше она была предназначена ни к чему иному, как высокому пути св. Катерины Сиенской.

В те дни в Лиме возник новёхонький монастырь св. Клары – сокровищница всяческой святости, строгости и подвига, – который возглавила достославная матушка Мария де Киньонес, дядей которой был тот самый прославленный слуга Божий – тогда ещё живой архиепископ Лимский – владыка Турибий Альфонсо Монгровехо, о коем сказано выше. Кстати, достоивная святость, пастырское рвение, многочисленные чудеса сего несравненного мужа не были обойдены вниманием Римом в Священном Сенате Обрядов, где давно и тщательно рассматривается дело о его канонизации (*apotheosi*).

[35] Итак, сии руководители только-только построили монастырь и сами же пригласили туда, как бы в рассадник прекрасных цветов, Розу, которую основательницы сразу среди первых предпочтительным образом выбрали, оценили, одобрили. Она же, получив о том полнейшие сведения, прежде всего постаралась выяснить, каково о том благоусмотрение Божие, и тайну своего призвания смиренно (*serpua*) вверила вышнему Судии, не отказываясь ради охранения своего целомудрия и осуществления изначального своего желания вести более суровую жизнь от предложения войти в той обители в самый строгий затвор, а также принять трудный род подвижничества; более всего потому, что уже узнала на опыте: едва ли иначе

удастся ей избежать назойливости женихов, напора родителей, братьев, домашних и нечистого внимания мира (*mundique immundi conspectum*). Но внезапно по небесному провидению возникло препятствие со стороны матери. Предполагалось, что она с общего согласия, либо же ради почтения к столь знаменитому архиепископу, либо же обременённая потомством, спокойно отпустит дочь без взноса (*dote*). Однако она воспротивилась, приводя в оправдание нужду семьи, которую Роза поддерживала трудом рук своих. Одновременно противилась изнурённая старостью и болезнями бабушка, коей она была единственным облегчением в недуге и усердно ей прислуживала. Противились сему, наконец, и иные обстоятельства по провидению Божества, ибо таковым множеством окольных путей сия несравненная Роза была сохраняема для цветущего сада св. отца Доминика.

[36] Дабы сие стало ещё явственнее, понадобилось двойное знамение с небес; первое из которых произошло следующим образом. Те, кто наблюдал, как Роза алчет небес, как привержена духовным упражнениям, уединению, умерщвлению тела и какое отвращение испытывает к миру, неоднократно убеждали её вступить в какой-нибудь монастырь, где бы она полнее могла бы посвятить себя Богу. В итоге то же самое посоветовали духовники, к тому побуждали уважаемые и в духовном учительстве выдающиеся мужи, а родной брат побуждал Розу смиренно подчинить своё окончательное решение – с ведома и согласия бабушки – их единодушному мнению, вверившись, впрочем, Божию (как рассказывается выше) суду. Когда затем Розу стали зазывать инокини монастыря Святейшего Воплощения (подвизавшийся под уставом св. отца Августина), брат деятельным своим посредничеством добился разрешения и места, и уже ничего не мешало тому, чтобы Роза, покинув отеческий дом, тайно, без проволочек и шума напрямик отправилась в киновию, где её встретили бы с распахнутыми дверями и осыпали при входе белоснежными лилиями. И вот, в ближайшее воскресенье, на которое было назначено благочестивое бегство, она отправилась в путь, взяв брата единственным спутником своим в счастливейшее сие путешествие, а проходя близ находившейся по соседству церкви св. Доминика, завернула туда с ним, дабы в приделе Пречистой Девы (названном в честь розария, на котором там и молились) заручиться материнским благословением Пресвятой Богородицы, точно бы своевременным напутствием в дорогу, после чего намеревалась поскорее ринуться дальше.

[37] Однако, едва она преклонила колени для молитвы, как почувствовала, что неподвижно приклеилась к полу. Итак, она прилипла, а брат всё более раздражённо попрекал её за то, что она задержалась свыше уговора, ведь уже пора идти, а для долгих молитв будет время в монастыре. А Роза, которая никак не могла сдвинуться с места, краснея, но притом молча, тут же попыталась как-нибудь высвободиться из сокровеннейших уз столь дивного чуда. Между тем брат, возвратившись от церковных дверей, во второй и в третий раз попрекнул её за задержку, подчеркнул, какую беду может вызвать промедление, и, когда она попыталась встать, протянул ей руку, но и обоюдные их потуги оказались тщетны. Она была словно скала, вросшая в почву, или огромная глыба свинца, которую не поднять никаким воротом. Роза поняла сию загадку так, что по решению небесного Жениха ей не подобает тайно прятаться, испросив убежища в оном многолюднейшем монастыре, что в тайном вечном совете предусмотрен для неё иной род монашества (*instituti*), и в итоге всё сводится к тому, что Розе, ограждённой шипами, предназначена единственная стезя – св. Катерины Сиенской. Итак, оставаясь недвижимой, она обратилась к кротчайшей Царице св. розария, молвив: «Обещаю Тебе немедля вернуться отселе к матери и к отчому жилищу, коли велишь, относиться, как ко скиту». И надо же! немедля та, что

чувствовала себя свинцовой, поднялась без чьей-либо поддержки, направилась домой, откровенно рассказала матери всё как было и с согласия родительницы стала думать об иных родах монашеского затвора (о чём повествуется в гл. X).

[38] Другое знамение. Лимская земля обилует как попугаями, так и бабочками, совершенно дивными своим изяществом и разнообразием расцветок, причём те и другие, кажется, прямо-таки состязаются в красе друг с другом. Как-то Роза, глубже задумавшись о двуцветном хабите серафической наставницы своей, вместе с тем с сомнением размышляла, стоит ли поспешно принимать одеяние Доминиканского ордена; и тут одна из бабочек, прелестнейше окрашенная только в чёрный и белый цвета, медленно и тихо, но отнюдь не случайно, приблизившись, стала кружить вокруг девы, и та, тотчас восхищенная в исступлении ума, ясно уразумела то, что давно тревожило её душу: Божий ответ заключается в том, что ей, наконец, подобает принять хабит Третьего Ордена Проповедников.

[39] Тут же не замедлила последовать и благополучная развязка, ибо вскоре после устранения препятствий со всех сторон, она достигла желаемого и в розариевом приделе Богородицы, где когда-то прилипла до неподвижности, была руками тогдашнего своего духовника – отца-магистра бр. Алонсо Веласкеса из Ордена проповедников (к которому сие было доверено отцом-провинциалом) с торжественными церемониями облачена в двуцветное одеяние, которое нравилось ей у сиенской наставницы. Случилось это в год спасения 1606-й, в тот самый прелестный день св. мученика Лаврентия (10 авг.), к которому как раз впору подошла бы строчка из элегии Тибулла (кн. 2, эл. 5): «Лавр благовестье подаст, ликуйте...» Конечно, Роза возликовала, как увидела себя облачённою в пёстрый наряд; и вместе с Лаврентием вновь на костре воспылала; и сладостное торжество умиляло её; и почитала себя новая терциарка блаженною более, чем только по именованию (в испаноязычных странах того времени женщин, ведших целомудренную жизнь в миру, повсеместно величали «блаженными». – согл. прим. лат. изд.).

[40] Ведь вместе с ребёнком возрастала сия мечта, ибо она посвятила себя св. Катерине Сиенской в пятилетнем возрасте, что свидетели 2-й и 20-й многократно цитируемого канонизационного процесса по их утверждению слышали из уст самой Розы. Когда же дома читали по главам серафическую историю жития оной святой, она слушала её с величайшим вниманием, словно бы читали для неё одной, и, до мозга костей воспламенившись желанием следовать оному, не успокаивалась, пока вне – в одеянии, и внутри – в золотой бахrome (ср. Вульг. Пс. 44:14) не уподобилась как ученица столь славной героине и наставнице. Но если Розе было крайне трудно уже по достижении двадцатилетнего возраста пробиться сквозь столько препятствий к обретению священного хабита, то едва ли меньшего борения потребовалось, чтобы сохранить оный до смерти. Однако она сохранила оное, несмотря на многообразные искушения, принять иное; ведь человеческое благоразумие, несведущее в божественном совете, не преставало советовать, предлагать, навязывать ей разные [пути], якобы получше и подостойнее. Расскажу о двух из сих [искушений], которые сильнее укрепили терпение победившей их.

[41] Казначей Гонсало, превосходный муж, который пользовался влиянием на вверенную ему деву, более того, даже семейной властью, то ли самостоятельно, то ли по стороннему наущению советовал Розе реформированный устав Святого Кармеля, который, как ему казалось, лучше всего подходил её характеру (*genio*); настаивал, что ей более подобает подвизаться Богу, внимать Духу, предаваться созерцанию в славном

парфеноне Босоногих дев, нежели где-то среди распоследних терциарок. А поскольку на подобающий взнос не хватает средств, продолжил казначей, он настоятельно просит возложить на него целиком все заботы и хлопоты о том, чтобы её без затруднений приняли в строжайший (religiosissimo) сей монастырь. Это был сущий таран, направленный Розе в грудь, прежде всего потому, что и сама её мать, которую уже подавили домашние тяготы, и многие из слуг Божиих были согласны с этим мнением. Хотя Роза оставалась верна своему призванию и уверена в нём, однако не хотела ни показаться сумасбродной, ни проявить наглую гордыню, презрев благосклонные суждения такого множества чрезвычайно сведущих особ. Итак, улучив в другой раз возможность, она представила этот вопрос на рассмотрение четырёх членов Ордена проповедников, превосходнейших богословов, пообещав согласиться с тем, что определит их властное решение, ибо была уверена, что Бог не позволит по единогласному их голосованию (calculis – камешками. – прим. пер.) отозвать её с избранной стези смиреннейшего ордена, которую прежде счастливейшим образом прошла серафическая наставница из Сиены.

[42] Результат соответствовал ожиданиям; ибо, когда четверо вышеназванных богословов подавали поровну голоса с обеих сторон, то изумились, что по действию Божества весы оставались всё время неподвижны и не клонились ни к одной из частей, что они в итоге объяснили на диво постоянным равновесием [девы]. Итак, победило её постоянство, с коим она отныне ещё отважнее возражала Гонсало и прочим уговорщикам, давая скромный и веский ответ, что, хотя она цветущими пустынями Кармеля, куда ей предложили вступить, чрезвычайно восторгается и восхищается, однако нужно и должно следовать одному лишь Божию, а не человеческому внушению; что Дух дышит где хочет, [а потому] как в выборе, так и в перемене подходящего образа подвижничества нет места ни произволу, ни поспешности, но – милости Божией; наконец, что доныне она не получала никаких иных указаний свыше, кроме тех, о коих уже заявляла; что подобает ей жить и умереть по драгоценному образу и наставлению св. Катерины Сиенской, однако рано или поздно придёт время, когда в Лиме возникнет новый монастырь её имени и устава (instituti), но ныне она пока не знает, уготовано ли ей свыше быть в нём. Поистине, достоин был Кармель сей Розы и достойна Роза Кармеля, но Цветовод веянием могучим влёт её к Ордену.

[43] Итак, этот таран устранился, но остался другой, всех несноснее, поскольку острее: ибо, вкравшись подспудно ходами смирения, волновало Розу некое сомнение, открывшее путь крайне гнетущим помыслам: что она, нечистая грешница, совершенно недостойна одного белоснежного облачения Катерины Сиенской, ибо она скорее наружно красуется одежаниями, нежели таит их белизну внутри, не располагая в самой себе ничем, что соответствовало бы их блеску, а потому в хабите, что являлся олицетворением (protostativum) добродетелей и символом благочестия Серафической наставницы, она кажется не иначе как ряженой и вводит окружающих в заблуждение напускной святостью. Беспокойство усугублялось тем, что белая одежда казалась поводом и возможностью обрести заведомое людское одобрение, ибо дева, отвращаясь от возрастающей своей славы, скорбела, что другие женщины на людях узнают её по белым одежаниям; что прохожие, приметив её издали, показывают пальцами и хвалят; и что встречные порой сравнивают её со св. Катериной Сиенской. Мучения были таковы, что могли внушить ненависть к священному оному облачению, и побуждали Розу поначалу стыдливо скрывать его, а потом и вовсе от него отказаться, так что она бегом направилась в своё привычное убежище (то есть в придел Святейшего розария, где она приняла хабит), чтобы там, как бы снова с недвижимой прочностью укоренившись, обрести по чаемому заступничеству великой Богородицы избавление от претягостного

искушения.

[44] Вышло как она надеялась; ибо коленопреклонно обосновавшись на приалтарной ступеньке, она посреди моления постепенно оцепенела в безмятежнейшем умилении души. Сёстры того же Третьего ордена (*habitus*), находившиеся рядом, обратили внимание на просительницу и увидели, что после долгого пребывания в молитвенном сосредоточении перед священным образом, лицо Розы, поначалу бледное, как белый снег, спустя некоторое время покрылось прекрасным румянцем и, наконец, всё просияло и лучезарно заблестало. Они сразу сообразили, что происходит нечто чрезвычайно великое, распознав в этой смене цветов (*tinctura*) как бы радугу розария, содержащего тройственные тайны (скорбные, радостные и славные. – прим. пер.). И воистину было так, ибо Роза, наконец придя в себя и вновь обретя природный цвет лица, воскликнула в победном ликовании: «О сёстры! Восхвалим же Бога, что изволил нас, терциарок, прочными узами обоюдной любви навек к Себе привязать и приобщить!» Поскольку они были осведомлены о предшествовавшем борении, то величайшей лёгкостью уразумели, что скрывалось за этим загадочным выражением. Ибо то был пеан о преодолении искушений, кои дева так сокрушила, что они никогда не возвращались. И принесла эта победа Розе то, что белый хабит серафической Катерины она и сохранила, и с величайшим постоянством держалась за него. В увенчание этой главы стоит привести изумительный случай, [показывающий] насколько полно она потом усвоила добродетели оной наставницы своей (рассказ о чём мы, впрочем, отложим до последующих глав): однажды онемевшему от изумления духовнику Роза явится столь преображённой во внешности, лице, очертаниях, что будет представлять из себя живое подобие точнейшего портрета св. Катерины Сиенской.

ГЛАВА IV. ИСТИННАЯ КРОТОСТЬ ДУШИ ЕЁ, РАДУШИЕ, ОБХОДИТЕЛЬНОСТЬ И ПРОЧИЕ ДОБРОДЕТЕЛИ

[45] Хотя ничто в сокровенных глубинах её не было непосредственно постижимо, однако, поскольку Роза постоянно была занята множеством дел, весь строй её смиреннейшей жизни оказывался предельно красноречив. Здесь мы представим лишь краткую подборку из множества [подтверждающих примеров]. Ей казалось мало того, что дома, забыв о своём положении [хозяйской] дочери, она занималась обязанностями, подобающими распоследней домашней прислуге, если не ниже того. В доме у родителей Розы служила некая Мариана, индианка родом, по-сельски простая. Зачастую Роза, повергнувшись в укромном уголке дома то ничком, то навзничь, молила, уговаривала, принуждала, чтобы та топтала её ногами и, словно бы презренную грязь, попирала подошвами, и даже требовала сверх того вдобавок плевков, пинков, ударов, ничего не пропуская, в чём выражается крайнее презрение к низкому существу. Если же Мариана пыталась жалеть её или исполняла повеления кое-как, Роза умоляла её ещё настойчивее и не поднималась с полу прежде, чем добивалась просимого. Сколько бы ни бранили её братья и мать за необычность жития, она верила, что заслуживает не только этих, но даже вдесятеро более тяжких оскорблений; более того, то, что они вменяли себе в вину, она обычно преувеличенно восхваляла, а свои проступки подчёркивала, лишь бы не показалось, что унижают и презирают её чрезмерно или незаслуженно, ведь она и так старательно доискивалась от всех неуважения и попраiania.

[46] В её обычае было скрывать тяжесть своих болезней (кои часто и пребезжалостно обременяли её измождённое и истощённое тельце), чтобы никто ей не помогал. Но

когда по причине или чрезвычайно мучительных судорог, или силы [проявления] болезненных симптомов не могла оставить их без внимания, то признавалась, каковы её терзают мучения, дабы по безмерности её скорбей люди заключали, сколь Роза несправедлива да грешна пред Богом, коли заслужила беспрепятственного наказания справедливейшими карами от разгневанного Божества за столичные злодеяния. Она сама верила в то [что порочна] и горячо жаждала, чтобы другие также в то верили. Посему зачастую в присутствии задушевных друзей и близких знакомых она робко повторяла речи о том, что, мол, дивится, почему Бог доныне не ввергнул в бездну несчастный мир, терпящий эдакую грешницу. Также [она считала, что] по злочестию своему заслуживает в преисподней гнуснейшего (*infitimus*) и самого позорного (*infamis*) места; что она лишь попусту обременяет землю, являясь отвратительной раковой опухолью человеческого рода, зловонным сором и отбросом; недостойной видеть небо, вдыхать воздух, возлежать на почве, ибо от прикосновения к ней осквернятся стихии, её злодеяния отягчают землю и горечью отравляют океан. Все неудачи, сколько бы их порой ни случилось дома или вовне, она безо всяких сомнений приписывала своим проступкам; а поскольку она вполне всерьёз это и чувствовала, и говорила, то не могла терпеть, когда люди, осведомлённые о её невинности, отказывались верить в таковые [утверждения], а ещё тяжелее скорбела, если ей отвечали, что говорит она так просто из-за смирения, возражая на то, что лучше верить ей, ибо она одна себя знает.

[47] Но если они заходили дальше того и, отринув сего рода хуления, наоборот, принимались Розу восславлять и восхвалять, несчастная ужасалась и содрогалась, словно бы поражённая ударом молнии, бледностью, безмолвностью, воздыханием выдавая чрезвычайную грусть, терзающую её. Случилось так, что казначея Гонсало навестил каноник Мигель Гарсиа, друг его дома; и как-то за дружеской, как это обычно бывает, беседой о том о сём, вскользь обмолвился, что наслышан о дивной святости жития Розы (тогда обитавшей как раз в том доме), умерщвлении плоти, превосходном поведении и нраве. Случайно оказавшись близ гостиной, Роза неволью услышала сей разговор, но не в силах снести отвращения от похвал себе, выбежала в печали и спряталась в глубине комнаты, где жила казначеева дочка Мигела, и там сразу, от всей души оплакивая с воем и слезами свою горчайшую участь, била себя в невинную грудь, кляла опостылевшие похвалы, не находила себе места от стыда и, дабы мучение мучением перебить и одновременно покарать [им самоё себя], многократно била себя кулаком по голове, на которой в то время тайно носила плотно покрытый острыми иглами венок (о чём ниже – в гл. VIII). Кто, подумайте, подобным образом терзался, обременённый похвалами, с душевной радостью приняв презрение, хулы, поношения? Однако продолжим.

[48] Роза пыталась совершить одно чрезвычайно трудное дело в подражание героической добродетели св. Катерины Сиенской и преуспела: когда донна Исабель Мехия решила, что Роза этим [самоистязанием] чрезвычайно повредила и испортила здоровье, то, объятая благочестивым ужасом, упростила о магистра бр. Алонсо Веласкеса, духовника девы, сурово выбрать её, как бы порицая за опрометчивую чрезмерность, дабы остеречь Розу от подобных потуг, превышающих силы. Он поругал деву, поскольку ещё не разобрался, что в тогдашних обстоятельствах она заслуживала скорее похвалы. Но смиренная Роза признала мнимую вину в святейшем поступке и, попросив прощения, поклялась исправиться, будучи рада встретить брань там, где страшилась одобрения и суетной славы.

[49] Всякий раз, когда она на исповеди (*in suimet accusationem*) склонялась у ног духовника, часто так обливалась слезами, так корчилась от рыданий, испускала из

глубины сердца такие тяжёлые вздохи, что можно было бы решить, будто оплакивает она не иначе как вину в чудовищном преступлении. Она сравнивала себя с «женщиной того города, которая была грешница» (ср. Лк. 7:37), стыдилась, била себя в грудь, трепетала, словно бы пасть ада вот-вот пожрёт её; однако же для столь избилующего предельным смирением сокрушения всегда отсутствовали достаточные основания, относительно которых в таинстве [покаяния] можно было бы обоснованно дать отпущение грехов. Позднее духовники единогласно с уверенностью заявляли, что им стоило многого труда после тщательного исследования изыскать в невиннейшей жизни столь чистого существа что-нибудь наверняка заслуживающее епитимии. Роза же, с другой стороны, неленостно трудилась над тем, чтобы безмерно преувеличить свои недостатки, и всерьёз – с плачем и стоном – просила уврачевать их. Но, не довольствуясь сим, она помимо нескольких исповедей в неделю назначила себе вдобавок покаяние пред лицом св. отца своего Доминика, когда, словно на дисциплинарном (correctionis) капитуле, подробно излагала ему свои провинности, смиренно просила прощения и исцеления по его заступничеству.

[50] По свидетельству жены казначея Гонсало донны Марии де Усатеги, в течение трёх лет, что Роза прожила в её доме, она считала себя настолько ниже всех, что была послушна не только хозяину и его супруге, но даже совсем маленьким дочерям, более того – слугам, служанкам, дворне, с равной любезностью исполняя малейшее указание каждого, словно приказ, и считая себя благодетельствованной, если кто-нибудь по-господски помыкал ею, как если бы она была принята в дом из милости, поэтому она коленопреклонённо просила у Гонсало (если ему доводилось оказаться рядом) разрешения даже на глоточек воды. Велики и многочисленны проявления кротчайшего Розино смирения, кои наблюдало и засвидетельствовало семейство Гонсало; однако довольно упомянуть о сем – самом последнем. Когда она лежала на смертном одре и в последние минуты жизни ей предложили подкрепить сердце глотком драгоценного напитка из черпака, болящая заявила, что не может, но когда услышала, что сие повелел сам глава семейства, памятуя о покорности ему, повиновалась, взяла сосуд, испила и слабым голосом молвила: «Подите сообщите Гонсало, господину моему, что я на самом деле не могла, а когда повелел – смогла, и что у самых врат смерти не забуду об обязанности повиноваться владыке моему». А перед тем, как испустить дух, она обратилась к окружающим с просьбой простить ей, если вдруг она чем провинилась перед этой семьёй или домочадцами: дурным ли примером, угрюмым ли и нелюбезным обхождением; и продолжала бы она [извиняться] дальше, если бы не предстояло ей вскорости отдать последний долг (умереть. – прим. пер.).

[51] Роза долго пребывала в неведении, осталось ли в ней хоть что-нибудь, способное вызвать похвалу или показаться прекрасным, пока некая женщина, заметив мимоходом руки девы (ибо женщины одарены зрячестью в подобных вещах и замечательной наблюдательностью), не похвалила их белизну, изящество, соразмерность. Ужаснулась дева, что от столь ничтожного восхваления внезапно [может подвергнуться греху] тщеславия и, воспользовавшись негашёной известью, с муками изуродовала обе руки, так что от едкого ожога кожа всюду избородилась складками, там и тут вспухла волдырями, причём из-за боли, причинённой им, и вреда Роза была не в состоянии сама одеваться в течение более тридцати дней, и ей приходилось призывать на помощь служанку Мариану. Она-то после кончины девы и рассказала все те события, что Роза по смирению (как и многое другое, и более значимое) по своему обыкновению скрывала.

[52] Смиренная дева давно старалась всеми способами известить природную прелесть прекраснейшего лица своего, дабы не могло оно угодить смертным очам – притом не только постоянным недоеданием и суровыми подвигами, но и целиком обливая тело ледяной водой; и, казалось, уже добилась того, что в её обескровленном лице не осталось ничего примечательного, кроме тусклой бледности да худобы впалых щёк. Но, как только она выяснила, что пытливые люди начинают по сим признакам мало-помалу распознавать, ценить и превозносить все её постнические подвиги, сочла, что червь тщеславия и похвальбы ей страшнее, чем выдающаяся красота облика, прибегла к обычному средству – молитве и горячо выпрашивала у Бога наделить её такой внешностью, какая хотя бы не выдавала смертным очам наружных знаков её сурового подвига и многих постов. И надо же! Вскоре исхудалым щекам возвратился живой цвет, лицо обрело более телесную полноту, чело просветлело, глаза заблестели, так что вскоре можно было решить, будто Розе совершенно неведом пост.

[53] Сие благолепие попало на глаза неким аргусам, любопытным от праздности, которые, болтая у входа в храм в пятничный день, наблюдали, как Роза с матерью возвращаются из церкви домой. Дева провела всю ту Четырнадцатую на одном хлебе и воде, а в последние дни Страстной недели вообще едва позволяла себе хоть по крошке какой-либо пищи; помимо того она с раннего утра четверга (именуемого Вечерей Господней) до полудня той пятницы безотлучно простояла в неподвижности в храме св. Доминика, свершая бдение перед Св. Дарами, торжественно помещёнными по обычаю в подобие Св. Гроба, и на протяжении всех этих почти тридцати часов не съела ни кусочка и не испила ни глотка воды. Когда же вышеупомянутые зеваки увидели, что она с матерью возвращается оттуда обратно домой, а лицо её оживляет подобный заре румянец, на вид она бодря, беспечальна и ничуть не побледнела, то легкомысленно заподозрили, что дева идёт с роскошного пиршества, и стали походя высмеивать её громко и развязно, говоря: «Ну и ну! А как великолепно эта монашенка в своём хабите! И как здорово заметно по лицу, что кто-то вдосталь попотчевал её лакомствами! Так-то постятся «блаженные»?» Матери не по нраву пришлось легкомысленные колкости этого совершенно нелепого суждения, а смиренной Розе чудо как понравилось, что таким образом утаён её пост, пускай даже её так высмеяли за обжорство и оклеветали в ненасытности. То был из тех уколов, что Розу не огорчали, а услаждали.

[54] В равной мере имела она заботу и попечение о сокрытии прочих сокровищ своих даров, дабы не стали они добычей людской похвалы. Из-за этого вышло так, что её многочисленные и достославные деяния, видения, тайные дары Духа были так упрятаны под заслоняющей сенью безмолвного смирения, что туда при всём своём настойчивом внимании едва когда в силах была проникнуть мать, друзья, духовники, дабы получить о том хотя бы поверхностное представление. Некая особа, весьма известная своей духовностью и благочестием, томилась многолетней мечтой глубоко постигнуть чудеса благодати Божией, которые уже не могли быть полностью укрыты на Розином лугу [духовном]. И вот, когда лазутчик отчаялся во всех иных средствах, он наказал духовнику девы, над коим имел духовную власть, попробовать с помощью наводящих вопросов и двусмысленных иносказаний что-нибудь выведать у неё, пускай и поневоле.

[55] Духовник долго отказывался, долго медлил, прекрасно зная, какие трудности ему предстоят. Наконец, то ли подстроив, то ли улучив удобный случай, он стал издали подбираться к деве прикровенными вопросами, она, с величайшей быстротой уловив, к чему они клонятся, упредила западню и окоротила досадителя сими кротчайшими словами, молвя: «Знай, мой отче, что я с детства горячо молилась Богу, чтобы Он не

позволил никому из смертных проведать, если вдруг по высочайшему Своему милосердию изволит совершить что-нибудь в недрах душонки моей. Испытующий сердца внял просьбе мой; посему прекрати выведывать, дабы не утомлять бесполезными усилиями ни меня, ни себя; дара сей сокровенности, что уделил Господин, слуга не исхитит». Всё же пришлось ей раз или два с тяжёлым сердцем, открывая помыслы то духовникам, то доктору Хуану де Кастильо (о коем – в гл. XII), поведать величественное и дивное, однако сверх того она ничего не отвечала на расспросы, осторожно и сдержанно взвешивая свои слова. Поэтому то, что Роза тогда поневоле стыдливо сообщила, кажется мне слишком скудным и почти обыкновенным по сравнению с тем, что она сохранила втайне благодаря Божью дару сокровенности и под печатью смирения.

[56] Богородица, будучи прообразом смиренномудрия, благоволила сей добродетели, ибо ведь Она сама помогала Розе смиренно скрыть орудия своего подвига. Дело было так. Роза отправилась по своему обыкновению в церковь св. Доминика помолиться и, находясь там, вдруг с ужасом вспомнила, одно из множества орудий, которые были приспособлены ею для укрощения хрупкой плоти (*corpusculo*) своей, случайно оставила дома на видном месте, где кто-нибудь из домочадцев, войдя в её отсутствие в комнату, мог легко его увидеть. Смущённая дева побледнела, страшась, что по этой улике поймут, каковым она имеет обыкновение предаваться покаянным подвигам. Итак, немедля обратившись к Деве-Матери с мольбою, она взволнованно попросила помочь в опасности и убрать оное орудие в иное место, которое сама мысленно наметила. Тут же пропала боязнь, отступил страх, и Роза, вернувшись после молитвы домой, нашла своё орудие не там, где оставила, а там, куда умоляла Матерь милосердия убрать его.

[57] Таковому её смирению неотлучно сопутствовала нежнейшая кротость, миролюбивая ласковость, совершенная безропотность. Все, кто её знал, дивились тому, что из её уст никогда не исходило грубое слово, крик, обвинение; никогда не слышали от неё речей хвастливых, чванных, напыщенных; ни в поведении её, ни в обращении (*moribus aut motibus*) не обнаруживалось никакой мрачности или печали, в которых можно было бы почувствовать кислую угрюмость. Всегда ясная, приветливая, радушная, она совершенно не придавала себе значения, но лишь была послушна всякому человеческому существу. Какая же это, скажешь, роза, коли совсем лишена она была шипов? Но погоди, ведь в самой себе она была сплошь в шипах, и о многообразных сих подвигах усмирения плоти обстоятельно поведает следующая глава.

ГЛАВА V. НЕОБЫКНОВЕННОЕ САМОГРАНИЧЕНИЕ СВЯТОЙ И ЕЁ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНЫЕ ПОСТЫ

[58] На столь глубоком, широком и прочном основании достойно и безопасно было возводить огромные, высокие и тяжеловесные строения. Поистине невозможно описать словами даже те довольно скудные (*jejune*) сведения, что стали известны о постах (*jejunii*) Розы, ибо (как мы уже сказали) многое осталось в тайне. В общих чертах известно, что дева чудесным образом шаг за шагом продвинулась по стезе самоограничения и пощения, проложенной св. Катериной Сиенской, вплоть до высшей степени воздержания от пищи. По порядку опишем каждый [из этих шагов].

[59] Девчурка ещё оставалась в младенческих платьях и летах (*rannos & annos*), когда воспретила себе (что в такие годочки непривычно и трудно) есть какие бы то ни было

фрукты. Внимательная мать многократно изумлялась, что её малышку ни один из них не привлекает ни вкусом, ни сладостью, ни всяческой красотой; ибо фрукты, что ей давали, она дарила другим и никогда даже к губкам сначала не подносила. Шестилетней она по средам, пятницам и субботам (если только мать или врач не понуждали её) совершенно воздерживалась от всякой сытной пищи и не вкушала ничего, кроме хлеба и воды. В возрасте пятнадцати лет она дала обет на протяжении всей жизни воздерживаться от мяса насколько позволят ей те, кому она обязана будет подчиняться. Мудрое правило воздержания юной девочки заключалось в том, чтобы ограничить убогое тело своё, не ограничивая прав и власти, данных над нею другим. При этом осмотрительная дочка не испытывала недостатка в остроумных уловках, с помощью коих она долго скрывала от матери степень суровости своего самоограничения, чтобы та не принудила её питаться более плотными кушаньями.

[60] Между тем по причине благоговения [перед ней] благородные дамы приглашали мать с дочерью в свои дома и, устроив умеренное угощение, просили обеих разделить его с ними. Чрезвычайно тяжело было это воздержной Розе, коей был неприятен даже запах мясных блюд. Но родительница, более радея об угождении дамам, нежели дочери, приказывала ей сии яства съедать целиком, дабы не показалось, что она, из некультурного чудачества придерживаясь чрезмерно сурового поста, оскорбительно отвергает оказанное ей почётное гостеприимство. Дочь с печалью повиновалась, но это было величайшим испытанием для её непривычного желудка, и всё, чтобы она против воли ни проглотила, немного позднее, сыскав укромный уголок, целиком отдавала обратно не без достожалостного мучения, ибо, если её раздражённое нутро когда-либо никакими силами не могло справиться с ненавистным куском пищи, у неё случались наружные конвульсии и при рвоте её охватывала жесточайшая лихорадка. Не легче удавалось ей повиноваться и врачам, когда они побуждали её при болезни или слишком медленном выздоровлении есть мясные блюда для восстановления сил, ибо такого рода пища настолько не шла впрок недужной, что даже от маленького кусочка оной, как если бы он был ядовит, ей становилось куда хуже, и с усилением недуга набиралась сил не болящая, а её болезнь.

[61] Однажды, когда было довольно неясно, как она оправится от болезни, по предписанию врача её содрогающемуся желудку навязали крошечный кусочек мяса, дабы она поскорее выздоравливала – и тут же несчастную вновь свалила внезапно охватившая всё тело слабость, затем последовала дрожь и помутнение, а вскоре грудь и лёгкие ей поразила одышка, стиснув и перекрыв её дыхание. Только через много часов деву оставил в покое этот приступ, а в течение нескольких дней она не могла ни шагу ступить, ни на ноги встать, пока после возвращения ей права на привычный ей пост не возвратились и к ней самой силы. Она уже было почти поправилась, как её опять против воли принудили вкушать мясо, и опять возвратились вышеописанные симптомы, против которых не были действительны никакие средства, кроме питания хлебом и водой.

[62] Она многократно страдала болями в тазобедренных суставах (ischia) и часто от крайнего страдания, вызванного ими, ей выворачивало наизнанку желудок. При таковых мучениях она иногда сутки за сутками проводила без еды, но, когда терзания несколько умерялись, домашние сразу же заботливо настаивали на том, чтобы она приняла мясной похлёбки. Она же, самым вежливым образом отказавшись от сего, настаивала, что лучше бы ей дали привычного угощения – хлеба и воды. Когда ей предоставляли оное, она, словно предвкушая великолепное угощение, обмакивала хлебный мякиш в прохладную воду и, вкусив его, вскоре поднималась с постели, как бы

восстановив силы и очень даже прекрасно подкрепившись. Казначей Гонсало дважды или трижды наблюдавший в своём доме, как Роза поправляется от сего лекарства – не асклепического, а самого что ни на есть аскетического, – заявлял, что никак не мог взять а толк, откуда в сем постном пайке оказывалась питательная сила.

[63] Также и в другой раз, когда у девы были замечены явственные признаки очевидного заболевания, тот же глава семейства пожелал, чтобы она испила немного бульону из птичьих крылышек, дабы хоть как-нибудь поправить испорченный желудок. Роза уже столько изведавши бед, вынуждена была, однако, повиноваться его настояниям. Едва она вкусила глоток, как почувствовав приближение приступа, с вежливыми извинениями покинула трапезу, вбежала в соседствовавшую с гостиной моленную, затворила двери; а проведя, как обычно взаперти, ночь, вышла оттуда бледная и в некотором замешательстве призналась казначею и супруге его, что совсем недалеко была от того, чтобы за глоток бульону заплатить смертью из-за жуткого спазма в груди, который чуть было не задушил несчастную.

[64] Сии жестокие опыты побудили сострадательного казначея упрашивать, едва ли не заклиная, каждого из духовников девы, врачей, родителей, чтобы они в дальнейшем не пытались приказывать Розе есть мясо, подвергая её жизнь опасности; ибо довольно уже явлено трагических примеров её ревностного послушания сверх сил; а потому будет жестоко и явно негодно Богу предпринимать что-нибудь ещё, покушаясь на Розино постничество, от коего столь очевидно зависела её жизнь. И Роза под покровительством такового защитника смелее предупреждала врачей, чтобы, коли желают ей здоровья, не губили её, принуждая к мясоедению; более того, она отказывалась принимать и любые другие богатые питательными соками кушанья, ибо так усмотрелось Божеству, повелению Коего и сами законы природы повинуются. Она даже как-то намекала на видение свыше, в коем (как она помнила) Христос спокойно – без упрёков и ласкательства – указал Розе, что Ему угодно, дабы она постоянно чтит Его столь строгим соблюдением поста, а Он сам позаботится и попечётся о жизни её и здоровье; и не стоит сомневаться, что Тот, Кто отдал за неё Свою жизнь на Кресте; Кому она так дорога, что Он выкупил её пролитием Своей драгоценной Крови до последней капли; Кто собрал в её душе столько сокровищ благодати и такое богатство небесных даров, Тот, в конце концов, и брэнному тельцу её даст способность – да и дал уже – обходиться без мясных яств. Итак, отступи, Эскулап; о врачи успокойтесь! Ибо сие, что вы зрите, есть тайна божественная.

[65] Труднее было убедить мать, чтобы она с душевным спокойствием позволила дочери принимать пищу столь грубую и в крайне скудном количестве. Сколькрат она примечала то чрезвычайную худобу её обескровленного лица, то упадок сил паче обычного и, вина в злодеянии – словно бы жуткого преступника – одно лишь сие жёсткое правило (*dieta*) строжайшего самоограничения, нетерпеливо вопияла и гремела почти теми же самыми словами, что и некогда Лапа, мать св. Катерины Сиенской, называя Розу сумасбродкой, изуверкой и членовредительницей. Когда же и это не помогло, она строжайше предписала дочери в дальнейшем ежедневно присутствовать вместе с нею за семейной трапезой, дабы увидеть наконец, что и в каком количестве она вкушает. Дочь в свою очередь смиренно молила родительницу, чтобы она хотя бы дозволила ей готовить блюда, которые она могла бы не только проглотить, но и переварить. Когда они заключили как бы обоюдный договор об этом, благоразумная дочь склонилась на свою сторону кухонную прислужницу Мариану. Она ловко добилась, чтобы она – под клятвенным обещанием хранить молчание – к каждой трапезе готовила ей колоб из хлебного крошева и пригоршни трав без соли и приправ

– просто на воде, слегка сбрызнув его там-сям изюмным вином, чтобы матери, присматривавшейся к каждому блюду, благодаря немногочисленным ягодам показалось, что сие пахнет приятно и сладко. Хотя на самом деле всё было в точности наоборот, нежели представлялось, ибо травы, которые дева тщательным образом отобрала в пищу, были страшно горьки, и резкость их скверного вкуса терзала гортань. Такими-то лакомствами она тешила вкус, дабы не лишить их подобия приправы, весьма часто подмешивала к ним пепел.

[66] Она прослышала, что в ближайшем лесу растёт трава, невероятно горькая по сравнению с другими, и велела тайком доставлять ей оную и готовить из неё невкусную приправу, а чтобы не иметь недостатка в столь трудно находимом припасе, посадила эту траву у себя в садике и старательно возделывала своими руками, убедив мать, что она идёт на пользу её здоровью в качестве лекарственного средства. Однажды любопытная мать нашла в ограде сада кувшин, полный бараньей желчи, и тотчас догадавшись, что это, спросила дочь, почему она прячет его в этом месте, чего ради? Роза, видя, что застигнута врасплох, простодушно ответила, что использует его для sprыскивания своего колобка: [желчь, мол,] отлично способствует возбуждению аппетита. Позднее стало известно (когда это сообщила служанка Мариана), что Роза почти всякое утро (когда ей не предстояло вкусить святой евхаристии (Synaxi)) имела обыкновение полностью ополаскивать рот ядрёной желчью из этого соусника в память о Страстях Господних. Однако прежде всего по пятницам, чтобы словно вместе с Христом на кресте вкусить от пропитанной уксусом губки, она составляла себе из желчи и хлебных корок смесь (electuarium), сдобрив её едким уксусом и обильными слезами, которую называла словечком «гаспачо» (испанский овощной суп-пюре. – прим. пер.), поскольку ела её холодной. Когда желчи оказывалось недостаточно, она замещала её горчайшими листьями некоего кустарника, сося и жуя кои, с болью вспоминала, как жаждавшему Христу протянули иссоп, пропитанный горечью.

[67] Она плодородная местность в Западных Индиях обилует дивным растением, что по-народному именуется «гранадилья», а латинского названия у столь поздно открытого предмета, как мне кажется, так и не появилось бы, если бы только в христианской (fidelis) Европе не стали описательно величать его страстоцветом (в честь Страстей Христовых. – прим. пер.). Он по чудесной причуде природы явственно изобразует в себе, словно бы в крошечной сценической миниатюре, значительную часть орудий смерти Господней и нашего искупления, ибо среди лепестков, изящно испещрённых кроваво-красными пятнышками, возвышается как бы маленькое изваяние колонны бичевания, которую снизу опоясывает терновый венец; сверху торчат три вбитых гвоздя; лепестки вокруг разделены прожилками, словно хвосты плети; сердцевина плода (sinum) полным-полна зёрнышек превосходного вкуса. Так вот, Розе было по душе вкушать от сего благословенного цветка не зёрна, поскольку они сладки, но побеги, поскольку они чрезвычайно горьки; сварив кои, она угощалась ими тем охотнее, что они и горечью вкуса, и обликом цветка своего скорее представляли из себя мистерию Великой Пятницы (Parasceven), нежели трапезу.

[68] Теперь следует перейти к постам её, хотя весьма справедливо можно задаться вопросом, что доставляло ей больше мук: само голодание или же вышеописанная пища. Те, кто после кончины Розы торжественно свидетельствовали о её добродетелях, указывали, что посты её были двух родов: один общий, когда она раз в день подкреплялась толикой хлеба и глотком воды, причём только в ночное время; другой же она называла своим, когда она в течение целых суток не вкушала совершенно ничего. Первый, хотя он был почти ежедневным, она творила в особенности в

последние годы, проведённые в доме казначея Гонсало; а собственный, но ежегодный, она, живя по правилам Доминиканского монашества (*instituti*), соблюдала непрерывно те семь месяцев, что протекают между праздником Воздвижения Св. Креста и Пасхой и посвящены орденскому посту. И в эти месяцы она томила себя более тщательным ограничением даже в травах и хлебе до наступления Четырдесятницы, когда она полностью лишала себя хлеба и питалась по чуть-чуть только помидорными семенами, причём по пятницам съедала их не более пяти, запивая каждое глотком бараньей желчи, дабы явственнее помянуть сим пиршеством горечь пяти ран Христовых.

[69] В остальное время года она назначала себе такую скудную меру хлеба, что порцию, которой, как казалось, хватило бы лишь на один день, она потребляла в течение почти целого восьмидневья. Пока Роза жила в родном доме у себя в затворе (о коем – ниже), жена казначея Гонсало еженедельно посылала ей восемь пирожков из довольно грубой муки, чтобы она их по одному регулярно (*diacetim*) целиком употребляла в прибавок к менее необходимой пище. Но по прошествии недели, проверяя, сколько всего осталось из хлебного пайка, обнаруживали, что Роза из восьми малюсеньких хлебцев за всю неделю съедала не более полутора, отложив остальные шесть с половиной, что хранились в запасе.

[70] Не знаю, постом или голоданием подобает мне назвать то, о чём пойдёт речь. Замечали, что дева обходилась одним хлебом, да и то довольно маленьким, и кружкой воды безо какой-либо иной пищи и питья все пятьдесят дней от пасхального торжества Воскресения Христова до Пятидесятницы. Также иной год она проводила весь этот пятидесятидневный период вовсе без питья, не глотнув и капельки воды. Когда же её взяли жить в дом казначея, ничего не изменилось, ибо она много дней непрерывно обходилась совершенно безо всякого питания, а ещё по четвергам обычно запиралась там в домовой моленной и не выходила оттуда до субботы; так что, проводя сии три дня полностью без сна, она не только была лишена всякой телесной пищи и питья, но при этом (что казначея Гонсало приводило в наибольшее изумление) всё то время неподвижно пребывала в одном углу и ни на миг ни по какой нужде не отлучалась оттуда. Надо думать, хрупкое её тело, опустошённое неядением, поддерживалось крепостью духа, питаемого созерцанием небесных тайн.

[71] Порой при причастии одни только Св. Тайны (*species sacramentales*) придавали ей столько сил, что благодаря обрётённой в сей пище крепости она целые восемь дней не принимала никакого иного питания. Однажды её принудили немножко поесть вне обычного времени, и желудок не смог удержать этого, исторг, а она, словно бы провинившись в неумеренности, обрекла себя на десять дней строгого неядения. Наконец, она даже при простом употреблении воды ухитрялась – и когда пила, и когда воздерживалась – ущемлять вкус; ведь, чтобы лишить себя возможности облегчить и остудить пылающую гортань, она целыми неделями обходилась без питья, а когда собиралась попить, употребляла не прохладную, но тёплую влагу, опасаясь, что от остуженной воды обретёт толику удовольствия. На вопрос о причине привела другую, а именно, что таким образом она избавляется от сонливости, которую прохладная вода прежде всего и вызывает. Позвольте мне опустить здесь иные, менее значимые случаи, ведь, как мне думается, приведённых достаточно, чтобы понять, насколько необыкновенной умеренностью и сдержанностью в пище обладала бесподобная сия дева.

Куда удивительнее было то, что Роза, по наблюдению домашних, всегда более почерпывала сил от постов и долгого неядения, нежели от телесной пищи; причём (как

мы расскажем ниже) у неё с наставницей её, св. Катериной Сиенской был даже то общее, что она припала голодными устами к прободенному боку Христову, и помимо сей благодати и сладости ни наставница, ни ученица не ведали иного источника насыщения.

ГЛАВА VI. ВЛАСЯНИЦА, БИЧЕВАНИЯ И ВЕРИГИ, КОИМИ СВЯТАЯ ДЕВИЦА СМИРЯЛА СВОЁ ЮНОЕ ТЕЛО

[72] Странно, что на иссохшем и столькими постами истончённом тельце ещё хватало места, чтобы принимать бичевания; ещё хватало крови, чтобы течь после ударов. Тем не менее Розе было присуще такое рвение и усердие к укрощению тела, что духовники обязали её к умеренности. Поначалу, когда Роза стала носить хабит св. Катерины Сиенской, она, не довольствуясь обыкновенными бечёвками, приспособила в качестве бича двойную железную цепочку и ею в подражание св. отцу своему Доминику еженощно так сурово и жестоко (*dure ac dure*) терзала себе спину и плечи, что следы крови можно было заметить на стенах, на полу, на занавесях (*subligaculis*). Невинная дева думала, что так она должна карать себя за свои грехи. Но особенно, сожалея об общих бедствиях, она таким образом пыталась по примеру своей наставницы утишить гнев Божества, смягчить правосудие Его: и посему то за несчастья всей святой Матери-Церкви, то за невзгоды подвергающейся опасностям страны, немилосердно приносила себя в кровавую жертву, дабы вымолить милость и ударами отвратить удары.

[73] Если ж или королевству Перуанскому, или городу Лиме, отечеству её, грозила кара свыше, она старалась отвратить оную, карая себя. Кроме того, не забывая жгучие муки душ в пламени чистилища, она усугубляла удары цепью до нового пролития крови, коей надеялась затушить сей костёр хоть отчасти. Той же ценою она пыталась оказывать помощь умирающим в то наивысшее из предсмертных мгновений, от коего зависит вечность. Кроме того, невозможно пересказать, сколькими она изо дня в день покрывала саму себя рубцами от ударов, сколькими синяками за чужие провинности, в возмещение оскорблений величия Божия грешниками и за их обращение к лучшему поведению: она не знала отдыха (*ferias*) в ежедневном мучительном труде самобичевания (*feriendi*), которое так распределяла по различным частям тела, что, давая в одном месте сойти опухоли после ударов и зарости, переходила к другому, откуда на следующий день возвращалась к первоначальному участку, едва зарубцевававшемуся; причём сие последовательное, но жестокое чередование причиняло тем горшие муки, что части, повреждённые накануне, были особо чувствительны.

[74] Домашние имели обыкновение (впрочем, без ведома девы), затаившись в укромном уголке дома, каждую ночь слушать сии удары бича; но однажды они ужаснулись паче обычного, когда Роза, уже не совершенно различая повреждённые и невредимые части, дольше и крепче терзала всю себя ударами с довольно громким шумом. Повод к сему дало некое народное волнение в городе Лиме, поднявшееся по маловажным (как обычно бывает) причинам. Как-то раз апостольский муж и знаменитое светило Серафического ордена (т.е. францисканского. – прим. пер.), досточтимый отец бр. Франциск Солано (св., пам. 14 июля), при жизни и после смерти просиявший неизменной славой святости и величием чудес, промолвил в проповеди нечто туманное о том, что Лимская чернь дурно обратила умы свои к совершенно непотребным помыслам. Из-за этого весь город был внезапно охвачен страхом, словно бы предстояло ему согласно принародному пророчеству отца Солано вскорости провалиться сквозь землю (св. Франциск говорил о гибели (*guina*) душ, что было истолковано в народе, как предвещание землетрясения. – согл. прим. лат. изд.), хотя он

об этом не говорил и не думал. Роза, уведомленная о беде, горестно печалилась то об ущербе для доброго имени святого мужа, то о нарушении покоя дремотной Лимы, и той ночью обагряла свою плоть оглушительными ударами, дабы жертвоприношением собственной крови успокоить общее волнение своего народа, которое разумным людям казалось опаснее любого землетрясения.

[75] Когда магистр о. Хуан де Лоренсана, духовник девы рассудил, что справедливо будет немного умерить суровость сего подвига, приноровив его к немощи тела, Роза премногими мольбами выпросила у него, чтобы позволил он ей наносить себе хотя бы пять тысяч ударов на протяжении ста дней, ибо благочестиво веровала, что таково было число ударов, что Христос получил при своём жестоком бичевании. Получив разрешение на сие, Роза равно была внимательна как в том, чтобы оное число не превысить, так и в том, чтобы его исполнить. И поэтому, чтобы не превысить его, всякий раз заново просила у духовника позволения, как ей казалось, что требуется особая помощь либо ближним в какой-либо нужде, либо общественное дело. А чтобы исполнить [сие число], она, то и дела заболевая, внимательнейшим образом наблюдала, сколько дней у неё не получалось выполнять ежедневное количество бичеваний, и, проведя тщательный подсчёт, после выздоровления она распределяла количество пропущенных ударов на промежутки ближайших дней так, чтобы по завершении возмещения точно насчиталось дозволенное число – пять тысяч, и притом не менее рьяно выполняла, что ещё соответствовало текущему временному промежутку. С равным послушанием она послушалась своего духовника, когда он предписал ей заменить свой чрезмерно твёрдый цепочный бич на другой, скрученный из волокон, но узловатый и шершавый, дабы смиреннее сообразоваться с более распространённым в её Ордене обычаем. Посему я оставляю нерешённым вопрос, когда Роза поступила святее: скинув с плеч сей железный лемех или взвалив его на них.

[76] Притом, какое рвение проявлял дух Розы к покаянным подвигам, вполне было заметно ещё в детстве её по ряду предвестий. Ей было четыре года, когда она начала свои хрупкие плечики (бичевать кои тогда у юной девочки ещё не хватало мышечных сил) отягчать то грузом сырого кирпича, то бременем тяжёлого чурбака, как бы уже тогда пытаясь нести крест со Христом, изнемогающим под тяготой древа позорной казни. Мариана, домашняя прислужница, долгое время единственная, кто знал об этих тайнах, являлась единственной поверенной девы. Так вот, Роза зазвав её то в отдалённый уголок сада, то на террасу дома и ставь наземь коленками, умоляла, чтобы она (поскольку сама тогда ещё не могла этого сделать своими слабенькими руками) нагрузила её плечики кирпичами, что были там рассыпаны, и под этим гнётом и сокрушительным весом малышка долго и сосредоточенно пребывала в молитве; а потом давала служанке знак, чтобы та без шума её разгрузила, дабы случайно мать, случайно застав сцену украдкой творимого подвига, не обеспокоилась и не лишила её возможности повторить подобное.

[77] Бывали случаи, когда она так же тайно просила помочь нагрузить себе плечи безобразным бревном и, упираясь изо всех своих силёнок, пыталась выдержать эту чудовищную ношу, пока вычитывала свои детские молитвы, довольно-таки длинные. Она пылала жаром непосильным бременем, стонала, боролась, пока, наконец, груз не придавливал побеждённую к земле. То были первые попытки более основательного подвига, что она с возрастом как духу обещала, так и телу грозила. Она не достигла ещё и четырнадцати лет, когда стали замечать, что помимо иных подвижнических деяний она прохаживается ночами по саду босиком, взгромоздив на себя довольно длинный крест, от переноски которого синели её плечи, часто бросается наземь, преклоняя

колени, отмеряя горчайший путь на Голгофу поровну то шагами, то воздыханиями; и никакое страшное ненастье, ни жуткая темень, ни холода, ни порывы ветров не были неприятны деве, как только можно доставлявшей любые неудобства хрупкому своему телу.

[78] Ей было воспрещено (как мы упоминали выше) употреблять в дальнейшем цепь для самобичевания. Она так истолковала этот запрет, что ей не то чтобы совсем нужно избегать цепи, но только не бить. И вот, она трижды опоясав цепью свои чресла, крепко её затянула, крайние колечки на концах соединила замком, спрятала ключик, где и сама найти не смогла бы. Сокровеннейшим был сей род мучения, который надолго или почти навсегда остался бы неизвестен никому (ведь Роза пожелала, чтобы в неведении о нём осталась даже сама Мариана, поверенная в делах её), да не пожелал Бог, а потому в итоге так открыл его. Глубокой ночью, когда Роза лежала в постели, острейшая боль пронзила ей бедро; страдальца почувствовала, что весь недуг происходит от цепи, которая, словно бы протерев кожу, глубоко вторглась в плоть и жилы, почему холодное железо одновременно вызвало в чреслах и боках жесточайшую боль. Роза мучилась, оттого что сама ни разорвать не могла вредоносную цепь, ни замок без ключа расстегнуть.

[79] Между тем мучительная боль в бёдрах под нерасторжимыми путами страшно возросла, после долгих вздохов исторгнув в конце концов у Розы против воли череду достожалостных криков. Проснувшись, Мариана, вскочила, поспешила на выручку к страдальце, предложила ей какую понадобится помощь и притом озадаченно спросила, что за недуг с ней приключился и в чём причина его? Тут несчастной деве пришлось выдать свою тайну, чтобы служанка пособила ей словом и делом расстегнуть цепь прежде, чем на помощь в этом примчится пробудившаяся мать. Они вдвоём старались, как могли; чередуя борьбу и размышления – но крепкий замок упрямо не поддавался никаким усилиям. Служанка вспомнила, что такого рода замки порой открываются от мощного удара, а когда она отошла поискать большой камень, встревоженная Роза, боясь, что она позовёт мать или та сама вдруг явится, прибегла к молитве, что, наподобие ключей, проникает и небеса (ср. Вульг. Евр. 4:14), и замки. Дивное дело! Когда Мариана вернулась с камнем, то услышала, что замок сам с громким лязгом расторгся, цепь плавно распустилась, сползла и совсем отпала, но в разных местах изрядно сорвала кожу, отчего последовало кровотечение. Покончив с этим испытанием, Роза уснула, чтобы и служанка могла поспать, и поутру, словно бы не претерпев никаких тягот, поспешила заняться обычными трудами.

[80] Едва затянулись раны на повреждённой коже, как Роза снова взяла свою цепь и опять опоясалась прежним орудием пытки; пока наконец не проведал о том (по неким косвенным признакам) её духовник, который тут же предписал деве беспромедлительно отдать ему ту цепь. Она повиновалась, оторвала от поясницы вновь вросшую в плоть цепь и, тщательно вместе с замком завернув в тряпку, отдала ризничему бр. Бласу Мартинесу, чтобы он отнёс её прямо к духовнику. Ризничий исходя из веса заподозрил, что там золотая гирлянда или драгоценное ожерелье, и отойдя от девы, раскрыл свёрток и обнаружил отнюдь не похожее на золото сокровище: цепь, пропитанную свежей кровью, в разных местах которой совершенно явственно застряли клочки прилипшей плоти и кожи. Несколько звеньев или колечек от неё после кончины Розы хранились какое-то время у донны Мариам де Усатеги – свидетельства чрезвычайно болезненных подвигов, они напитались от хрупкого тела Розы дивным благоуханием, кое обоняли все паломники [к этой святыне].

[81] От такого рода пут не была свободна и плоть рук её, ибо Роза ради уязвления обвязывала их некими тугими повязками, которые терзали стянутые мышцы повсюду, но тяжелее всего приходилось плечам, когда ей нужно было или поднимать что-нибудь с земли, или простирать руки вверх. Тайно находясь в сих болезненных путах, она в постоянных размышлениях сопутствовала связанному в Гефсиманском саду Жениху в дома Каиафы, Анны и Пилата. Хоть эти перевязки были чрезвычайно туги, они ещё не затянулись кожей настолько, чтобы их не смогла увидеть Мариана, когда лечила рубцы на Розиных плечах, ибо та часто просила её о такого рода услуге, ведь на спине у Розы постоянно открывались разрывы, которые через определённые промежутки времени Мариане было велено присыпать каким-то порошком, чтобы там не скапливался гной, и накладывать промокательные бинты накануне возобновления повторяющихся самобичеваний.

Кроме того, пока путы и вервья сжимали ей руки и поясницу, пригоршни крапивы и пучки терния многочисленнейшими уколами удручали её грудь, подмышки, бока, дабы никакая часть не избежала терзания, пока она по бедности не могла ещё занять власяницы. Так, будучи поистине розой в шипах, уподобилась она лилии между тернами (ср. Песн. 2:2).

[82] Поэтому, когда ей удалось раздобыть короткую власяницу, она показалась ей великим даром – словно бы багрянницей, виссоном или вельможным нарядом (*trabeam*), и ликовала Роза о новой перевязи подвизания и плаще утруждения для самой себя и трепещущей плоти своей. Поначалу, однако, она [власяница], хоть будучи колючей, оказалась не такой большой и складчатой, как хотелось бы деве, ибо в длину она едва превышала две ладони. Но немного погодя она получила в качестве щедрого дара от некоей монашествующей особы иную, каковой Роза осталась всячески довольна. На ней имелись рукава, и ниспадала она от горловины и плеч до колен; щетинистая, чрезвычайно плотно тканная из толстого конского волоса, равняясь тяжестью едва ли с кольчугой. При своей крайней грубости почти негнушавшаяся как из-за своей толщины, так и из-за жёсткости, она для начинающего вполне могла бы послужить самым суровым средством мощнейшего подвига, однако Розе сего было не достаточно, ибо она утыкала её повсюду коротенькими иглами и плотно закрепила на себе сию ощетиненную сорочку. Прямо-таки ёж, а не роза! Ну а деве сей грубейший покров (*gausarina*) представлялся не власяницей, а тонкою мантией (*abolla*), и носила она её долгие годы, пока из-за частых кровотечений она по чужому повелению не сняла сей ранящий панцирь.

[83] Однако измыслила она и другой способ усмирения бренного своего тела, коим тайно заменила прежний, ибо, хотя он причинял менее сильный, пожалуй, вред, но неприятности доставлял не более лёгкие. Она приспособила себе в качестве рубашки тяжёлый мешок из грубейшей шерсти, а чтобы нельзя было заметить, насколько жёсток его ворс, она к наружным рукавам приделала полотняные оболочки. Эта тяжесть томила жарой, сковывала, изнуряла слабосильную Розу, не давая ей ни шагу ступить, ни присесть, ни колени наземь преклонить иначе как с величайшим трудом; в ней тяжко было поднимать ноги; болезненным было любое движение; члены изнывали, словно под бременем; и казалось ей, будто облачена она скорее в свинец, нежели в конопляную ткань.

Разве что подошвы ног её остались не затронуты ни власяницей, ни ударами бича; тем не менее ревностная укротительница плоти своей нашла, как и им выделить подобающую долю уязвлений. И вот, когда дома разогревали печь для готовки хлеба,

Роза улучшала эту возможность, чтобы босыми ступнями неподвижно постоять над верхним горнилом, где жар был посильнее. В те мгновения она с мучительнейшим страхом размышляла о гееннском пламени, более чем всерьёз считая себя заслуживающей его. Итак, от подошв ног до макушки головы не оставалось на ней места, избавленного от добровольных уязвлений.

[84] Такими вот ласками тешила Роза хрупкое оное тельце, коему при иных обстоятельствах и так достаточно было мук, доставляемых частыми недугами, как ниже будет показано в своё время; и дух её не был лишён устремления испытать даже больше сих, однако воспрещали ей благоразумные духовники, которые постоянно, налагая предписания умеренности, призывали её благоразумнее применять свои силы. Подтверждением того, насколько Роза была недружественна к телу своему, пускай послужит тот последний пример, что чрезвычайно осмотрительная дева не допускала духовным уладам дойти до такой степени, чтобы они доставляли утешение телу. Мало о ком из друзей Божиих пишут, что они заботились о том; Роза читала только об одном таком – Григории Лопесе Мексиканском – и сразу же взяла его себе в пример для подражания. Итак, она решила сообразоваться распятому Жениху до сего тончайшего разделения плоти и духа (ср. Евр. 4:12), как Он не позволял ни Своему тогда ещё смертному телу участвовать в славе души, ни низшей части приобщаться радостям высшей, ни страданиям не воспрепятствовал. И Роза чувствовала, как дивным небесным благоуханием и вкусом дух её услаждается, ум упивается, душа напитывается, но при этом береглась и (по мере сил) противодействовала тому, чтобы её убогое тело, кое предназначалось лишь страданиям и мучениям, хоть малость приобщалось столь возвышенного пиршества или разделяло сие чувство (sympathiam); и если Царь вводил её в чертоги Свои (ср. Песн. 1:3), она повелевала телу своему оставаться вовне. Думаю, невиданное сие разделение можно причислить к самым возвышенным деяниям Розы.

ГЛАВА VII. КОЛЮЧИЙ ВЕНЕЦ, КОИМ ОНА ОКРУЖИЛА ГОЛОВУ СВОЮ

[85] Любимой ученице бл. Катерины Сиенской подобало по прообразу наставницы своей увенчаться лавром в школе терпения. У святых есть одно удивительное устремление: в изгнании земной жизни они предпочитают носить не золотой, а терновый венец – Христов. А розам паче всего небезопасно и не подобает пребывать без тернового ограждения. Но вернёмся к теме.

В юности, когда Роза была ещё почти ребёнком, её сердечко преболезненно пронзило благоговейное и нежнейшее сострадание после чрезвычайно внимательного рассмотрения священного образа, который неммым вестником вопиял: «Се, Человек!» Взгляд её был прикован к оной терновой плетенице, что окровавила Христово чело; стыдилась видеть, что она – тело – пребывает в холе, при том что Глава изранена шипами. И вот она тогда скрутила себе первый венец (о втором будет сказано немного ниже) из оловянной проволоки и, оплетя его бечёвками вперемежку со скомканными прутиками, создала кольцеобразную основу. К ней она добавила несколько весьма острых гвоздиков, воткнув их через определённые промежутки, и не без ран тайно увила свою голову сей диадемой, словно жертва, увенчанная священной повязкой (vittis).

[86] Довольно много лет крепилась и окрепла благоговейная дева под сим тягостным тернным на главе, но сие было лишь детской подготовкой к куда более сильным мучениям, что предстояло ей вытерпеть от второго венца, утыканного девяносто

девятью шипами. Сей последний она примерно за десять лет до кончины, то есть вскоре после того, как приняла облачение Доминиканского ордена, на себя возложила и совлекла только вместе с жизнью. Ведь как только она стала внимательнее размышлять о чудесном возложении на главу св. Катерины Сиенской тернового венца её Искупителя, никак не находила покоя, пока в итоге, подражая оной как можно более тщательно, не обрела у себе на челе такого же; ибо ей казалось, что она не вполне облеклась в хабит серафической своей наставницы, пока и венец её терновый не надела.

[87] Итак, с обновлённым рвением и желанием пострадать она согнула в круг серебряную полоску, к которой изнутри прикрепила шипы из того же металла в три ряда так, чтобы каждый содержал по тридцать три шипа, очевидно, по числу лет Христа, кои он, будучи смертен, прожил на земле ради смертных. Наверняка не могла бы она измыслить для «нежной матери» (как называют это медики) головы своей («*ria mater*» – мягкая мозговая оболочка. – прим. пер.) ничего нежнее, а для «суровой матери» («*dura mater*» – твёрдая мозговая оболочка. – прим. пер.) ничего суровее, если бы сама нежность («*pietas*», – также «благочестие», «набожность». – прим. пер.) не внушила ей сей суровости. Притом, дабы волосы, которые после пострига сильнее топорщились, не мешали шипам впечатываться глубже, она ножом удаляла всю поросль до самой кожи, оставив только спереди кое-какие неостриженные кудри, коими притом прикрывала венец, дабы утаить его от матери. Впрочем и этим ничтожным остаткам волос надо лбом она нашла другое применение – чтобы добавить себе новых скорбей. Однако об этом – в следующей главе, где речь пойдёт о бдениях Розы.

[88] Как жестоко уязвлял сей зубчатый венчик, как мучительно колол со всех сторон обвитую им святую главу, для терзания коей хватило бы и единственной шпильки, можно представить по тому, что шипы в обнажённую кожу вонзались не все одновременно, но поочерёдно – по два, по три, по несколько – в крайне тягостной последовательности, а при разных резких движениях все они поворачивались в своих ранках. Известно, что из-за этого металлического терния, густо покрытого остриями, деве было мучительно даже говорить: а каково ей было, когда грудь её сотрясалась от кашля, когда на беду голове своей она раздражалась чиханьем или из-за неодолимой нужды отхаркнуться ей приходилось сильнее напрячь лицо или рот?

[89] Но Розе казалось, что сии [мучения] пустяковые и что подобает приложить дополнительные усилия, чтобы они лютовали суровее. И вот, там, где сходились края сего пластинчатого венца, она крест-накрест навела ленты, затянув которые не только скрепляла колкий сей обруч, чтобы он не сбился и сам не расслабился, но даже при любом желании усилить боль, плотнее затянув ленты, своими силами причиняла себе мучения. Принимать сей избыток страданий деве было угодно прежде всего по пятницам – в память Жениха, увенчанного тернием. Она предпочла бы ради более полного сообразования [с Ним] носить венец из дикорастущего терновника, о чём всерьёз советовалась с духовником, но он отговорил её, опасаясь, что под воздействием гниющих шипов на голове у Розы может возникнуть тяжёлое воспаление. Она и сама была оказалась довольна [этим запретом], рассудив, что такого рода венец не очень удобно было бы прятать под покрывалом, поскольку его колючки беспорядочно выступали бы наружу, и сила его мучительного воздействия уменьшилась бы, если только не загнуть все до единого шипы вовнутрь. Поэтому пришлось использовать пластину, причём серебряную, поскольку она и плотнее прилегала к подвергаемой ранам коже, и крепче держала вставные колючки. «И сии желания в итоге не

обманулись» (Клавдиан. Панегирик на шестое консульство Гонория Августа, ст. 87-88. – прим. пер.), ибо, когда после кончины девы некоему ювелиру было поручено извлечь из пластинки несколько шипов (возможно, дабы отдать их благочестивым особам, настоятельно просивших оные для домашнего почитания), он обнаружил, что все они держатся так прочно, что даже с помощью щипцов их никак невозможно вытащить, хотя железное орудие сгибалось во все стороны. Сие даёт возможность постигнуть, что ни шипы не уступали Розе в стойкости, ни она – им.

[90] Не довольствуясь, однако, сим каждодневным мучением, она нашла способ, как день ото дня наносить себе новые раны, ибо, надевая утром венец, она никогда не возлагала его на то же самое место, где он находился накануне, но понемногу меняя положение, сдвигала сей обруч с одного участка на другой, дабы за счёт поочерёдных перемещений он глубже колотся и с обновлённой силой причинял боль нетронутым частям. Притом каждую пятницу она вдобавок ко всему приспускала заднюю часть венка до ушных раковин и мочек (где плоть мягче и чувствительнее), и в этот день (*tempora*) плотнейший частокостриев и стискивал её жёстче, и уязвлял глубже. То же самое она повторяла по субботам из сострадания к Деве-Матери, коей при смерти Сына меч скорби прошёл душу.

[91] Она долго скрывала от родных, домашних и самой матери сей тёрн, столь подобный пыточному гребню (*cruenti pectinis*), ибо кто под головной повязкой и покрывалом осторожной девы мог бы заметить или заподозрить такое страшное орудие пытки? Сам духовник, который позволил Розе сей сокровенный вид подвига (ибо помимо его воли послушливая дева не предпринимала ничего или почти ничего), лишь в общих чертах знал об иглистом бремени, но ни видал венца, ни питал даже малейшего подозрения о дополнительных изобретениях, коими Роза себя по обыкновению жестоко терзала. Но в конце концов Божественное провидение не позволило далее скрывать сие дело и устроило так, что пример столь великой добродетели стал ведом к благоприятному наставлению многих. Случилось это так: когда отец хотел высечь родного брата Розы за ребяческую провинность, она вмешалась с ласковейшей речью, надеясь умиловить отеческий гнев, он же, резко отгоняя мешавшую ему дочь, случайным взмахом руки слегка задел деву по голове – в той части, что была покрыта мучительным венцом. Тут от внезапного удара потекли три струи крови, обагрили потоками лоб невинной девы, явив вполне очевидный знак, какой ёж тайно гнездился у неё под белоснежным покрывалом.

[92] Тогда Роза, более скорбя об обнаружении, нежели о повреждении, вдвойне покраснела (т.е. не только от крови, но и от досады. – прим. пер.), однако, пытаясь спрятать, что там у неё было, осторожно отошла в самую дальнюю комнату, спешно сняла венец, кровь как бы в шутку отёрла и, наложив бинты, которые впитали сочившуюся из раны влагу, поскорее накинула на голову обычные покрывала. Но сие искусное бегство не помогло ей ни обмануть проворной матери, ни уклониться от неё, ибо она, направившись за дочерью следом за служанкой Марианой, стала расспрашивать её о ране и допытываться о причине того, почему от лёгкого прикосновения хлынула кровь, а поскольку Роза оправдывалась и тщетно уклонялась от ответа, с ещё большим подозрением потребовала в итоге, распустив головную повязку, обнажить голову, и когда увидела, как она ужасно исколота по окружности, легко уразумела, откуда взялись знаки столь кровавого зодиака. Впрочем, она промолчала, прекрасно понимая, что если заставить Розу отдать или выбросить этот тёрн, она вскоре легко придумает что-нибудь другое и куда более страшное, чем помучить свою голову. Итак, она тогда, словно бы не постигнув тайны, нежно омыла

голову дочери тёплым вином, насколько – как она думала или притворялась, что думает – это было нужно для излечения повреждённых участков, обдумывая при этом иное средство против одного венца.

[93] И не стала мешкать: эта история была сообщена тому, кто строжайшим образом воспретил деве носить венец, а именно одному из духовных отцов, чьим указаниям повиновалась Роза. То был дост. о. Хуан де Вильялобос, ректор лимской коллегии Общества Иисусова, муж весьма прославленный святостью и благочестием, опытный вожатый душ, направляемых по самым надёжным стезям совершенствования. Когда ему поведали, что совершилось, он тотчас же приказал Розе, чтобы она во что бы то ни было стала доставила ему то, с помощью чего она доселе истязала свою голову шипами. Она отдала ему свой венец, не улучив притом нисколько времени, чтобы толком обтереть следы крови между кончиками остриев. Благоразумный и благочестивый отец, не без ужаса и сострадания возрев на отданное [орудие], счёл, что оно слишком сурово и не подходит её полу и юным летам. Поэтому он стал приводить Розе доводы, чтобы совершенно отговорить от использования столь ужасающе жестокого орудия. Она, приняв во внимание, что он действует убеждением, а не приказанием, смиренно привела в ответ свои доводы, а в итоге они сошлись на том, что просительнице был возвращён её венец, но [подвиг] смягчён. Ибо же осмотрительный и рассудительный отец, взяв напильник, в самые выступающие там-сям острия притупил, обточил, спилил, решив, что добился этим если не достаточного, то, по крайней мере, немалого умерения.

[94] А Роза, ценя венец более всякого царства, радовалась тому, что получила его обратно с тем же числом шипов и что он лишь слегка лишился своей оснастки для усмирения плоти. Итак, она позаботилась о том, чтобы восполнить свои боли до изначальной силы, и теперь помимо болезненного затягивания лент ещё и временами наносила удары кулаком по венцу, чтобы он глубже вонзался в голову, ибо усердный напильник не настолько стёр острия, чтобы она собственными усилиями не смогла добиться окровавления. Сие однажды обнаружилось, когда Роза, случайно упав наземь, слегка ударило головой о лежавшую поодаль доску, и тут же от крепкого удара венцом по голове ей на плечи пролилось изрядно крови. О терновом венце Христовом Церковь поёт: «Блаженно терние, острием коего сокрушаются силы царя адского!» Наша Роза удостоилась испытать то же самое и на себе, ибо всякий раз, как враг адский подступал к деве, внушая гнусное да грязное, и недостаточно было прочих орудий для отогнания его, бодрственная Роза трижды ударяла пальцем по своему венцу в честь Святейшей Троицы. Сие был тимпан, от лёгкого касания к коему поражённый бес, уклонившись от сражения, обращался в постыдное бегство. Ещё любопытнее и, пожалуй, чудеснее то, что от силы этого венца было явлено после кончины девы.

[95] Некий благочестивейший слуга Божий вскоре после похорон преставившейся Розы прибыл в дом казначея Гонсало, дабы хотя бы душой своей благоговейно прикоснуться к тем орудиям, коими Роза при жизни укрощала девственную плоть. Ему представили кольцо с ужасающим шипастым венцом, и едва он приложил к ним руку, как вдруг возгорелся неким небывалым пылом божественной любви, умилился до самой глубины души, ощутил вкус удивительной сладости свыше, словно бы ему под свод души был собран виноград с райского одного терновника, и с репейника – смоквы (ср. Мф. 7:16). Впрочем, о сем знамении полнее будет поведено ниже в гл. XI, когда речь пойдёт об обручальном Розином кольце; достаточно лишь отметить, как торжественно и ликующе сами небеса рукоплескали сему венцу, когда в честь столь жёсткого уязвления источали благовоние столь сладостное и драгоценное.

[96] Недурно было бы ныне вновь обратить взор на терновный прообраз св. Катерины Сиенской, коему наша увенчанная тернием Роза следовала, кажется, так полно, что не столько подражала ему, сколько перенесла на себя. Вот вкратце замечательное подтверждение сему – что наблюдалось при похоронах Розы.

Когда тело покойницы было возложено на погребальные носилки, по устройению небесного оного (кое ничего не отдаёт на волю случая) Провидения хватились цветочного веночка, коим по обычаю увивают головы [умерших] девиц. Наступила пора доставить носилки к месту погребения, но оказалось, что земные цветы, венчавшие Розу – уже небесную – пропали, словно бы не достойные её. Посему в смятении и трепете оттого, что с одной стороны требовалась спешка, а с другой – промедление, обратились в итоге (не без внушения Божества) к венчанному изваянию св. Катерины Сиенской, кое Роза при жизни имела обыкновение украшать. Итак, веноч, принадлежавший сей святой, на виду у всех переложили тогда на её ученицу, и в нём Роза была вынесена из дома Гонсало на погребение, дабы та, что при жизни (*viva*) в точности (*ad vivum*) подражала серафической наставнице в ношении терния, и умерев, ещё очевиднее уподобилась ей, приняв общий им обеим венец. Все свидетели сего загадочного события (*mysterium*) подтвердили его достоверность, уверенные в том, что сие необычайное подтверждение добродетелей девы произошло, скорее, по благодатной необходимости, чем по случайному стечению обстоятельств.

[97] К сему, наконец, по-видимому, относится и то, что, пока торжественное шествие смертных так увенчивало Розу на земле, подобно сему чудесным образом сонм блаженных её же увенчал в небесах, дабы, будучи признана по обе стороны, вознеслась она в том самом венце св. Катерины Сиенской. Узнали об этом так.

Вскоре после блаженного преставления Розы некая особа исключительной святости и знатности созерцала в видении, как через мириад ангелов славный хор святых дев напрямик грядет к престолу Святейшей Троицы, а среди их рядов блистала Роза, несшая пред собою в руке пальмовую ветвь и сиявшая белоснежным одеянием, однако увенчана она была не так, как прочие: ибо ведь у подножия божественного оного престола стояла Богородица Дева, держа в деснице сверкающий венец, и, дабы собственноручно увенчать им Розу, ожидала приближения сего торжественного шествия дев. Некогда при чрезвычайно сходных торжествах на небесах была принята св. Катерина Сиенская, когда покинула землю – дабы таким образом между наставницей и ученицей не осталось никакого различия ни в ношении тернового венца, ни в обретении золотого. Блаженны терния, за кои в небесах из таковых рук обретают таковую диадему!

ГЛАВА VIII. ЖЁТКОЕ ЛОЖЕ СВ. РОЗЫ И НОЧНЫЕ БДЕНИЯ ЕЁ

[98] Она настолько радела об изнурении своего тела, что не оставляла без мучений ни малейшего мгновения ночной поры, а потому постаралась, чтобы ложе было настолько жёстким, чтобы более отгоняло сон, нежели призывало; а ухищрениями и усердием достигла даже того, что ложе сна стало в то же время и дыбой. Поведаем же далее, до какой степени она ни в чём не уступала своему истомлённому телу и избавлялась от сна.

Внимательная мать своевременно заметила, к чему склоняется дочь, ибо почти с младенчества замечала в девочке стремление и спать на жёстком, и скрывать сии

лишения, посему довольно долго приказывала ей по ночам спать с нею на одной кровати, дабы ухищрением обмануть ухищрение. Роза повиновалась, но вот какую придумала уловку, остроумно стяжав в том самом ложе разом заслуги и послушания, и подвига; ибо едва к матери подкрадывалась дремота, дева потихоньку отодвигала ту часть тюфяка, на которой лежала, пока хрупкое тело её не оказывалось на подстилочной доске, а под голову она вместо подушки тайно подкладывала деревяшку или даже украдкой взятый кирпич. Такую же борьбу вела св. Катерина Сиенская с Лапой, матерью своей, и к таким же приёмам прибегала.

[99] Ободрённая успехом, Роза с большей уверенностью пошла дальше: она не только обнажала для себя доски, на которых окоченевала, но приискала себе и камень погрубее, который подкладывала в изголовье. Однако в итоге после долгих её увёрток мать, проснувшись, раскрыла дочернюю хитрость и выбрала девочку, словно бы застигла её за громадным злодеянием, добавив упрёк в упрямом обмане: если, мол, уж вздумалось ей так вводить в заблуждение мать, то пускай пойдёт да и настелит себе затем досками, как ей угодно, постель по собственному усмотрению, только бы согласилась взять себе хотя бы подушку помягче (*humanius*) под голову да единственное простенькое покрывало накинуть поверх досок. От сих речей душа Розы возликовала; она приняла материнское разрешение – хоть было оно дано с кислой миной бранчиво да желчно – как нежную ласку; «жадной рукой» (Бозций, Утешение философией, I. VI. – прим. пер.) приняла условие и нежнейше поблагодарила мать за столь великодушную уступку. Вскоре затем она в просторном углу своей комнаты соорудила из собранных повсюду досок грубый настил и поместила сверху пару подушек для виду, завершив [ими] убогую койку, лишь бы только родительница позволила [пользоваться ею]. Однако всякий раз, как наступала ночь, она, удалив подушки, оставалась на полностью неотёсанной древесине и помещала под покрывало камешки, которые до поры прятала для этой цели под кроватью, чтобы телу было неприятно на таковых неровностях, ибо опасалась, что плоти будет в отраду плоская поверхность твердейших досок. Легко представить, как острая россыпь выступавших под покрывалом граней искалывала лежавшую на них Розу, ведь даже на сем твёрдом настиле стали явственно заметны следы от вдавившихся камешков: сами доски, повсюду испещрённые ямками, достаточно свидетельствуют, как мягко спалось на ней худощавой Розе.

[100] Впрочем, беспорядочно насыпанные подвижные камешки легко выпадали с настила, когда она хрупким тельцем своим поворачивалась с боку на бок. И вот, когда ей показалось, что следует дооснастить свою дыбу как более жёсткими, так и более устойчивыми приспособлениями, она возложила на доски три кривых, нетёсаных, сучковатых полена, а чтобы не упали, закрепила между стыками под покрывалом более тонкими колышками. Однако днём она эти выпуклые чурбаки прятала по отдельности под ложем, дабы мать не обнаружила их по неровности покрывала, или, явно открывшись, они не дали ей законного повода для подозрений. Лишь только одна служанка Мариана была осведомлена о тайне, и Роза взяла с неё суровую клятву не выдавать её, и если ей придётся подметать в комнате, поленья сии или оставлять недвижимо на своём месте, или немедля туда возвращать. Долго нравилась ревностной Розе сия жёстко ошетилившаяся пыточная решётка и нравилась бы далее, будь она пострашнее, то есть, если бы она была острее и кололась повсюду, ибо в пустых промежутках между поленьев не было ничего, способного в достаточной мере терзать лежавшую.

[101] И вот пришёл ей в голову новый и самый последний замысел, как жутчайшим образом ужесточить себе ложе. Она с необходимыми промежутками полностью выстлала плотно соединённые доски поленьями, а чтобы они не расползлись, стянула их ремешками из воловьей кожи. Затем она так заполнила щели между поленьями чрезвычайно острыми обломками черепицы, осколками керамической утвари и черепками горшков, чтобы каждая частичка была повёрнута острым концом к телу, да притом с такой плотностью набила их туда, что они никак не могли ни шатнуться, ни выпасть, к тому же снизу выпадению вполне надёжно препятствовали вставленные подпорки, а с боков их ограничивали поленья, чтобы они не раздвинулись в стороны. Кто бы мог подумать, что в итоге такого рода луг окажется достойным того, чтобы Розу покоить? Не лишилась столь благородная постель и достойной подушки, но об этом ниже. Сему де соответствовало покрывало, однако власяное, щетинистое да наподобие решета или сита, дабы одновременно и само кололось, и уколам черепков не препятствовало, но заодно и скрывало их. Сверх того она в изголовье сей кровати тайком привесила бутылку, полную желчи, и не отходила ко сну, не сделав оттуда глотка, доставлявшего гортани страшной горечи, в память о том, как Жених испил уксуса и желчи.

[102] Однажды Роза призналась, что сие желчное возлияние доставляло ей более всего тягот даже не тогда, когда она его принимала, но при частых пробуждениях, ибо тогда она чувствовала, что гортань у неё вплоть до миндалин и надгортанника полностью высыхает, язык от сухости становится почти неподвижен, бронхи всюду воспаляются, так что и само дыхание оказывается для сухого горла пыткой. Ввиду сего отнюдь не удивительно (как потом стало известно), что Розу, в прочих отношениях неустрашимую, часто до мозга костей пронизывал страх и ужас от одной лишь мысли о столь неласковом ложе: несчастная трепетала, волновалась, потела прежде чем хотя бы коснуться одра, памятуя, каковая там её ожидает «перина», сколько грозных гребней поднимается там на растерзание её, каковое ей предстоит сокрушительное терзание, как часто будет мучимо её хрупкое тело при повороте с боку на бок; наконец, знала она, что никак не встать ей с того ложа без того, чтобы все члены её онемели до оледенения, а бёдра, плечи, голени, руки оказались вывернуты, словно при переломе. Посему, когда спустя многие годы некая дама доверительно спросила её, как она могла вытерпеть хоть единую ночь на таком ужасающем и непереносимом ложе, Роза с остроумием (столь свойственным ей) и любезностью ответствовала, что от возлежания на нём вкусила столько боли, что достало хотя бы на принесение воздаяния Богу за кого-нибудь изрядно верного Ему.

[103] Случилось вслед за тем, что Роза, словно бы почти не в состоянии справиться с закономерным страхом, надолго замешкалась в нерешительности: восходить ли ей на ложе, столь обильное муками. Однако к ней, сомневающейся и почти лишившейся чувств, Христос пришёл на выручку, зримо явившись деде в кротком облике и обратившись к ней тихо с сими словами: «Вспомни, дочь, что куда суровее, жесточе, ужаснее было ложе Голгофы, на коем я почил за тебя сном смертным! Ведомо тебе, что там же я ради любви к тебе испил желчи; ты знаешь, что тогда не скудели, но железные жала пронизывали мне руки и ноги, доколе не исторгли самоё дорогую мне душу. Сие вспомни, сие возложи на весы супротив одра мучений своих и ясно станет тебе, что в песнопении любви [разумеается под словами]: «ложе у нас – зелень» (Песн. 1:15)». Удивительно, как глубоко проникли сии слова в душу деде, сколько прибавили они ей крепости и твёрдости, дабы не отпрянуть от ужасающего оногo упражнения в терпении. Итак, она в течение оных шестнадцати лет непобедимо выстояла в сем подвиге жесточайшего мучения, и (что гораздо удивительнее) с ведома матери,

которая, хотя и была недовольна, однако же закрывала на то глаза. Ведь она пыталась раз-другой отвести дочь от столь крайней суровости и жуткое ложе разломать на куски, но, восприяв укол вразумления свыше, не смела ни силы рук употребить, ни приказательной власти. И вот, она предпочла повлиять на своё дитя через духовников, однако они, казалось, робели, словно бы перед задачей великой сложности, не зная точно, как её разрешить, – и то был вполне явственный знак, что Богу угодно сие сораспятие на прежёстком одре избранной Розы возлюбленному своему Жениху.

[104] Теперь подобает сказать об изголовье. Роза пыталась, постепенно избавляясь от более мягких подушек по примеру св. Катерины Сиенской, добиться того, чтобы без ведома матери в итоге спать, положив под голову безобразный валун; посему для начала поместила в изголовье неудобный ком грубейшего тряпья, затем невзначай – сырой кирпич, и наконец, – многоугольный камень, со всех сторон шероховатый. Однако мать, когда заметила, отняла это, а дочери навязала подушку без шерстяной набивки, но с приказанием набить её. Роза промолчала, приняла подушку, набила – только не шерстью, как рассчитывала мать: она насобирала ворох обрубков, что остался от столярных работ, наполнила ими подушку и на наполненной уснула. Однако и эта уловка недолго оставалась тайной для матери, которая, обнаружив, что там за начинка, обстоятельно и громогласно предписала вытряхнуть деревянный сор, взять взамен шерсть и наполнить шерстью подушку. Роза повиновалась, но не буквально: она набила подушку шерстью, однако не ею одной, ибо она между шерстью и наружной тканью – где она должна прилегать к лицу спящей – украдкой спрятала скрученные стебли тростника, которые для этой цели повытаскивала из обрывков старых плетёных корзин. Они ужасно кололи лицо спящей Розе – до того, что мать весьма часто замечала у дочери на щеках и лбу неожиданные следы (*stigmata*) сих уколов, однако не могла догадаться об их причине (ибо была уверена, что подушка наполнена шерстью), пока, по случайности коснувшись изголовья рукой, не обнаружила военную сию хитрость, не увидела стебли и не вытащила их. И тут снова перед нами те же поношения, брань, обвинения, что и мать Лапа обрушивала на дочь свою Катерину, едва удерживаясь от побоев. Так Роза, искавшая себе трудного, вынуждена была сносить труднейшее.

[105] Затем мать во имя добродетели святого послушания предписала дочери снова опустошить свою подушку и снова набить шерстью, но только шерстью. Вновь послушалась Роза, но слишком буквально; ибо взяла шерсти вдвое больше и, воспользовавшись палочкой, весь этот ворох не столько вложила, сколько втиснула в подушку, дабы она сравнялась по твёрдости с корою. Так оказалось, что она вернула себе то деревянное изголовье, которое мать у неё прежде забрала. То был чурбак из дерева, кое местные называют «пакай» (*Inga feuillee*, вид инги, известный как «бобы-мороженое». – прим. пер.), с выемкой посередине, в которой помещалась голова и шея девы. Когда мать своим указанием воспретила сие, на смену пришла связка узловатых прутьев, связанных по краям верёвками. Однако и сие мать забрала. И когда она в конце концов вскрыла сию чисто шерстяную подушку, то, не зная, что ещё придумать, так молвила дочери: «Уж послушалась ты, Роза моя, так послушалась: здесь-то нет ничего, кроме шерсти. Довольно, да что там, более чем довольно; ибо ты ухитрилась превратить и шерсть в средство истязания (*lanam in lanienam*), что ж мне ещё приказывать? Чтобы не пренебречь (*flossifieret*) материнским предписанием, ты уплотнила эти волокна (*flossos*) до скальной твёрдости. Поступай как желаешь, и даже если ты себя до смерти доведёшь, я тебе больше не стану мешать».

[106] Наконец настал столь желанный миг: мать, получив позволение отцов-духовников, с величайшей охотностью (*manibus avidissimis*) разрушила мучительное ложе Розы. Оные отцы, коим Роза открывала помыслы, примерно за три года до её кончины призадумались, что силы её чрезвычайно иссякли, а хрупкое тело столь изнурено продолжительными самобичеваниями, постами, болезнями, что более не выдержит пытки столь тягостным и жёстким одром, если им не удастся убедить её дать себе передышку, то хотя бы по немощи своей или уменьшить муки [в числе], или умерить [их силу]. Итак, они предали подвижническое ложе Розы, отягчённое тройственным жертвоприношением (колючая подстилка, жёсткая подушка и бутыль с желчью. – прим. пер.), нетерпеливой матери на разорение и разграбление. С каким огорчением это восприняла дочь, привязанная к подвигу более, нежели к жизни, нелегко сказать; но взбодрившаяся мать, словно по сигналу к атаке, набросилась на преужасный оный эшафот не иначе, как на вражескую крепость, посбрасывала чурбаки, поленья, бруски; вырвала колья; выгребла руками, высыпала кирпичные обломки и, наконец, выбросила их в ближайшую к городу реку, чтобы ими нельзя было снова воспользоваться; однако прежде решила пересчитать их и обнаружила, что острых осколков было немногим меньше трёхсот.

[107] Так что после этого Розе пришлось иначе лежать и спать; впрочем, едва ли приятнее и удобнее, ибо вернулась на свои доски и колья, которые безо всякого тюфяка или соломы покрыла простой и ветхой занавеской, и так в пору сна наконец укладывала изнурённое своё тело опочить. Однако ей казалось, что и сие убогое ложе отдаёт роскошью, а посему в последующие годы жизни, что провела в доме казначея Гонсало, проводила ночи, скорчившись тельцем на убогом креслице и слегка склонив голову к стойке кровати, где спали меньшие дочери Гонсало. Таким образом Роза скорее поверхностно забывалась кратчайшим сном, чем погружалась в него, особенно в зимнюю пору, когда по большей части ночами она от холода так дрожала, застывала, коченела, что, поднявшись, едва могла устоять на ногах. Порой, пробудившись от чрезмерной стужи, она зажигала веточку розмарина наподобие фитиля и, улучив мимоходом от его дыма малость скоротечного тепла, пыталась согреться. Неприязненная, как мачеха, к своему телу, она и в бодрственном состоянии не желала нигде присесть на мягкое сиденье, но или стоя исполняла свои труды, доколе могла, или, когда по необходимости приходилось ей сидеть, использовала вместо табуретки жёсткую подпорку.

[108] Между тем, памятуя и мечтая о первоначальном своём ложе, она беспрестанно жаловалась духовникам, что праздно растрчивает свою жизнь, с тех пор как принуждена была от прежних покаянных подвигов перейти к бездеятельной жизни, что из-за послабления от отцов она осталась лишённой всяческой награды за терпение, что св. Отцу её Доминику ежедневно поётся (в антифоне повечерия в доминиканском обряде. – прим. пер.) величание «Роза терпения», а она, будучи лишена того, что следует терпеть, перестала и Розой быть, и дочерью такового Отца; и так она досаждала слуху их, что они, наконец, позволили ей, коли ничего доброго творить не получается, хотя бы терпеть зло и усмирять тело. Получилось так, что один из духовников позволил деве в оном и следующем году (который стал для Розы последним) на всю Четырдесятницу вновь устроить себе по прежнему образцу жёсткое ложе, наполненное поленьями, черепками и кирпичами. Роза немедля поступила, как ей было позволено, и совместила предельное старание с предельной скрытностью – такой, чтобы и после её кончины (ибо она тогда ей впервые стало известно о том, [что она ей скоро предстоит]), второе сие мучительное ложе никак не могло бы быть обнаружено. Вероятно, когда вместе с Четырдесятницей закончилось и

разрешение пользоваться оным, она сама разобрала свой эшафот, рассыпала осколки черепков, выбросила колышки и поленья, чтобы никто не смог о нём ничего узнать, какие бы тщательные поиски не предпринимались что в материнском, что в казначеевом доме.

[109] Но и с приближением смерти не оставило Розу сие почти всю жизнь сопровождавшее её желание спать на ложе до крайности жёстком. Полуживая, в предсмертной агонии она на смертном одре скорбела о том, что лишена другого одра, до смерти скорбеносного. Но кто подготовил бы столь ужасную дыбу для невинной девицы (innocentulae), вот-вот готовой умереть? Она умоляла того, кому была препоручена, чтобы он переложил её пускай не на такую, а на более мягкую (humaniori) постель – наземь (humi) и позволил ей нагой умереть на каменном полу. Однако, поскольку она понимала, что от домашних этого не допросится, обратившись к стоявшему рядом родному брату с последним словом, умоляя его убрать подушки, а когда они были отчасти отодвинуты, умирающая возрадовалась, почувствовав, как её затылок и плечи прилегают к доскам кровати, чудесным образом удовлетворённая тем, что благодаря твёрдой их древесине хоть в какой-то мере сообразовалась с Распятым Женихом – и вскоре после того пребезмятежно испустила блаженный дух в руки Творца.

[110] Притом всякому нетрудно понять, каковым бдением Роза предавалась при таковой жёсткой постели, ведь само ложе лишало её сна. Серафическая Катерина однажды призналась блаженному Раймунду, духовнику своему, что не было у неё врага равного сну, с коим ей довелось тяжелее всего бороться, но который она в итоге убавила так, что довольствовалась всего лишь двумя часами. Роза, ученица Катерины, подвизалась такой же бранью и такой же соудостоилась победы, ибо она свой сон свела к скудной двухчасовой продолжительности, а порой и меньше времени сему назойливому мытарю уделяла. Ведь она так распределяла дневное и ночное время, чтобы в целом из него двенадцать часов отводилось молитве, другие десять предназначались ручному труду, коим она поддерживала родителей, а остающиеся два – телесным нуждам и краткому отдыху. Сие расположение к бодрствованию подкрепляли продолжительные посты, ношение власяниц, и волчцам подобное ложе, и долговременное воздержания от всякого прохладительного питья, глубокие размышления и упорная устремлённость сосредоточенного ума к вышним.

[111] Однако и лукавый враг не оставил своих уловок и проделок, назойливейше стараясь склонить деву ко сну, особенно тогда, когда она вставала на ночную молитву. Сие борение весьма тяжело давалось Розе, ибо, когда она, преклонив колени, начинала молиться, веки её, казалось, наливались свинцовой тяжестью; когда стояла выпрямившись, в голове её утомительно – до тяжелейшего головокружения – звенела усыпительная колыбельная; когда, простерши руки, склонялась к земле, по сонному телу мало-помалу разливалась сладкая нега. Роза стыдилась подаваться столь расслабляющему противнику: она даже болезненно падала, билась затылком о стену, колотила себя по бокам, дабы таким образом изгнать вкрадчивую дремоту; в конце концов побеждала, хотя не без тяжкого подвига, и торжествовала, но на кресте: ведь в комнате девы возвышался деревянный крест в человеческий рост, на перекладине которого с обеих сторон выдавались гвозди, достаточно крепкие и прочные, чтобы выдержать вес тела. В борьбе со сном она прижимала к ним обоим руки и, крепко обхватив, повисала на них своим хрупким тельцем и, вычитывая молитвословие Богородице-Деве, отражала сими клиньями нападения сна, совершенствовалась в бодрственности, распинала врага и отходила от сих черенов благодатной победы не

иначе как победительницей, окрепшей сухожилиями: так стяжала она пальму первенства, но – мозолистыми ладонями (palmis).

[112] Нашла она и иной способ борьбы [со сном]. На стене каморки Роза закрепила довольно длинный гвоздь немного повыше – на расстоянии примерно ладони над головою, – и, противясь ловушкам сна, она плотно-преплотно накручивала на него те немногие волосы, что остались в чёлке для сокрытия венца, и благодаря сей муке возобновляла бдение, читала молитвы, подавляла сонливость. Однако, чтобы не весь вес тела приходился на столь скудное волосяное крепление, она кое-как касалась земли, стоя на носочках, причём с довольно большим трудом, либо иной раз покачиваясь на ненадёжной подпорке. Можешь сделать вывод, читатель, судя по столь жутким средствам, как отягчал юницу назойливый сон; ведь на ложе с ним приходилось бороться остриями и терниями, вне ложа – гвоздями; и спать ли намеревалась Роза, бодрствовать ли – вынуждена была подвергаться мучениям.

ГЛАВА IX. ЕЁ ЛЮБОВЬ К УЕДИНЕНИЮ, УКЛОНЕНИЕ ОТ РАЗГОВОРОВ И ДО КРАЙНОСТИ ТЕСНАЯ КАМОРКА

[113] Как некогда св. Катерина, ещё будучи малышкой, восприняла любовь к уединению вплоть до поисков пещеры, так и Розу аж с раннего детства научила изыскивать в доме уединённые углы, а мирского общения избегать. К ней из соседских домов сходились девочки и с целью игры, которая в этом возрасте является первой страстью, приносили каждая свою куклу, ведь одевать их, кормить, украшать – это самое обычное занятие для девичьего пола в детстве. В невинной похвальбе они показывали их святой Розе, призывая и себе такую выпросить либо сделать. Она ж не желала ни владеть куклами, ни даже прикасаться к ним, ибо слыхала, что как-то раз злой дух бормотал через куклу (вероятно, то был идол). Позднее, оставив игры в куклы со сверстницами, она стала прятаться в отдалённом углу, словно чтобы предаться в покое тайным размышлениям. Там её однажды застал брат и спросил, не лучше ли бы ей порезвиться с весело забавляющимися девочками, чем сидеть в пыльном углу, полном блох? Она ж ответила осмысленными не по летам словами: «Позволь мне одной здесь прятаться с Богом, ибо там, среди кукол, есть столько же Бога, кто знает?»

[114] С годами возростала и её страсть скрываться; посему, усмотрев в саду тенистые платаны подле изгороди, она облюбовала это место и устроила там с помощью брата Фернандо часовенку, удалённую от всяческих взоров домашних. Там она, сплетя ветви, выделила маленькое пространство, огородив его побегами да прутьями, и искусно покрыла его густолиственным сводом. Внутри приделала к изгороди скромный алтарчик. Сложила там разноцветный крест из плотной бумаги, цветочков и перьев, и любые священные изображения, что ей удавалось добыть, усердно сносила в сей храм свой. Казалось, в сем уголке заключалась вся радость Розочки, так что все дни она проводила там в одиночестве; туда она поспешала для молитвенного уединения и размышлений после завтрака, после сна, после обеда; там находила убежище от суеты домашних, шуток, болтовни, внимая лишь себе и небу; вне сего эдема нигде ей не бывало хорошо, так что дома о ней сложилась поговорка: «Ступай в сад, коли Розочку ищешь». Однако, поскольку сим уединением ей разрешали пользоваться лишь в течение дня, она, немного подросши, упросила мать разрешить ей устроить иное – дома в комнате, где бы она могла отдельно от прочих детей ночевать в одиночестве. По сим ранним проблескам дарования в малышке можно было заранее догадаться, каковы будут её труды в более зрелом возрасте.

[115] Постепенно Роза выросла и повзрослела настолько, что годилась составлять почётную компанию своей матери в её выходах, особенно же при визитах к знатнейшим дамам. Но дочери, любившей только лишь своё убежище, людей смотреть и себя показывать было крайне досадно, посему она то мольбами, то слезами осаждала мать, заклиная не выводить её с собою. Та поражалась, всё не в силах взять в толк, почему то, чего прочие отроковицы обычно сверх меры выпрашивают, одной лишь Розе ненавистно. И вот, несколько раз против желания дочери она приказанием своим заставляла её, будучи уверена, что повеления она безропотно послушается. Как-то раз, когда мать пригласила её сходить вместе с нею на городской праздник, дева, проходя около домашней печи, ловко сронила себе с топки камень на ногу, отчего поранилась и ушиблась, чтобы разрешили ей – неподдельно охромевшей – остаться дома. И сею раною на ноге Роза наша Перуанская зарделась ярче и краше, чем розы кипрские, о коих вещают древние сказки, дескать они не были красны, прежде чем Киприда, случайно раненая в голень, не окропила их своей кровью (миф, на самом деле, связывает появление роз с кровью смертельно раненого Адониса – возлюбленного Афродиты. – прим. пер.)

[116] Потом дева измыслила и иную военную хитрость, дабы, любя одиночество, избегать обременительных выходов в общество. Как только она предугадывала, что мать собирается пригласить её на совершение визита, она намазывала себе индейским перцем (чрезвычайно жгучим) верхние и нижние веки, от какового притирания глаза её тут же воспалялись, краснели, сочились, как если бы они были переполнены слезами из-за острого конъюнктивита (? – *acris e capite defluxio*). Так что, когда мать, собравшись выйти, звала дочь составить ей компанию, та как раз могла показать ей свои слёзы и распухшие от злобного зуда глаза, с которыми якобы отнюдь нельзя было тогда выходить на открытый свет. Посему разжалобленная родительница, дабы уличный воздух не повредил ещё больше больным очам, давала дочери возможность укрыться в столь милом ей уединении. Довольно трудно давалось ей это бегство, но Розе её отшельничество было дороже самих зениц, и ещё долгое время ей помогала эта уловка, пока, наконец, подозрительная частота сего воспаления не подсказала родительнице, что на самом деле происходит.

[117] Донна Луиса Варгас Карвахаль по взаимному уговору с Марией де Олива постановили, взяв обе своих дочерей, поехать к знаменитой святыне Богородицы, что названо в честь Монсеррате (место, одноименное испанской горе, но в Лиме. – прим. пер.). Наступил назначенный день, и карета, в коей сидели донна Луиса со своей дочерью Исабелью-Алехией, остановилась у дверей. Мать, уже готовая, позвала Розу, но та снова вышла с опухшими глазами и покрасневшими от воспаления веками, откуда легко было заключить, что зрение её поражено слезотечением, моргает она с чрезвычайной болью и муку, вызываемую блеском солнца, никак не сможет перенести. Придя, наконец, в себя, мать любезно извинилась перед Луисой, а затем всерьёз призадумалась, отчего это сие неуместное слезотечение поражает Розе глаза главным образом тогда, когда им предстоит или визит к знатным дамам, или приём гостей дома, или выход вовне. Тогда, внимательнее взглядевшись в лицо дочери, она увидела, что видимые [признаки] не притворны, ибо и краснота воспаления, и признаки острой боли, и обильные слёзы молча подтверждали [болезнь]. Наконец, с материнской вольностью приблизив уста и ноздри, она учуяла запах, а высунув язык и лизнув [кожу] обнаружила острый вкус едчайшей мази.

[118] Слов нет, какие тогда мать обрушила на дочь насмешки, ругательства, колкости! «На что, – кричала она, – эти хитрости? Какой толк в таком никчемном обмане, чтобы

матери глаза отводить, а с собственными глазами вытворять такую непотребщину, шкочу эдакую? Уж больно ты быстро забыла, как совсем недавно слуга Фернандо Переса, так же побаловавшись с чесноком и перцем, совсем потерял зрение и глаз лишился!» Дева отвечала коротко и скромно: «Как по мне, матушка, так лучше ослепнуть, чем насмотреться суетного и мирского». Сражённая ответом, родительница позволила дочери скрываться дома сколько угодно, только бы более не натирала так глаза перцем себе во вред. Запоздалого разрешения на желанное затворничество Роза добилась такой дорогой ценой, какую немногие пожелали бы заплатить (а большинству того и даром не нужно).

[119] Уж до того угодно было Розе уединение (*desertum*) и не угодно общество, что она не только всеми силами устранилась от визитов в частные дома (*palatia*) и публичных городских зрелищ, но избегала и праздно наблюдать за хождением общих торжественных процессий да многоядными молебнами. Она признавалась, что ей до крайности томительно и тяжело во время женских бесед взирать на пышные одежды, нарядки, дорогие шали, присутствовать при праздных пересудах, тратить силы на многочисленные суетные обряды взаимной учтивости. Однако паче всего она скорбела от того, что даже в домашнем своём убежище оказалась не защищена и не свободна от посещений. Она уже освободилась от обязанности сопровождать мать в оных выходах, однако, как бы ни мечтала уклониться от того, чтобы её дома посещали, не могла добиться сего. Кротость, ласковость, скромность девы привлекала знакомых женщин, которые под предлогом оказания чести своим приходом матери, просили разрешения повидать и дочь, чьё нежное благоухание добродетелей, врождённое достоинство, достоивная святость помимо её воли восхищали даже многих знаменитостей. И нелегко было отказать им в доступе к Розе, как бы она ни скрывалась, оплакивая потерю драгоценного времени. И хотя беседы шли не иначе как о Боге, она заявляла, что куда ей полезнее и милее было всегда с Богом пребывать, нежели о Боге говорить.

[120] И вот, по вдохновению Божества, взыскала она более высокого пути, мужественно шествуя коим, смогла бы освободиться от оных помех: она с робкой мольбою попросила родителей уделить ей в дальнем углу сада уединённое место для возведения келейки. Она хотела, чтобы та была размером достаточно лишь для вмещения её одной, чтобы там имелось крошечное окошко для освещения, а ключи от дверцы оставались (коли пожелает только) у матери. Там она намеревалась с величайшей пользой предаваться рукоделью, усердной молитве и размышлениям, а также сосредоточению духа без самонамалейших трат времени. К сему она добавила важные и веские доводы, кои внушили ей небеса и ревность к служению Божию. Однако мать отказалась дать дочери позволение живьём отойти в такую гробницу. После бесплодных упрашиваний и упорных отказов дева, как обычно, прибегла к помощи свыше и, усердно призывая то Бога, то Матерь Божию, дабы благотворным своим вдохновением побудили мать дать ей согласие, не сомневалась, что будет услышана. Таким образом, она ожидала как бы некоего небесного залога в подтверждение правильности своего устремления к более высокому [подвигу] и получила его, что произошло вот как. Среди скудных её сокровищ имелся хрупкий коралловый венец; она взяла его, чтобы сим миловидным ожерельем украсить изваяние Святой Девы в приделе Святейшего розария. Для этого она попросила помощи у знакомого инок, передала ему венец, дабы он поскорее надел его на шею изваяния. Он же пренебрёг её просьбой, потому что у него не было лестницы, чтобы добраться до изваяния, возвышавшегося над алтарём.

[121] На следующий день дева снова пришла в придел послушать мессу и, заметив, что на изваянии нет её венца, многими мольбами заклинала старшего (как его называют) ризничего, дабы он наконец надел венец на шею изваянию, [сказав, что] для неё весьма важно, чтобы он это сделал, ибо она желает сим драгоценным звеном нежно пленить Деву-Матерь, а Младенчик выступил за неё ходатаем или поручителем. Сии последние слова были загадочны, поэтому ризничий, хоть и не вполне постиг их, однако исполнил просьбу Розы и, приставив лестницу, не без труда надел венец на шею изваяния, а затем убрал лестницу.

Наконец пришёл назначенный день, когда Роза, желая посмотреть на ходатаю за дары для неё, поспешила в церковь св. Доминика; и вот, войдя в придел Святейшего розария, увидела, что её венец снят с шеи Святой Девы и явственно свисает с руки младенца Иисуса. То же видели и все подряд, кто только ни был в приделе, но не уразумевали тайны свершившегося, ибо предполагали, что сам ризничий и перевесил венец с шеи Богородицы на пальцы Младенчику. Ризничий, когда ему сообщили о знамени, пришёл, увидел, изумился, уверенный в том, что ни он сам, ни кто-либо из братии не прикасался к венцу с того дня, когда его надели на шею Святой Деве. Только Роза, узнав о чуде и молча истолковав знамение, радовалась сокровенным ликованием, вполне понимая, что наблюдает; ибо ведь Царица Святейшего розария ответила на мольбу Розы обещанием благодати, о коей та просила, а Сын ручался за Матерь, и потому коралловое сие обетное звено, развязав на шее Матери, Он переложил на Себя.

[122] Теперь Роза, благодаря сему чудесному явлению уверенная в исполнении своей просьбы, словно бы дело уже почти было сделано, снарядила важное и почтенное посольство к матери: к ней направились с просьбой магистр и доктор (cathedraticus) бр. о. Хуан де Лоренсана, королевский казначей Гонсало де ла Масса и казначеева жена Мария де Усатеги. Был праздник Очищения Пресвятой Девы во Храме, когда благодаря посредничеству сей триады Мария де Олива (скорее польщённая, нежели возмущённая) позволила своей Розе осуществить давнюю мечту и построить себе тесную и уединённую келейку, куда без разрешения духовника никто не должен будет входить, чтобы повидать деву или поговорить с ней. Мать, которая к такого рода речам до того часа была твёрже Апеннинских гор, вдруг поддалась, как размягчившийся воск, даже не испросив ни мгновения отсрочки на обдумывание столь трудного дела. Так-то исполнил обещание Бог-Ходатай, Который точно так же держал в Своей руке сердце (cor) родительницы, как и коралловое ожерелье (coralium) дочери.

[123] Можно представить, с какой затем возвышенной и сладостной радостью провела Роза оный день, получив сие разрешение! Казалось, что ей выпало на долю то же, что поётся о праведном Старце: «Приял ответ Симеон», и она отважилась тогда воспеть радостную сию песнь: «Ныне отпускаеши», словно бы уже почти достигла долгожданной своей гавани, предвкушая в дальнейшем радость сокровенных объятий Младенца-Женишка, Который «ведёт её в пустыню, дабы говорить к сердцу её» (ср. Ос. 2:14). Тут же и почувствовала Роза, что к ней обращён первый антифон сего праздника: «Укрась своё брачное ложе, Сион». Поистине, келейка, которую Роза определила себе, казалась ей не иначе как брачным ложем; она долго думала о ней, дожидаясь рассвета следующего дня, когда можно будет начать работу. И не мешкая она на завтра украсила сие ложе: снесла в сад доски и в течение нескольких дней завершила постройку маленькой, тесной, скромной молельни. Хижинка была пяти футов в длину, четыре фута в ширину; можно было бы подумать, что это скорее крупноватый сундук или ларь, если бы маленькое окошко сбоку явственно не указывало бы на то, что это домишко. Один из духовников вскользь пожурил тесноту обиталища, на что Роза

остроумно ответила, что там как раз столько места, что вполне хватит ей и Жениху Небесному.

[124] Воистину то было брачное ложе, кое украшала дева, дочь Сиона. Чудом обретя сие убежище, счастливая Роза радела о том, чтобы теперь ни единый миг не протекал бесплодно: здесь она оставалась все дни с добавлением большей части ночи; здесь наилучшим образом поводила часы в различных благочестивых упражнениях; здесь, совершенно свободно предаваясь созерцанию, направляла стези в сердце (ср. Пс. 83:6), почти что в неведении, в теле находится или вне тела (ср. 2 Кор. 12:3). После того, как она затворилась здесь, предстала некой даме, отличавшейся святостью, в образе и облики пресветлой звезды, блеска чьих лучей и всепроникающего блистания никак не могла заглушить угрюмая теснота стен. [Поистине] Лима, иначе именуемая Градом Царей, должна была получить и свою звезду, молчаливо зовущую к скромной колыбельке Спасителя.

Я вскользь коснусь здесь того, что при жизни многие замечали, что Розу на диво увеселяет зрелище ясного неба, до того, что девушка, ничего не понимая в астрологии, подчас большую часть ночи бездвижно с усладой предавалась лишь наблюдению светил. Естественно, что новая Звезда Царей (т.е. трёх волхвов. – прим. пер.) любила звёздную сферу, устремлялась к ней, что лучезарный гений безраздельно обожал её и что неборождённому уму нелегко было оторваться от ночного зрелища небесных огоньков. Она признавалась, что продолжительное созерцание неба и светил приносит ей силы и бодрость, и даже убеждала иных, что сияющий вид ясного неба можно отнести к числу наиболее привлекательных явлений, что возвышают дух. Так что отнюдь не ошиблась благочестивая дама, узнавшая любительницу звёзд Розу под обликом звезды, коей небосводом тогда служило жалкое укрытие кельи.

[125] Те, кто знал, что дева пылала любовью к храмам и священным обрядам, дивились, что она проводит всё время в своём затворе, так что даже едва только в праздничные дни показывается в церкви. Посему некоторые и спрашивали у неё, как её благочестивейшее сердце может переносить, что всякое утро, когда она покидает хижинку свою, то даже не на Божественную литургию отправляется, а немедля обратно возвращается. Услышь её преискренне простой ответ и изумись! Роза возразила, что сие отнюдь не следует относить насчёт её затворничества, но дело в матушке, которой домашние заботы препятствуют каждый день посещать мессу (духовники в первые годы велели Розе ходить в церковь только вместе с родительницей); однако по благому промыслу Божию она, оставаясь в келейке, ежедневно видит и слышит не одну, а изрядно много месс. На вопрос, каким образом это происходит, дева сообщила, что ей свыше дано ежедневно участвовать духом (однако не присутствуя при этом телесно) в каждой мессе, что совершались по соседству в странноприимном доме Святого Духа, да и не только в них, но и в тех, которые служились на большем расстоянии – в отдалённой церкви Св. Августина, которая находилась от Розинога жилища не менее чем в четырёх или пяти кварталах. Никто не станет отрицать, что это служило Розе великим и преславленным утешением в её строжайшем затворе.

[126] Ещё и другую получила Роза милость, более того, услужение – от комаров. Там, где отшельничающая дева возвела свою келью, по причине влажности почвы и густоты кустарника нарождалось неисчислимое множество комаров, либо же милое сему роду тенистое место привлекало их. Сия тварь досаждала людям, помимо прочего, тем, что благодаря своему хоботку является и трубачом, и воином, не только

раздражая укусами, но и мешая заснуть своим писком да жужжанием. Чаще всего их рои и стаи проникали в Розин шалаш, когда днём их крошечным тельцам угрожали иссушающие солнечные лучи, а на закате безоблачной ночи – холод. Однако даже среди стольких комариных полчищ не нашлось ни единого, кто хоть раз тронул бы Розу в её келейке. Они всюду ползали по стенам, ломались в дверцу, сплошным потоком постоянно влетали и вылетали в окно, но все избегали Розу и не садились на неё, словно бы сговорились щадить свою гостеприимцу.

[127] Случилось как-то, что мать да несколько благочестивых особ с разрешения духовника ради божественного собеседования навещали Розу в тесном её обиталище, но где бы они ни садились – у входа или под окошком, – на них сразу устремлялась враждебная стая комаров; лица и руки им спешила облепить несносная ватага; прогонят одного – им вслед четверо; притом большинство, нападая невзначай, пили кровь неосторожных посетительниц, оставляя после себя зуд и следы вздутий. Терпя таковую казнь египетскую, они дивились, что Роза целыми днями оставалась недвижима, но ещё более изумились потом, когда рассмотрели, что на её лице и руках не было видно ни малейших признаков сей сыпи от укусов. Улыбнулась дева, отвечая матери и её спутницам: «Когда я сюда вошла, то заключила с комарами дружеский уговор о том, что они никогда не будут меня беспокоить или кусать, а я в свою очередь никак не буду им вредить. По нашему обоюдному уговору мы не только пользуемся общим сим кровом без вражды, но сверх того они ещё и помогают мне на свой манер усердно воспевать хвалы Богу».

[128] Всё именно так и было. Ибо всякий раз, когда Роза рано поутру отпирала двери келейки и раскрывала створки окна, то приказывала комарам (всем, что ночевали внутри, густо облепив стены): «Ну-ка, друзья, пора петь утреню всемогущему Богу», и они, зажужжав, немедля заводили нежнейшее пение и, разделившись на круги поднимали на разные лады громогласный звон, причём полчище их двигалось так стройно и кружилось столь слаженными поворотами, что можно было подумать, будто это хор или хоровод, коим руководит разумное начало. Исполнив сей обряд, они улетали на промысел. Подобно же и на закате солнца, когда они возвращались в гостеприимный домишко, Роза снова настаивала, чтобы прежде отхода ко сну они сообща с нею воспели вечерние хвалы Творцу. Тогда, радостно звеня, они постепенно наполняли углы, и летучая их гармония пыталась соперничать со звучанием органа, пока по велению Розы они разом не смолкали, словно бы согласно единому правилу соблюдения ночной тишины. Столь великую власть давала над ничтожнейшими созданными состоянием невинности, к коему Роза так приблизилась, что пребывала в уединённой келье, словно в раю.

[129] Сестра Катерина Св. Марии, состоявшая в Третьем Ордене Св. О. Доминика, давняя товарка донны Элеоноры де Кастро, пришла навестить Розу в её затворе, но, не стерпев укусов комаров, одного, уже набухшего от крови, убила ладонью. Роза, словно бы удивившись, молвила: «Что ты делаешь, возлюбленная сестра? У меня дома умерщвляешь моих гостей?» А Катерина ей: «Уж скорее гнусей, чем гостей – вон же как этот комар насосался моей крови!» На что та ей ответила: «Что такого, коли он подкормился бы толикой малостью нашей крови, в то время как его Создатель столь часто питает нас Своей собственной кровью? Так что более не уничтожай моих комаров, а я в свою очередь торжественно обещаю тебе, что они будут хранить мир с тобой, равно как и со мной». Так и стало, ибо в дальнейшем ни один комар там ни кусал Катерину, ни сосал её крови. Также матери, казначею Гонсало, супруге его и прочим посетителям было известно, что невозможно сомневаться в достоивной власти

невинной Розы над прирученными ею комарами. Немного иначе испытала это на себе сестра Франсиска де Монтойа, тоже терциарка Св. Отца Доминика. Когда она во время благочестивой беседы с Розой увидела, какое множество изголодавшихся насекомых готово наброситься на неё, изрядно перепугалась. Обратив на это внимание, Роза молвила: «Не бойся, сестра; сегодня тебя в честь Святейшей Троицы поразят лишь три комара, а затем будешь (как я) неуязвима». Случилось, как предсказывала дева: Франсиску комар укусил трижды, а затем в тот день и всегда в присутствии Розы она была не подвержена им. Ладно ещё, что оное уединённое убежище получило от небес сей дивный дар неуязвимости, но то, что Роза могла в том месте сообщать оный дар другим, было беспримерно.

[130] В последние три года своей жизни дева устроила себе в доме казначея Гонсало почти такое же отшельническое уединение, круглые сутки тайно скрываясь в домовый молельне либо тотчас запираясь за тесными перегородками в самой отдалённой комнате здания, всячески загородив, всячески заставив [подход], дабы избежать бесполезных посещений. Иной раз с разрешения духовников и самого Гонсало она уходила в материнский дом, дабы несколько дней насладиться покоем в милом уединении прежней её келейки; да часто прегорестно сетовала она в присутствии близких друзей на постоянную свою скорбь о том, что пол и мирские обстоятельства не позволяют ей отойти подальше на самые кручи гор и найти там скальную пещеру, дабы проводить там жизнь вдалеке от всяческих человеческих дел. Она беспрестанно восхваляла преблаженные времена древних пустынников, вздыхала при всяком упоминании Нитрии и Фиваиды, ведь – скажем словечко в завершение – на Розу перешли пламенные мечты св. Катерины Сиенской о пещерах в пустыни, кои она некогда глубоко носила в себе.

ГЛАВА X. ЧУДЕСНОЕ ОБРУЧЕНИЕ СО ХРИСТОМ ПО ПРИМЕРУ СВ. КАТЕРИНЫ СИЕНСКОЙ

[131] Из «Истории жизни бл. Катерины Сиенской» Роза узнала, что Христос обручился как Жених с серафической девой ещё при жизни её. Побежала и она по следам сей невесты за ароматом Жениха (ср. Вульг. Песн. 1:3), но среди девиц (ср. Вульг. Песн. 1:2), как ей показалось; ведь она никогда не давала душе своей такого неограниченного дозволения, чтобы самой дерзнуть уповать на достоинство единственной невесты и звание таковой высоты. И всё же среди Розиных сокровищ явственно были заметны девичья чистота и бездонное смирение, кои подобающим образом подготовили её к сей свадьбе и наделили приданым. Когда сие необычайное бракосочетание состоялось, его особым образом возглавила августейшая Императрица ангелов – Дева, дивная дарами возвышенной чистоты и смирения, с коей никто не сравнится и не сравняется как в сих двух преславных, так и в прочих [добродетелях].

[132] Смирение Розы мы уже кое-как описали в гл. V; теперь, перед рассказом о небесном бракосочетании предстоит описать её чистоту, однако для краткого отчёта об этом нам достаточно единодушных показаний её духовников, принимавших генеральную исповедь девы. Их было одиннадцать: шестеро из Ордена проповедников и пятеро из Общества Иисуса, – и каждый из них по отдельности (но словно едиными устами, причём под присягой) засвидетельствовал, что девственная белизна Розы всегда блистала такой чистотой, что никогда не запятнала её даже малейшая тень простительного легкомыслия, и за всю жизнь к ней ни разу не подкрался никакой гнусный помысел, так что лепестков (hyblaeam) Розы не затронуло тление (scarabaeus). Итак, столь необычный дар невинности, столь смиренную и чистую девственность она

ещё в раннем детстве, будучи пятилетней девочкой, посвятила в обете Христу одновременно как цветок (flos) и как приданое (dos) к будущей свадьбе с Женихом из Назарета. Насколько Роза любила лилию среди терний, настолько же пренебрежительно относилась к себе самой, поэтому потребовалось изрядно знамений, чтобы задолго подготовить её к таинству, побудить к согласию.

[133] Первым (из того, о чём известно) было сие: когда двуцветная она бабочка (о коей см. выше гл. IV), прилетев с высоты, села на Розу, она явно какое-то время ползала по левой стороне девы, пока не оказалась прямо напротив области сердца, где стала действовать с большим тщанием и запалом (mogosius & amogosius), ибо по образу пчелы, старательно строящей соты, она выписывала короткие круги, словно бы что-то рисуя кистью. Закончив труд, она исчезла, и вот все девушки, работавшие в тех покоях, ясно увидели, что там (на одежде) осталось завершённое и искусно исполненное изображение сердца, нарисованное бабочкой; но не понимали они значение таинственного символа сердца, прочерченного на девичьем сердце; только Роза почувствовала (и то пока смутно) зов Жениха издали: «Отдай сердце твое!» (Прит. 23:26) И если окраска бабочки напомнила ей о хабите Катерины Сиенской тех же цветов, то прочерченный знак – ещё и о том, что вечный Жених когда-то обменялся сердцем с Сиенской невестой. Хотя сии [знамения] ещё отнюдь не могли внушить твёрдой надежды на столь дивную свадьбу, всё же (как позднее выяснилось) издали предвещали сие блаженное обручение.

[134] Немного более явным было [то знамение], что последовало за тем. Как-то ночью после облачения в белоснежные одежды Третьего ордена явлен был Розе в сонном видении прекраснейший и изящнейший облик Мужа; и в душе она готова была бы предположить, что сие – некий небожитель, более того, Тот самый, Кто «прекраснее сынов человеческих» (Пс. 44:3), если бы наряд его не указывал на занятие каменотёса, точнее, благородного творца каменных изваяний. И то был поистине Он; причём тогда Он поторопился любезно поприветствовать деву, притом сразу попросив её стать Ему невестой. Роза, которой ни в каком сне никогда не приходил помысел о свадьбе, почувствовала внутри, что за всю свою жизнь не обретёт она счастья большего, чем сие супружество. То влечение к благодати научило Розу любить тайное, что она ещё не познала. Итак, безупречнейшая сия горлица ответила согласием на предложенный ей союз, и после взаимного обмена брачными обетами прелюбезный оный Жених как бы собрался отправиться в срочное путешествие, однако сначала выдал там же на месте новой Своей супруге сколько-то мрамора, поручив до Его возвращения нарезать, обтесать, отполировать определённое его количество. А поскольку супругам подобает оставить отца и мать, дабы двое стали единой плотью, Новобрачный указал Розе Своей отложить отныне заботу о прокормлении своих родителей, ибо Он обеспечит их из иного источника, дабы они не нуждались.

[135] Затем явлено было ей в видении, что Жених возвращается из путешествия; а Роза, которая тогда ещё не целиком исполнила свою камнерезную работу, преисполнившись стыда, стала изо всех сил оправдываться, что ей помешали заботы о родителях, что суровое сие искусство пока ещё совсем непривычно её женским рукам, доселе знакомым лишь с льном да шерстью. Тогда Жених, улыбнувшись, молвил: «Не подумай, милая Моя, что ты единственная из женщин, кого я занял сложными сими трудами!» и тут же, широко распахнув двери соседних покоев, показал Розе камнерезную мастерскую, преобширную и просторную, наполненную одними лишь девами, усердно занимавшимися тяжким трудом, и вместо игл были у них молоты и зубила, а вместо шерсти – крепчайшие камни и валуны, и сими [орудиями] прилежно

колотя, ровняя и обтёсывая по наугольнику [заготовки], все они разрезали [их], долбили, шлифовали и зачищали, а чтобы железо легче скользило по жёсткой каменной поверхности, они обильно смачивали её частым пролитием слёз своих. И что казалось особенно странным, что среди этих куч необработанных валунов и при пыльной работе одежды всех дев были не простые, как носят обычно при работе, но драгоценные, блистающие, праздничные, которые более уместны на свадебном пиру или среди театральной публики, нежели в потогонной мастерской.

[136] Дивилась дева, что девы заняты столь непривычным делом, но их усилия явно вполне успешны: вокруг она наблюдала мраморные изделия, уже обработанные каждой мастерицей, законченные, отложенные в сторону, в коих не было ни малейшего недостатка, препятствующего полнейшему совершенству. Наконец Роза, случайно бросив взгляд на себя, увидела, что и она равно красуется в таком же, как и прочие там девы, прекраснейшем убранстве; и если доселе она скромно белела доминиканским хабитом, то вдруг обнаружила себя в вельможном платье (cyclade), расшитом драгоценными камнями и золотом, из чего поняла, что теперь тоже обязана приступить к таковым трудам. Сколь много тайн познала Роза из небывалого сего видения, мало- помалу будет показано в дальнейшем, а ныне рассказ пойдёт только об итоговом обручении, кое совершила она с Каменотёсом.

[137] И после такового предвестия Жениху оставалось лишь явственно и неприкровенно показать Розе наяву уже последнее [видение], когда, совлекши образ каменотёса, Он уже совсем недвусмысленно предложил деве брачный союз. Случилось это так и сим порядком: в Неделю ваий, пока собиралось торжественное шествие, ризничие в хоре и церкви раздавали ветви для исполнения ежегодного обряда благословления. Между тем и Роза с другими сёстрами-терциарками ожидала своей пальмовой ветви, склонив колени в Розариевом приделе Святой Девы. Но то ли по небрежности и ошибке торопившегося ризничего, то ли (что вероятнее) по особому внушению Божества случилось так, что на этот раз Роза оказалась без ветви, что было совсем против правил, ибо в прежние годы её (как дочь Ордена) никогда не обделяли при раздаче пальмовых ветвей.

[138] Итак, дева, смутившись от такой неожиданности, как свойственно людям с особенно чуткой совестью, устрашилась, не сделало ли её вдруг недостойной участия в оном пальмоносном шествии какое-нибудь незаметное движение души. Впрочем, она прошла круг вместе с прочим верным людом, но опечаленная и пристыженная, а после шествия напрямик возвратилась в Розариевый придел (гавань свою), где у стоп Богородицы-Девы излила сердце своё в потоках слёз, кляня себя самоё и за то, что, наверно, горделиво желала благословлённой ветви, и за то, что по нерадивости её не взыскала. Затем, возрев на лик царственной Богородительницы, увидела, что он обращён к ней с ласковым и паче обычного нежным выражением, собралась с духом и теперь порадовалась тому самому, от чего прежде сокрушалась, молвив: «Да не будет того, чтобы приняла я пальмовую ветвь из рук смертных; Ты, Владычица, Которая «возвысилась, как пальма в Енгадди» (Сир. 24:15), одаришь меня ветвью неувядаемой».

[139] При сих словах она вдруг увидела, как Царица Небесная склонилась радостным ликом, обращаясь к маленькому Сыну (коего держала на руках), а затем, словно бы получив добрый знак, нежнее прежнего взглянула на Розу, которая, проникнувшись несказанной радостью, возвела взор на Малыша и заметила, что Он тоже ей улыбается. И с ответным пылом блуждал [взор] Розы меж двух сих медоточивых ликов, и когда [взгляд её] перебежал с одного лица на другое, всякий раз встречал усладительное

зрелище, а когда поскорее возвращался обратно, встречал ещё более ласковое выражение. Розу при молитве многократно утешал нежный облик сего священного изваяния (как будет рассказано ниже), но никогда не бывало такого избытка улады, такого веяния сердечности и милости, столь необычайного блистания искреннего благоволения – отчего в глубине души своей ощутила, что ныне с ней творится нечто великое и что Каменотёс её недалеко от неё. То были чувства, коим убогое недоумие смертных пока не изобрело наименования.

[140] И что же? В итоге младенец Иисус нараспев произнёс сию реплику (canticum dramatis): «Роза сердца Моего! будь нареченной невестою!» Сии слова потрясли Розу до глубины души, и она, словно бы от неожиданного удара, сжалась, затаив дыхание, и в краткой борьбе со смятением чувств одновременно и разрывалась ввиду бездны своего ничтожества, и утопала в возвышенном волнении радости, однако, сражённый столь дивной честью, дух её не находил даже что сказать в ответ, пока не прибег к словам чистейшего смирения: «Се, раба Господня. Се служанка, се достояние Твоё, о Царь вечного величия; Твоя есмь, Твоей Ты меня назвал, Твоей буду». Она многое готова была сказать, но её умилённая душа в трезвом своём упоении немедля вновь обращалась всё к тому же речению и в младенческой любви, неспособной к красноречию, издавала лепет. Поистине не ошибся тот, «кто бы он ни был, кто любовь изобразил в образе дитяти» (Проперций. Элегии. II-12. – прим. пер.).

[141] Но Дева-Матерь, что некогда на свадьбе в Кане Галилейской прорекла слово, здесь отнюдь не промолчала, и прежде всего потому, что на сем бракосочетании Она была единственной дружкой невесты (ραγανυμφα), единственная могла Розу подвести к Сыну и просить за неё. Итак, сама Она и к новобрачной обратилась, молвив: «Посмотри, о Роза, на исключительную милость, оказанную тебе Сыном Моим!» То была брачная песнь, прозвучавшая не от лиры Давидовой, но из собственных уст Матери Жениха. Роза изнемогала под бременем радости и сама собой не владела, испытав на себе, что воистину верно сказано: «Пускай любовь и считают огнём, вес нелёгок её». Дева пылала и мучилась, уже позабыв о пальмовой ветви, вместо коей обрела Лилию долин, столь прекрасную, столь драгоценную. Наконец возвеселилась она чрезвычайно, оттого что в один день да на том же месте и без пальмы осталась, и без Розы – ибо ведь после сего бракосочетания она более не принадлежала себе. Затем последовали свадебные дары от Жениха, ибо (как она была вынуждена признаться на допросе, о котором ниже – в гл. XIV) из глубинной сокровищницы благодати на Розу снизошло некое невиданное пылание серафической любви, повлекши за собою длинную вереницу неисчислимых богатств всяческого благословения, кои душу невесты обогатили, просветили, украсили. Так обильны были великолепные подношения благородного Жениха, так неопишуты человеческими словами ожерелья и драгоценности в залог обета верности, что когда допросчик настойчивее стал расспрашивать о них Розу, она, хоть отпираться и не смела, простодушнейше оправдывалась только нехваткой слов.

[142] Затем, дабы памятование о столь великих благодеяниях постоянно пребывало пред очами, Роза, возвратившись домой, тотчас замыслила отлить обручальное кольцо, чтобы постоянно и открыто носить его на безымянном пальце в память о свадьбе своей; и, попросив наедине совета у своего родного брата, частично открыла ему своё желание, но о тайне умолчала. Он, взяв циркуль, прочертил на бумажке точную форму кольца и добавил к ней чертёж оправы подходящего размера, на которой дева попросила выгравировать маленького Иисуса. Оставалось ещё договориться о том, какой девиз написать по кругу на наружной поверхности кольца. Тут Роза пристально

посмотрела на брата, ожидая, что он догадается. Он, нимало не замешкавшись, словно сам был свидетелем тайного обручения Розы, сии самые слова написал по окружности кольца: «Роза сердца моего, будь мне невестою». Онемела и оцепенела от внезапной радости Роза, как увидела, что не после тщательного размышления, а по наитию единственную и главную суть (regiōcha) события брат внезапно кратко (in symbolum) выразил тем речением, которое Христос сам произнёс и собственными устами любезно изрёк. Она знала, что по человеческим возможностям проведать о том было невозможно ни брату её, ни какому иному смертному, но было то продиктовано внушением свыше; посему, воодушевлённая новой радостью, молча почтила руку Жениха, играючи свершившую столь сладостное чудо.

[143] Затем в пятницу наступившей Страстной Седмицы она это кольцо, ещё более дорогое ей вследствие сего [знамения], принесла в церковь и многими мольбами допросилась у отца-ризничего, чтобы он разрешил ей разместить оное в гробнице, где в память о погребении Искупителя три оных дня хранятся Святейшие Тайны. Там она желала сей свой знак любви на время с умершим Женихом похоронить, дабы вместе с Ним же воскресшим одновременно возвратит ко свету. Так она свидетельствовала возлюбленному Жениху, что и закон не отлучит её от почившего мужа, с коим жаждет она разделить и общий смертный одр. Наконец, в великий праздник Пасхи сие кольцо из трёхдневного пребывания в гробе Господнем возвратилось к Розе ещё более священным и благодатным, и пред лицом того самого розарию посвящённого изваяния Святой Девы, где был заключён священный брачный союз, окружило её безымянный палец – не без нового чуда, ибо церемония прошла так незаметно, что даже стоявшая на коленях близ девы мать почти не обратила на неё внимания, хотя всегда чрезвычайно пристально следила за дочерью.

[144] После кончины девы вместе с прочим её скудным имуществом у жены казначея Гонсало осталось кольцо, и в 1618-м году в месяце феврале дома у названного казначея случилось одно достопамятное событие. Оный муж, прославленный своей святостью (о коем см. выше в конце гл. VIII), приложившись с благоговением к терновому венцу покойной Розы, ещё дольше задержался при кольце, ибо, когда донна Мария де Усатеги вручила ему оное, он, завернув его в маленькую бумажку, сжал в кулаке. И надо же! Каковы бы ни были его чувства при прикосновении к венцу, с кольцом он почувствовал гораздо более сильно: влечение ввысь – неодолимое, сладостное, нежное; просветлённость – необычайную, превознесённую, изобильную; пыл духовный – глубокий аж до душевного истаяния, проникновенный, тонкий. Видимо, то были крохи от брачного пиршества, что Роза с Женихом справляли в небесах.

[145] Затем сей слуга Божий, словно бы по внутреннему побуждению [Святого Духа], разразился речью: «Благословен Бог, столь дивный в Розе Своей. Хвала Святейшей Троице, что вознесла Розу на вершину небесной славы к первейшим обитателям рая! Роза достолюбезная! Роза предызбранная! Роза – невеста белоснежного Агнца! Велика ты, возвышенна ты, славна, блистательна, несравненна среди торжествующего воинства святых!» Много ещё подобных слов раз за разом исторгал он из переполненного сердца; в нежнейших чувствах, но совершенно обездвиженный телом, ибо внутреннее оное ликование, дав вольность языку и устам сидящего, так сковала ему прочие члены, что он ни с сиденья подняться был не в силах, ни двинуть рукой иль ногой, оцепеневшими от изумления. Правая рука, в которой он сжимал кольцо, упиралась в подлокотник кресла, но была неподвижна, словно приколоченная гвоздями. Левая была прижата к сердцу, сильно колотившемуся от преизобилия радости, но и она казалась намертво приклеившейся. Счастливец раз-другой пытался

оторваться от сидалища, расцепить ноги или хотя бы двинуть руками, но ничего из этого сделать не мог. А язык, между тем, продолжал, оставаясь единственным подвижным органом, возносить хвалу то Богу, то Розе, хотя он при этом всем своим существом пытался справиться с чрезвычайным пылом внутренней своей радости.

[146] Казначеева жена вдоволь насмотревшись на благочестивое сие зрелище, позвала мужа, как бы для того, чтобы из долга вежливости поприветствовать его, ибо гость, сидевший там, был всем в доме очень знаком и дорог. Казначей Гонсало, войдя и любезно поприветствовав сего человека, увидел, что он даже не привстал, а затем увидел, что и не может. Он пытался взаимно ответить на поклон и произнести извинения, но вотще, ибо вновь возвращался к прославлениям Бога и Розы, воздыханиями жалобной нежности сетуя на неистовство радостей, кои доставило ему блаженное кольцо Розы. «О любовь! – молвил он, – о какое нежное пламя! какой пыл! о прочнейшие узы горящей души, путы прерадостные, объятия нерасторжимые!» Гонсало, сострадая и радуясь сему чувству, вмешался, спросив [гостя], не угодно ли ему выпустить из руки кольцо (от коего он претерпевал сию муку радости), дабы освободиться из неволи, приковавшей его к креслу и радости. Человек смолк, а затем согласился, но никак не мог раскрыть ладонь и разогнуть сжатые пальцы. Казначей предложил помощь – она была принята.

[147] Чудно сказать; Гонсало обнаружил, что правая рука мужа сего была окоченевшей и негнущейся, мокрой от холодного пота, словно у мертвеца, а пальцы так скрутились вокруг кольца, сжались и судорожно сцепились, что потребовались усилия и время, чтобы мало-помалу разжать их. Затем так же утомительно пришлось потрудиться и над левой, что была прижата к груди. Но когда изъяли кольцо, радость исчезла, исчезло оцепенение, [гость] свободно встал с кресла, на котором он только что удерживался в плену свадебного веселья. Когда он возвратил кольцо, ему показалось, что с его рук и ног спали кандалы; однако по его признанию в сих колодках отрады он чувствовал себя много лучше, нежели поспешно расставшись с ними, [словно бы с] опечаленным другом. В итоге, умолив [присутствовавших] дать клятву молчания, он ушёл. Если на чужой руке обручальное кольцо Розы смогло так [подействовать], то чего не могло оно [явить] в душе невесты на самих свадебных торжествах?

ГЛАВА XI. ПОСТОЯННОЕ УСЕРДИЕ В МОЛИТВЕ И ГЛУБИННАЯ СВЯЗЬ С БОГОМ

[148] Если соединяющийся с Господом есть один дух с Ним (ср. 1 Кор. 6:17), то можно представить, какой высокой степени единения с Божеством достигла Роза, которая постоянно с сердечной молитвой внимала одному лишь Богу. Когда она ещё была ребёнком, внутреннее помазание Духа учило её молиться, внушало рвение, кое в большинстве случаев даже сам сон ночной не мог отвлечь к другим предметам. Посему весьма часто слышали, как она во сне отчитывает ровным счётом столько же молитовок, сколько с величайшим усердием совершала днём. С годами прибавлялось и благоговение её, с увеличением роста – устремлённость ума к Богу. Ведь и в детские года она всерьёз предавалась молитвенным размышлениям, а после случайных и ранних успехов, она созрела и усовершенствовалась до такой опытности в возвышенном созерцании, что к возрасту двенадцати лет достигла той ступени молитвы, которая в мистическом богословии именуется «единительной» (в традиции, идущей от св. Дионисия Ареопагита, выделяются три этапа духовного возрастания: очищение, просвещение и единение. – прим. пер.). Сие открылось на допросе, о коем см. ниже в гл. XIV.

[149] Притом она усвоила себе два вида молитвы: во-первых, когда задействовав как тело, так и дух, она всем существом своим тишайше сосредотачивалась на беседовании с Богом; во-вторых, когда при ручном труде и внешних занятиях ум недвижимо устремляла к Богу. Первому [виду молитвы] она каждый белый день отводила (как упоминалось выше) не меньше двенадцати часов. Потом [молитва] стала у неё непрерывной и, насколько то возможно нам, смертным, совершенно не прерывалась, кроме как в те часы, когда она испытывала видения, о чём [будет рассказано] в следующей главе.

[150] Редкий то был и чрезвычайно удивительный дар у девы от десницы Всемогущего: спала ли Роза, бодрствовала ли, никогда и никак око ума её не упускало из виду присутствия небесного Жениха; пока она пряла, ткала, пока живописала иглою шёлковые цветы, пока беседовала с другими, пока ела, читала, была в пути, в храме, в саду, дома, снаружи, на улице, в келейке – всюду её внутреннему взору предстояло лицом к лицу (и словно в зеркале) достолюбезное оное Величество, Кому служат ангелы, Чьей красоте солнце и луна дивятся. И, что превыше всякого разумения и даже изумления, сие божественное присутствие задействовало все внутренние силы Розы без заметного отвлечения её от чувств, так что, пока она беседовала с Богом внутренне, внешне одновременно без помех обсуждала с домашними всякие прочие нужды; на вопросы отвечала своевременно, уместно, толково; в быту была проворна; распоряжалась относительно того, что предстояло исполнить, и исполняла распоряжения с лёгкостью и вниманием, присущим обычно тем, кто занимается исключительно внешними делами.

[151] Разумеется, тому предшествовал чрезвычайно сходный случай св. Катерины Сиенской, коей была дарована такая благодать, что она, изнемогши от шума кухонных работ, построила в глубочайшем убежище души оный преблаженный покой нерушимой тишины, куда не дерзали проникнуть никакие внешние бури. Так и Роза целиком вовне и целиком внутри, пока наружно занималась множеством обязанностей, одновременно в сокровеннейшей опочивальне сердца блаженствовала с Женихом. Посему казначеи дочери многократно наблюдали, что, когда Роза при шитье тянула иглу с ниткой вверх, казалось, вместе с рукою и дух возносила в экстазе, и на краткий миг задержав поднятую ладонь, возвращалась к работе, и игла не отклонялась от оставленного стежка.

[152] В довершение сего дара была ей дана иная, в равной мере чудесная [способность]: при молитве нелегко было привлечь её внимание явлениями, которые к ней самой не особо относились, словно бы именно их внешние чувства Розы отказывались воспринимать. Посему благочестивые дамы часто замечали за ней, что всякий раз, заняв в переполненном храме уголок в области главного алтаря (чтобы сосредоточеннее помолиться), она часами сидела неподвижно, уставив взор на алтарь, и ни проходящих мимо не видела, ни на неожиданный шум, раздававшийся рядом, не оглядывалась; более того, если казалось, будто что-нибудь угодит ей прямо в глаза, она не моргала, не смежала век, не отворачивалась – можно было подумать, что она слепа, хотя была самой настоящей орлицей, безотрывно взиравшей на Солнце своё.

[153] Отсюда и она скальная неподвижность хрупкого тела девичьего, в коей она пребывала, изливая молитвы, в храме, в Розариевом приделе, в домовой моленной: ибо в каком месте и положении она поначалу становилась на молитву, там же и находили её спустя целый день или даже после полутора суток без малейших смещений. Так, жена Гонсало как-то раз в четыре часа пополудни обнаружила, что Роза стоит на

коленях в том же углу, который заняла ровно в полдень, дабы предаться созерцанию. Так, в церквах, где или на сорокачасовое моление, или по другим поводам выставляли для поклонения Св. Тайны, Роза неподвижно пребывала на месте (заняв его с раннего утра), словно бы зачарованная, до вечера без еды, без движения. Так, когда Роза запиралась в домовой моленной казначея от утра среды и до субботы (иногда аж до воскресенья), она прежде всего просила донну Марию де Усатеги не вызывать её всё это время что бы ни случилось, даже если сама мать Розы придёт поговорить с дочерью. Будучи спрошена о причине [столь необычного пожелания], она искренне ответила, что всё это время остаётся неподвижна и не может подняться с полу на ноги даже для того, чтобы подойти и открыть дверь моленной, если кто вдруг постучится с порога.

[154] Ежедневно она выбирала три часа, каждый из которых утром, в полдень и вечером употребляла исключительно на благодарение Богу. В сии часы она с нежнейшим чувством воздавала Богу хвалы за каждое Его благодеяние, оказанное ей, дивилась Его благоволению к ней, преклонялась пред столь обильным и щедрым Его раздаянием даров, милостей, благодати, и, естественно, каждый день получала новые, которые самым тщательным образом с благодарностью зачитывала из записной книжки. Усвоила она также себе некий возвышеннейший, светозарный и пламенный род молитвы, при коем, перечисляя в уме достославные свойства Божии, каждому из них воздавала подобающее почитание. Однако, доверяя в сих вопросах более чужому, нежели собственному разумению, она пошла к благочестивому и учёному богослову из Общества Иисусова и настоятельно просила его собрать ей из Священного Писания в виде краткого изложения подлинный перечень божественных наречений. Он согласился и собрал кое-что, но деве по величию любви её сего показалось мало: связки она желала, а не пучка (аллюзия на Песн. 1:12). И вот от о. магистра бр. Хуана де Лоренсана она добилась куда более значительного пополнения [списка], и общее число [эпитетов] достигло ста пятидесяти. Она разделила их самым подобающим образом на пятнадцать десятков и к каждой десятке присовокупляла стих «Слава Отцу и т. д.». Позднее она утверждала, что сие молитвословие является ужасом для бесов, и уж она никогда не стала бы сего утверждать, если бы не удостоверилась на собственном опыте. В итоге почти каждый удар (systole atque diastole) сердца её возглашал сии свойства Божии, и так она в сем преуспела, что (как однажды сама скромно призналась) даже за рукодельем каждый раз, втыкая иглу, побуждала себя к новому восхвалению Бога.

[155] Более того, известно, что дева до того прилежала молитве, что обычные выражения, кои она использовала при других, в большинстве случаев были наделены силой молитвы, и всякий раз, как она давала ответ вопрошающим, в её обращённом к Богу уме одновременно возникал особенный смысл [этих слов]. Например, когда иные женщины, зайдя в сад, хвалили достигнутую весьма кропотливым трудом красоту насаждений, она отвечала: «Прелестный садик и славный; да прибавит Бог в нём цветов!» Однако прежде всего она имела в виду сад души, для которого вымаливала у Бога прибавления цветущих добродетелей; и таким изобретательным образом заключая в одно изречение двойной смысл, она с одной стороны удовлетворяла собеседницу, а с другой сама с Богом беседовала. Часто наблюдали, что из уст Розы не исходило ничего, что не было бы молитвой, причём [при разговорах] на самые разные темы, из коих едва ли какая избегала [преобразования] благодаря сему духовному и святому мастерству двусмысленности.

[156] Случилось так, что, возвращаясь однажды из церкви домой, она почувствовала себя дурно и, решив срочно приготовить себе тюрю из воды и хлебного крошева, отправилась искать, где бы позаимствовать горящую головню, чтобы разжечь очаг. На обратном пути она услышала пение птички, доносившееся из пристройки. Роза приостановилась, решив, что стоит немного послушать, как пернатое щебетом своим воспекает (как ей представлялось) хвалы Богу. Птичка продолжала щебетать, переменяла тональности прелестного голоса, удваивала трели; а Роза, со внезапным стыдом углубившись в себя, выбрала сама себя, молвив: «Как же это – неразумная эта зверушка поёт моему и своему Творцу хвалу, позабыв о пропитании, а я буду заниматься приготовлением себе пищи? Сущую малость Создатель природы даровал сей животинке, и вот – она от всего сердца (ср. Прем. 8:21), изо всех сил отплачивает ему данью хвалы; а я помышляю о пропитании и не забочусь о том, «что воздам Господу за все благодеяния Его ко мне!» (Пс. 115: 3) Затем, поглядев на головню, что держала в руке, увидела, что та совершенно погасла, и удивилась, что за столь короткое время, на какое она там приостановилась, головня успела постепенно целиком погаснуть. [Тогда она] подумала, что задержалась, внимая пению птички, не на половину четверти часа, а что, пожалуй, истёк целый час. Затем, снова погружившись в себя, начала Роза и сама славить Бога, да с таким пылом, что постепенно была восхищена в исступлении духа и не вернулась из него в спокойное состояние до вечера, притом что пение птички она слышала утром, примерно за три часа до полудня.

[157] Было бы странно, если бы Роза, с величайшим усердием убеждая в чём-либо других, сама себя к тому в равной степени не побуждала. Всё, к чему она увещала ближних, всё, на чём настаивала, было лишь одно – усердие в молитве. К упражнению и обучению в оной она среди прочих старалась привлечь и родного своего брата Фернандо, обещая, что труда [то потребует] ничтожного, а плоды [принесёт] превосходные да бесценные. Он же, ничуть не сомневаясь в плодах, думал всё же, что трудов и сложностей будет больше; а всё, что дева твердила о простоте всеспасительного подвига, считал сплошным преувеличением и простодушной женской болтовнёй. Однако же Роза не переставала учить брата, каким способом и образом посреди заурядных мирских занятий можно держать душу укоренённой в молитве. С таким же вниманием она все книги, которые, как становилось ей известно, исходя из большого опыта [авторов] рассуждали о молитве, она и сама читала, и другим с красноречивой убедительностью читать советовала. Среди них она особо выделяла учёный труд Луиса Гранадского (дост. 1504-1588 гг., один из трёх величайших мистиков Испании наряду со св. Терезой Авильской и св. Иоанном Креста. – прим. пер.) «О молитве и размышлении», кои Роза вновь и вновь беспрестанно изучала, разделив [для этого] неделю на дни и делая разными цветами пометки, в какой из них и что читать.

[158] С неменьшим усердием она всякий раз, посещая духовных отцов, увещевала их, просила, заклинала, чтобы они любыми убеждениями и ухищрениями направляли своих духовных чад к упражнениям в мысленной молитве; и они отмечали, что сие оказывалось великим лекарством, преуспешным противоядием от всяческих грехов, что с навыком молитвы очищается дух, исцеляются душевные раны, что с его помощью открывается хранилище благовоний Жениха и кладовая всяческих ароматов. Не довольствуясь и этим, Роза даже самих проповедников слова Божия чрезвычайно часто убеждала воспалять слушателей своих на молитвенное делание, в общепонятных словах приучать их к обычаю благоговейных размышлений и со всей силою убеждения, в полную мощь своего красноречия, наедине и принародно возвещать о пользе сего подвига, сладости, действительности.

[159] Особенно любо было Розе благоговейное моление на розарии Пречистой Девы (parthenic), но по тому чину и правилу, кое, согласно указанию Богородицы, предал миру св. отец Доминик, то есть с одновременным созерцанием при каждом десятке тайн нашего искупления. Она любила сей образ молитвы, потому что в нём сливались воедино мысленная и устная молитва, а каждой части [соответствовало] своё настроение, прошение, прославление, благодарение и т.д. Поэтому Роза носила, точно браслет, на запястье маленький розарийчик, сниженный из крохотных бусинок, и тайно перебирала зёрна его, повторяя Ангельское приветствие, даже когда оказывалась вовлечена в беседы и разговоры. Довольно многим сей пример вместе с горячими увещаниями Розы пошёл на пользу, ибо они основательнее приучились к частому славословию Божию.

[160] Даже более того, молитвенный пыл достигал у Розы такой мощи, что она сами неразумные растения, тупоумные деревья и бессловесные стволы чудесным образом склоняла к изъявлению хвалы, благоговения, поклонения Богу. Вот отчёт о неслыханном деле. В утреннем полумраке Роза, как обычно, возвращалась в свою отшельническую келейку. Как только она распахнула дверь в сад, так все увиденные издали деревья, кустики, травки призвала вместе с нею благословить Творца: «Благословите Господа, все произрастания на земле» (Дан. 3:76). И надо же! вдруг задвигались благозвучно и слаженно веточки, захлопали листья о листья, донёсся со стороны всех крон звучный шелест, заколыхались головки убогих былинок; даже стручки, соцветия, стебельки, гроздья, каждый на свой лад, неким образом воодушевившись, пришли в движение, умиротворённо нашёптывая псалмопевческую мелодию. И мало того: все насаждения разом склоняли свои ветви к земле, словно бы для того, чтобы поцеловать почву из благоговения к Создателю своему.

[161] Случилось так, что однажды утром некая благоверная особа сопровождала Розу, когда та направлялась к саду; и только они вошли, [сия дама] увидела, как деревья наперегонки склонились перед Розой в обычном своём приветствии, да так, что самые верхушки их касались земли и неспешно мели почву, словно бы в торжественнейшем обряде глубокого почтения. Спутница пришла в изумление, и прежде всего из-за того, что Розе это, по-видимому, оказалось не странно и не ново, ибо ей также стало ведомо, что сие знамение совершается довольно часто – из того, как Роза, не пытаясь скрыть оно и не в силах отрицать, переменила, однако, тему разговора: «Гляди, сколь достоин любви оный дивный Зиждитель мира; гляди, не подобает ли нам хвалить, чтить, молиться оному вечному Величеству, коему сии произрастания земные, грубые сучья, всякая зелень, как могут, шепчут песнопение хвалы, поклонами воздают дань почитания».

[162] [Ещё расскажу] о другом, весьма сходном [случае] и закончу [эту главу]. В год, который оказался для Розы последним, в течение всей Четырехдесятницы при заходе солнца подлетала [и располагалась] напротив Розиной опочивальни птичка – маленькая, но на диво голосистая и звонкая; и устроившись там в кроне ближайшего дерева, словно бы по данному ей знаку, разливалась пением. Роза, заметив эту свою ежевечернюю флейтистку, и сама подготовилась воспеть хвалы Богу. Посему, словно бы вручив птичке ноты, она поприветствовала её сочинёнными ею по такому случаю стихами примерно такого содержания:

Пташка, клювик свой открой,
Песню сладостно запой:

муках взывали к небесам, оба [получили] ответ свыше: «Довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи» (2 Кор. 12:9).

Перейдём непосредственно к теме. Дева взошла аж до ступени постоянного единения с Богом и тут же стала ежедневно претерпевать промежутки жесточайшего внутреннего (mentaliū) потемнения, которые не мимоходом, а сплошь и по многу часов повергали её в несчастье, так что часто она не знала, в геенне ли находится, либо в жутком заточении чистилища, то ли кто-то бросил её в сумрачную темницу. Во мгновение ока она оказывалась там, где не было никакого нежного памятования Божества, никакого вкуса божественного присутствия, никакого следа, тени, намёка хоть на малейшее утешение. То была пустыня мрака, изнеможения, отупения, царство смерти, ночь богооставленности, пещера запредельного несчастья, где и Бог был в отдалении от девы, и она отчуждена от самой себя.

[166] Когда над стенающей Розой тяготело чудовищное бремя тьмы, она была не в силах воодушевиться сверхъестественными предметами, хуже того, даже и естественными. Разум пытался уловить хоть малейшие искорки божественного, но всякий свет рассеивался; воля стремилась любить, но, словно заледенев, цепенела; память утруждалась представить уму образ хоть какой-нибудь из множества бывших милостей [Божиих] и не могла. На пике мучений она вспоминала, словно в тумане, что когда-то знала Бога и любила, но чувствовала, что теперь Его не знает и не любит, а различает Его вдаль, мельком, кое-как – словно кого-то незнакомого, отстранённого, чужого, постороннего, едва знакомого ей понаслышке. А самым невыносимым для неё было надолго отлучаться от общения с Возлюбленным. Тогда она пыталась разыскивать Его хотя бы по следам в творениях, но ни она, ни они не являли и намёка на те подобия, в коих обычно обнаруживается Творец. Между тем ужас и тоска яростно теснили её нутро. Измученное сердце вопияло: «Боже.., Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мф. 27:46, ср. Пс. 21:2) Однако в разорённой опустошением душе никто не отвечал, даже эхо. Она вновь старалась бороться, но весь жар любви изнемогал, всякая мысль притуплялась, все благоговейные чувства впадали в глубочайшую летаргию. Что было делать при сих мучениях деве, и внутри разорванной, и от Бога оторванной?

[167] Причём самое страшное в сих скорбях было то, что они являлись в таком облици, будто собираются длиться вечно, и никакого конца не предвещалось безмерным несчастьям, и нигде не было видно выхода из этого лабиринта; лазейка казалась перекрытой алмазной стеной – посему Роза в смятении не находила, где ей, горемычной, укрыться от сих адских мучений. Она пыталась извлечь препечальное утешение из той мысли, что сии терзания понемногу убьют её, ибо они казались так страшны, что хрупкое творение их выдержать не может, а должно полностью разрушиться, но тут же ей некстати приходила мысль о бессмертии её души, которую не убьёт никакая мощь мучений, не истребит никакая преисподняя. Между тем, она была близка к тому, чтобы начать беспорядочно голосить, умоляя о помощи, но подавляла бесплодные порывы, памятуя, что никто не может посодействовать в столь неизъяснимом бедствии и нет у неё подходящих слов, коими его можно было хоть кое-как описать ближним, да и не найти в целом свете врача, столь искусного, пронизательного и опытного, кто бы мог сию тягостную муку и размышлением понять, и душою постичь.

[168] Постоянно в течение оных пятнадцати лет по крайней мере раз в день погружалась Роза, страшась и трепеща, в сей мрак опустошённости и не менее целого часа, а иногда дольше, содрогалась от сих мук (agone); и никакая привычка отнюдь не

смягчала сих ужасов, а, скорее, наоборот, усиливала; ибо когда на следующий день дева впадала в ту же бездну (chaos), суровые страхи вновь возвращались под личиной жуткой вечности, и скованное ими сознание не давало скорбной деве вспомнить, что накануне она выбиралась оттуда. Посему опять душа её истаевала в бедствии (ср. Пс. 106:26), опять рассеивалась всякая утешительная надежда на избавление, опять пучина покрывала (ср. Исх. 15:5) полумёртвую Розу, и она, уже вся униженная шипами, а скорее, [сама как сплошной] шип цепенела на дне пропасти мучений. Однако же в иные дни [в сердце] страдалицы, словно бы сквозь щёлку, проникал тусклый отблеск крохотной надежды, и когда она хоть чуть-чуть замечала его, начинало казаться, что сия душевная пытка не будет бесконечна, а потому бедствия сии – скорее чистилищные, чем адские – можно выдержать. Тем не менее и тогда её свирепейше томило упорное отсутствие Жениха, удручало суровое изгнание в жесточайшую ссылку, прегорько сокрушалась о затяжном своём соломенном вдовстве, но все прочие горести превосходила та, что хоть тогда Роза пыталась и познавать, и любить, но не могла ни того ни другого; словно вслепую, на ощупь блуждал её смущённый ум и, лишённый света, натёкался [на препятствия]; дух сокрушённый (Пс. 50:19) искал, стучал (ср. Мф. 7:7), стонал – и не бывал услышан; сердце иссыхало (ср. Пс. 101:5) до дна, истаивала сила, и не касалось её никакое животворящее вдохновение, не чувствовалось ни малейшего веяния божественной любви.

[169] Наконец до того дошёл её ужас перед оными явлениями, таким острым он был, что Роза, хоть и будучи с нежного возраста бесстрашной перед лицом любых страданий, ревностно молила только об одном: пронести сию чашу горечи мимо неё, ибо она полностью превосходила её силы и была попросту нестерпима. Посему она просила Жениха, дабы Он лучше изволил вести её по обычным путям Своих избранных и более не позволял так любящей [Его] повергаться «в глубину бездны, где не на чем встать» (ср. Вулг. Пс. 68:3). Ведь поистине, если душе отделяться от тела тяжело, то от себя отрывать ещё тяжелее, а тяжелее всего – от Возлюбленного, испытав единение [с Ним] и нежнейшие объятия; ибо ведь, по свидетельству Августина, что душа для тела, то для любящей души – Бог, поэтому меньшая мука в том, чтобы отдалиться или оторваться от животворящего своего начала (animando), нежели от Любимого (amando). Тем не менее, Роза, узнав, что таково было благоволение Божие, мужественным и совершенно героическим духом прияла мучение со словами: «Не моя воля, но Твоя да будет» (Лк. 22:42). Итак, она постоянно готовилась к неизменно возвращавшейся каждый день пытке, никогда не будучи уверена, в какой страшный час ожидать оной.

[170] Так загадочны, странны, непостижимы были проявления и природа сих приступов опустошённости, что едва удалось в итоге найти [настолько] пронизательных и сведущих богословов, которые решились высказать об их причине (crasi) что-нибудь определённое. Поначалу Роза обращалась к разным духовникам, надеясь, что они знают целительное или облегчающее средство [от сей напасти] или хотя бы дадут ей совет, однако они не вполне понимали, что дева пытается сказать, да и умственные способности их были недостаточны, [чтобы проникнуть] в тайну, окутанную столькими странными покровами. Один отвечал, что [причиной оных состояний является] или помешательство, или недосыпание. Другой по неопытности относил их причину к призракам да видениям. Не было недостатка в тех, кто подозревал, что это вздор или даже бесовский обман да суетные устрашения. Более рассудительные толковали это как приступы меланхолии, сиречь разлития чёрной желчи, а [также искали причину] в том, что мозг, чрезвычайно измождённый голоданием и бдениями, оказывался беззащитен перед ужасным наплывом жутких

фантазий; что [виною] воспаление расстроенной селезёнки или недомогание, вызванное сгущением крови. А Роза, точно зная, что сие несчастье происходит не от тела, горевала всё тяжелее, не находя никого, кто либо недуг распознал бы, либо указал какую-нибудь путеводную звезду, чтобы выпутаться из столь опасного водоворота. Поэтому она оплакивала своё невежество, ибо по скудости своего бесплодного (как она думала) умишка да неискренности в речах не могла свою беду выразить в подобающих словах. Таким образом всю вину за невозможность излечиться она вменяла себе.

[171] Единственное оставалось у неё слабое утешение – то, что мать, как оказать помощь ей не могла, так и о сих ужасающих муках дочери была в полном неведении; иначе она обеспокоилась бы, [и Розе пришлось бы побеспокоиться], если бы она узнала. Однако и сие в итоге добавило деве новых терзаний, ибо когда родительница, несколько раз примечая по лицу дочери, что та в определённые часы на протяжении дня бледнеет, омрачается, дрожит и чуть ли не цепенеет в холодном поту, стала назойливо расспрашивать, что за внезапная болезнь с ней приключилась и почему она ею пренебрегает, и чем меньше страдавшая дочь была в силах говорить, тем настойчивее мать наседала на несчастную, приставала, заклинала, будто [правду] о внутренней пытке добывала иной пыткой. Девушка оправдывалась, что ей самой не вполне понятна причина своих душевных страданий, однако мать, заподозрив падучую (*sonticum morbum*) (прежде всего потому, что таково же было или суждение, или невежественное мнение нескольких духовников), позвала лекаря и вверила свою Розу, столь измученную со всех сторон, его бесполезному врачеванию. Невинная дева клятвенно заверяла, что впустую будут потрачены все эти деньги, труды, время, ибо недуг её лютует и властвует никак не в теле, а внутри, в духе; но её не слушали. Поэтому видя, что сопротивляться бессмысленно, а словам её веры нет, она смолкла и покорилась лечению, зная, что в нём не будет никакого толку. Ибо ведь для полноты такового несчастья ей не хватало только того, чтобы сверх всего её заставляли, словно повредившуюся умом, принимать рвотные пилюли и микстуры да переносить кровопускания.

[172] Позднее Роза, когда ей более откровенно приходилось рассказывать о сем своём горниле богооставленности, постаралась придумать уподобления, чтобы хоть как-то описать это состояние, но вскоре призналась, что лишь повторяет чужие слова (*se actum agere*). Она утверждала, что смешно это сравнивать с нашим вещественным огнём, поскольку он способен доставить только лишь так называемые чувственные мучения. Кажется, нечто подобное упоминал Августин, когда он обнаружил себя вдалеке от Бога «в этой стране, где всё от Тебя отпало» (Исп. VII 10. 16), нечто такое испытывал также царственный песнопевец в пс. 54, что он именовал смущением духа и бурей, или [это похоже на то], что Павел многозначительно называл «отлучением от Христа» (ср. Рим. 9:3). Но Роза ощущала нечто большее, чем выражается этими словами; она сообщала, что оные ужасы и жуткие образы доставляли ей такую скорбь, коей было достаточно, чтобы тысячи и тысячи раз исторгнуть ей сердце, жизнь, душу, и что ей никогда не хватило бы сил выдержать оно, если бы только длань Всемогущего чудом не удерживала её в жизни.

[173] Был некто, считавший, что Бог вёл деву по тернистым стезям св. Антония Великого, коего адские чудища преследовали жуткими образами. Однако то было борение, а не скорбь и не лишение сил. Есть мнение, что св. Катерина Сиенская когда-то переживала то же самое, что и Роза; и о бл. Генрихе Сузо его житие, как известно, сообщает это. Очевидно, в некоторой мере скорби, подобные этим, постигают тех, чья

чувствительная совесть страдает от глубочайших угрызений, когда душе кажется, будто небеса закрыты перед нею на запоры, Бог неприязненно отвернулся, ад разверз свой огромный зев, а [жить] осталось совсем чуть-чуть. Наконец, Розе с величайшей живостью, внушая мучительный ужас, представлялся суровый лик Христа на Вышнем суде, нахмуренный лик, самим бесам страшный, когда она помышляла, как Он вот-вот изречёт своё жуткое: «Уходите, проклятые» (ср. Мф. 25:41). Многоскорбной Розе казалось, что она видит это нахмуренное чело, слышит этот громopodobный глас, испытывает ужас, когда мучилась в часы своей богооставленности так, что после всех сравнений (впрочем, никогда не точных), не могла вымолвить ничего иного, кроме как: «Болезни ада окружили меня, сети смерти встретили меня» (Пс. 17:6 – пер. П. Юнгерова).

[174] Дважды от Розы требовали поведать о другой части сей драмы (scenae), то есть, как после такого рода мглы ей воссиявало светило; ведь невозможно, чтобы Жених оный нежнейший после столь жуткого и сумрачного затмения не ободрил и не укрепил замечательным образом душу, смиренную столькими скорбями. В ответ на это Роза предпочла бы либо промолчать, либо с помощью уловок и ухищрений перевести разговор на иную тему, но увидев, что уклониться не получится, прямодушно и искренне поведала (насколько ей позволял скудный запас подобающих слов [в человеческом языке]) о великих [делах] Божиих, выпавших ей на долю после прегорестных тягот: как в один миг она увидела себя вновь в единении, от коего отпала (или как ей казалось отпала); как внезапно почувствовала, что вся душа враз просветлела и воспламенилась. Впрочем, об этом более уместно рассказать в описании допроса, [к которому посвящена] следующая глава. Между тем, остаётся лишь удивляться игре вечной Премудрости (ср. Вульг. Прит. 8:30), Которая ради приумножения плода души избранных так умерщвляет и оживляет, низводит в преисподнюю и возводит (1 Цар. 2:6).

ГЛАВА XIII. СУРОВЫЙ ДОПРОС, УЧИНЁННЫЙ ДЕВЕ УЧЁНЫМИ МУЖАМИ, ОТНОСИТЕЛЬНО ЕЁ ДУХА И ВИДЕНИЙ

[175] Таинственное сияние благодати, что с детства Розу наставляло на правые пути (ср. Прем. 10.10), одновременно придало ей в дивном озарении уверенности в том, что влечение её было поистине божественным, а отнюдь не ложным, так что она не могла сомневаться в прямизне той стези, коей шла, хотя ей было ведомо, что она неторная, а редкие и блёклые следы на ней едва приметны. И хотя Роза не желала, чтобы увидели, чем она являлась (как бы ни была она уверена [в выборе пути]), однако по своей смиренной скромности не посмела отказаться от строгого, серьёзного и несколько раз повторявшегося допроса касательно её призвания и духа. Среди прочих мужей, коих благая судьба предназначила для сего утончённейшего исследования, особо выделялись доктор Хуан де Кастильо и о. магистр бр. Хуан де Лоренсана, обладавший полной властью над Розой вплоть до её смертного часа. Были и другие, но в качестве заместителей, а также те, что по крайней мере по случаю таинства исповеди изредка с большим вниманием исследовали тайники души её. <...>

[178] Итак, ближе к теме. На первый допрос в качестве почётных гостей были допущены мать Розы и донна Мария де Усатеги. В их присутствии доктор Кастильо на протяжении целых трёх часов, словно бы окружив деву облавой в её келейке, находившейся в домашнем саду, вскрывал различными вопросами недра её души и, усерднейшим образом исследовав, нашёл, что там всё здраво и невредимо. На первый вопрос, с каких пор она стала воспринимать небесные внушения (stimulos) и мирный

дух на молитве, Роза с величайшей простотою ответила, что времени не помнит, однако ей кажется, что с раннего детства весьма увлекалась молитовками и изо всех сил направляла ум к серьёзным размышлениям, так как ей в голову не могло прийти ничего более сладостного, чем говорить о Боге, думать о Боге, внимать вышним. Ей было не стыдно признаваться в этом в присутствии матери, коей слишком хорошо было известно, что она говорит правду. На вопрос очередного участника сего исследования, всегда ли она молилась с одинаковым душевным расположением, лёгкостью, собранностью и спокойствием безмятежного ума, она ответила, что примерно до двенадцатилетнего возраста в молитвенном состоянии время от времени испытывала различные затруднения, но краткие и небольшие, а большей частью она свободной и совершенно покойной душою устремлялась к Богу. Порой ещё ей приходилось побороться с немощью своего бренного тела, с сонливостью и отвлечениями, но впоследствии, по прошествии времени ей стало легче молиться, ибо она с самого начала в глубине своей чувствовала, что её душа со всеми своими чувствами (*potentiis*) так тянется к Богу, а разум, воля, память с неизреченной жадной (*gustu*) так прикованы изнутри к божественной красоте, что ни наплыв фантазий не был в силах её отвлечь, ни внешние чувственные впечатления не могли её оторвать от созерцания и восхищения прелюбезного Божества, присутствовавшего в её душе.

[179] Доктор строго спросил, не прилагала ли она каким-либо образом силы своего воображения, дабы прочие внутренние чувства так внимали благоуханию Божию; поддерживала ли она себя в сем сладостном возвышенном состоянии потугами, трудом, напряжением, [и если да, то] каким и сколь мощным? Роза отрицала, что с её стороны имел место труд, сила, потуги; [добавив, что] чувства сами подчинялись тяге, словно бы магнетической, и направлялись к своему полюсу со сладостью, одной лишь каплею коей можно было бы смягчить горечь бескрайнего океана и соделать его сладким; затем ей в сердце явственно нисходило тепло и жар столь отрадны, что изъяснить их невозможно; после чего сразу до глубины души её просветляло присутствие радостного, достолюбезного, милостивого Божества, каковое она тогда с уверенностью опознавала, и ничем иным она не смогла бы довольствоваться, кроме как опытной сей уверенностью, что внутри себя чувствует Бога.

Доктор спросил, не увлекалась ли она случайно чтением книг по мистическому богословию, кои могли либо обучить её способу и искусству сего внутреннего созерцания (*introversionis*), либо, по крайней мере, подробно изложить ей природу ононого, признаки, особенности, действие. Неимущая дева отрицала, что у неё имелось много таких книг и что она пользовалась ими, [добавив, что] для сего у неё вместо трактата был живой опыт и деятельность, а поэтому она глубинные ощущения души своей не может, как ни хотелось бы, надлежаще выразить, по грубости своей не зная даже названия (если таковое вообще имеется) сей непосредственно-созерцательной (*intuitivae*) молитвы.

[180] Тогда Кастильо, будучи самым сведущим в этой науке (*schola*), начал в более правильных выражениях разъяснять деве тайну сего священного искусства (*hieraticam*) возвышенного просветления, ибо ведь наставники аскетического делания называют сей род созерцания «МОЛИТВОЮ ЕДИНЕНИЯ», при коей уму представляется не [собственными силами] вызванное видение (*specie*), но внушённое свыше, и не обращается он к вещественным фантазиям, но, свободный от мысленных образов, оплодотворяется светозарной чистотою духовного свойства (*formae*); при этом Бог непосредственно и до самых глубин проникает и наполняет святилище души верного; при этом волевая часть души возжигается и осиявается пламенем, ниспадающим от

нетварной Любви, а в чувствилище воли возникает счастливое предвкушение небесного блаженства (beatae fruitionis). Он добавил ещё множество изречений из [трактатов по] мистическому богословию о простоте сердца, о блистании очищенной мысли, о наготе чувств, о покорной отрешённости, о погружении в тайны, об исполнении ароматом небесного созерцания всех поступков, о бездне света, об источнике жизни, об иных предметах, понимание коих Розе и по душе было сверх меры, и полезно на дальнейшее, дабы, усвоив сей запас слов, она могла яснее себя понимать и вразумительнее объяснять своим духовникам.

[181] Доктор продолжил и, возвратившись к пути очищения, стал усердно расспрашивать деву, как долго, какими способами, с каковым трудом пришлось ей сражаться против дурных склонностей души, против защищённых латами пороков, против недугов неукротённых и необузданных страстей. Она ответила, что едва помнит что-либо подобное таковой борьбе, что с младенчества по великой милости Божией она чувствовала в себе лёгкость и в высшей степени естественную склонность к добродетели без какого-либо восстания страстей; что как только она узнала о Боге, исполнилась страха и ужаса перед грехом, и если [в ней] пыталось восстать против разума какое-нибудь безрассудное чувство, то тут же благодаря ощущению божественного присутствия без борьбы и исчезало. Задан был ей вопрос, какую утеху она получала от сотворённых вещей, случалось ли ей немного дать отдых душе, утомлённой трудом созерцания, или какое-то время развлечься? Она ответила, что ничто тварное не могло доставить ей утешения и одна-единственная её отрада состояла в том, что она с полной уверенностью ощущала в своей душе присутствие Божие, а если хоть на миг Он пропадал у неё из виду, то это казалось ей больнее всякого наказания, страшнее всякой геенны. Поскольку до сей ступени восходят не иначе как чрез терния и волчцы, доктор спросил, не претерпела ли она по крайней мере от кого-нибудь притеснений и горестей? Дева кивнула, но из почтения к присутствовавшей там матери не стала углубляться в подробности, а довольствовалась обобщённым упоминанием того, что за бытовые чудачества переносила от домашних различные неприятности, нападки, преследования.

[182] Однако воспользовавшись случаем, она от сих [разговоров о возвышенном] спешно перешла к тем ужасным видениям, о которых шла речь в предыдущей главе, и горячо молила доктора, чтобы он учёным образом разъяснил ей сущность, источник, исход (naturam, originem, critica) сей пытки богооставленностью и дал ей подобающее толкование. Кастильо не отказался высказать своё мнение, молвив: «Когда в сем помрачении тебе кажется, что ты можешь надеяться на выход из него и окончание, знай, что ты вкусила от мучительнейшего томления душ, скорбящих в темнице чистилища; но когда ты не видишь ни малейшего проблеска надежды, и неким испарением вечности полнится ужасная мгла, то это самый доподлинный прообраз ада. Сими муками душа научается самопознанию, в чередовании света и тьмы на опыте своего ничтожества постигая, что исходит от неё самой, что – от Бога, а что находится меж тем и этим. Сим претягостным бременем, словно бы противовесом, дух удерживается в должном равновесии, дабы не превознёсся от даров Всевышнего. Сии затмения учат ценить счастье и совершенно безвозмездную почесть близости к Богу, обновляют дар страха. В сем горниле испытывается золото (ср. Прит. 27:21), просветляется милость, многомогущая любовь облекается бронёю отважной добродетели, навывая искать не столько утех Божиих, сколько Бога».

«Помню, – сказал ещё он, – я читал о некоторых отличающихся чрезвычайной святостью друзьях Божиих (коих имена записаны в святцах) то же самое, что ты

вспоминаешь о себе, и немало было среди них тех, что умоляли Господа, дабы изволил Он наконец избавить их от сей пытки жестоким страхом, будучи готовы подвергнуться какому угодно другому виду кар».

В конце концов стоит посмотреть на Давида, как он стенал: «Говорили мне всякий день: «где Бог твой?» (Пс. 41:4). Душа моя – как одинокая птица на кровле (ср. Пс. 123:7 и 101:8); был ничтожен и не понимал (Пс. 72:22. – пер. П. Юнгера) и т.д.»

[183] Объяснив вкратце сие, доктор в свою очередь спросил деву о том, что с нею бывало после оных адских потемнений и ужасов. Тут Роза, в ужасе, словно наступив на змею, подпрыгнула, побледнела, смолкла, прекрасно понимая, что если ей придётся отвечать, то будет это трудно как из-за величия предмета, так и из-за скудости слов (*regum copia, & verborum inopia*). Между тем доктор понуждал её ответить, настоятельно спрашивал дважды, трижды и ничего не добился. Наконец, сурово нахмурившись, молвил: «Послушай-ка, Роза, теперь неуместно отпираться и молчать; дело-то тебя касается: если ты на допросе что-нибудь скроешь, если что утаишь, ты, считай, отреклась от благодеяния Божия, ведь если ты не расскажешь мне обо всём, чего я требую, и если мы друг друга не поймём в достаточной мере, то и таинственного смысла образов (кои я частично растолковал, частично собираюсь растолковать) не усвоишь вполне». Смиренная Роза, всё лицо коей от страха и стыдливости зажглось застенчивым румянцем, повиновалась и, предварительно попросив извинить её, коли нечаянно и по неучёности у неё вырвется что-нибудь невразумительное, начала так: «Когда я думаю, что погрузилась в самую пучину беспросветной богооставленности, и о том скорблю, Жених внезапно, словно бы подхватив на руки, внезапно возвращает меня к полудню того самого прежнего единения, будто я никогда и не отпадала от него. Я чувствую неутолимые порывы преизобильной любви, подобно тому как стремительные протоки, прорвав плотины, уже не струятся, а обрушиваются и катятся водопадом; потом тихий благодатный ветер с юга веет, и льются ароматы (ср. Песн. 4:16); душа погружается в безмерное море божественной благодати и, оторвавшись от самой себя в неизъяснимом превращении, преображается в Возлюбленного, становясь единою с Ним».

[184] Получив повеление говорить далее, она снова была охвачена стыдом, покраснела, заколебалась, однако подчинилась и наряду с рассказом о сих милостях теснейшего единения поведала, что ей виделось, как недвижимо она укоренена в Боге, как надёжна Его дружба с нею, как укреплена она в благодати; что чувствовала она некий неизъяснимый дар, основательный, нерушимый, наделявший её безгрешностью, подобно тому, кто с верою молвил: «Кто отлучит нас от любви Божией? ...Я уверен, что ни смерть... (Рим. 8:35, 38) и т.д.» Однако дева тут же заявила, что никогда не смела рассказывать сего никому из смертных, да и ныне не собиралась говорить, не принуждай её к тому строгие правила настоящего допроса, и если она вдруг допустила ошибочные выражения в своей речи, кою только необходимость вынудила её произнести, то смиренно просит взыскательной поправки. Доктор одобрил искреннюю простоту послушливой Розы и посоветовал не волноваться, ибо доселе она ни в чём не ошиблась, а продолжать рассказ об остальном. Роза продолжила и сказала смиренным да прерывистым голосом, что после оных ужасных потемнений ей воочию являлся Христос в человеческом облике: то взрослое Его лицо, то младенческое или детское – ласковое, прекрасное, приветливое; довольно часто [являлась] и Дева-Матерь – милая, любезная, нежно дружественная. На вопрос о способе проявления и свойстве видений – образные они были или умственные, продолжительные или мгновенные, лицом к лицу или опосредованно (*oblique per transpirationes*) - она ответила, что хотя пока ей неизвестны правильные оные названия различных видений, но прославленный

человеческий образ Христа словно бы прошёлся перед нею близко и ярко, подобно тому, как какая-нибудь блистающая звезда неспешным ходом пересекает небо, однако она видела его не во весь рост, а только лицо и по грудь. Ну а Владычицу Богородицу она достаивалась лицезреть немного больше.

[185] «Итак, – добавил Кастильо, – то были образные видения». И попросил затем деву, в каком же виде воспринимала она Божественное присутствие? Тут Роза затруднилась, пытаясь подобрать сообразные слова, но в итоге, прибегая исключительно к понятиям, выражающим удалённость, превосходство, причинность, кое-как объяснилась, сообщив, что то был свет без образа, меры, предела, отчего ей со своей стороны понятно, что видение то было совершенно умственное, непостижимое и всепостигающее, тонкое, неизменное, чистейшее, предельно сложное и предельно единое, предельно далёкое и предельно близкое, внутреннее и окружающее, благородное, возвышенное, совершенно не сравнимое ни с чем из творений даже в малейшей степени; то было нечто, что душа могла бы уловить, скорее, по удивительным и непосредственным воздействиям неких жизненных истечений, нежели в самой сущности. Но каковы же были сии воздействия? «Нежность, – молвила она, – могучей радости, превосходящей всякую вообразимую радость, познание родства (filiationis) с Богом, внутреннее обновление ветхой природы в самой основе (essentia) души, исполнение сокровенного желания, жизнь и ясность всех чувствований, стойкая, святая, великолепная и, в конце концов, во всех отношениях неизъяснимая».

[186] Доктору показалось достаточно сего (чего он с величайшим усердием старался узнать), ибо ему отлично было известно, что на тему единения, дабы больше было сказано, нужно поменьше говорить. Поэтому он благоразумно перевёл разговор к более простым предметам и стал расспрашивать о подвигах усмирения плоти и покаяния. Роза, думавшая, что не проявила совершенно никаких значительных и необыкновенных свершений сего рода, в отсутствие матери немного вскользь поведала о своих постах, власяницах, самобичеваниях и прочих суровостях и добавила, что вид и меру им устанавливала не по собственному усмотрению, но по суждению духовников. Наконец, после многих всесторонних обсуждений и тщательных расспросов о её недоверии к себе, о ревности к вере, о крепости надежды, о вдохновениях, доктор заключил, что при том непорочном и здоровом пути, коим шествовала дева, нет никакой возможности для обмана со стороны лукавых бесов, а такие чувствования, воздействия, светозарные явления (lumina) никак не могут быть от прелести или князя тьмы. Он потом много раз с верою приходил к деве не столько для того, чтобы допросить, но дабы почтить её, всякий раз находя что-нибудь новое, чему стоило подивиться и восхититься.

<...>

ГЛАВА XIV. ДИВНОЕ ОБЩЕНИЕ СЕЙ ДЕВЫ С ХРИСТОМ, БОГОРОДИЦЕЙ И СВ. КАТЕРИНОЙ СИЕНСКОЙ

[190] Душе, коей горьки земные [явления] и сладостны небесные, они сами дают о себе знать. Сие и случилось с Розой, всё жителство коей было на небесах (Флп. 3:20). Когда она однажды читала духовные книги и тщательно выбирала главы, наиболее подходящие к её нынешнему состоянию и обстоятельствам, то задержалась немного на строчках, в коих часто встречалось сладчайшее имя Иисуса, ибо от каждой их буквы она ощущала в сердце словно бы остроконечные огоньки и уколы любви. Мало того: сам

маленький Иисусик, ростом едва выше пальца, часто являлся любящей Розе на поверхности этой странички; сей крохотный и беззащитный Источник любви [сначала] стоял, а потом расхаживал лёгким шагом, лаская при этом деву весёленьким, нежным, любезным взором и показывая [своим видом], что Он и есть Слово, всячески достойное внимательного со стороны Розы чтения, [То,] в Котором все сокровища ведения и премудрости Божией (ср. Кол. 3:2).

[191] Ещё больше теплоты в общении проявилось при следующем случае. Когда Роза была занята вышивкой, вдруг снова [увидела] возлюбленного Иисусика – Он по-детски и совершенно безмолвно восседал на швейной подушечке и оттуда молчаливыми знаками обращался к сердцу возлюбленной: улыбался ей, протягивал к ней короткие ручки, словно бы предлагая обняться, постоянно обжигал её взглядом сверкающих глазок и всяким телодвижением, поворотом, наклоном выражал любовь. Кто угодно может представить, каковое чувство радости испытывала швея при сих утешениях, я же более дивлюсь тому, что Розины глаза тогда ещё сохранили способность видеть нить, иглу, ткань. И видела же! Ведь сии дары благодати так нежно касались её, что [не только] не отвлекали её внимание от внешнего дела полностью, но [даже] частично не отлучали. Сии отрадные встречи с Иисусиком-Женихом выпадали ей часто, долее того, есть доказательство того, что они были ежедневны, ибо, если Он порой задерживался и не являлся, как обычно, Роза жалостными и кроткими словами, как бы сама с собою смущённо беседуя, причитала так: «Пришла пора, а Он всё не торопится? Пробыло двенадцать, а Он всё не здесь? Несчастливая я, как мне Его нынче не хватает! О блаженна душа, что ныне разделяет Его общество!»

Поскольку же любовь научает поэзии, Роза равномерно уложила сии жалобы в обычные стихотворные размеры, [составив песнь] примерно такого содержания:

Горе мне! Кто Любимого спрятал? Скучаю:
Час двенадцатый уж – Он нейдёт.
Мочи нет, в глазах мрак, сердце стынет,
Пока медлит Он, где-то вдали.

[192] Случилось так, что Роза занемогла болезнью гортани, и вот является деве, уже в полный рост, оный Возлюбленный (чья гортань – пресладостна, как вещает 5-я глава Песни песней (ср. Вульг. Песн. 5:16)) и предлагает сыграть, а какой кому достанется выигрыш, пускай решает победитель. Тут же бросают кости, деве везёт, она выигрывает, побеждает и немедля спрашивает о выигрыше (fructum), вспомнив вдруг, как Невеста в Песни песней молвила: «Плоды (fructus) её сладки для гортани моей» (Песн. 2:3). Короче говоря, недужная просит смягчить боль в своём горле – и обретает просимое. Однако божественный Сотоварищ (Collusor) вернулся, (словно бы не стерпев поражения) возобновил игру и, благодаря более удачному броску, вышел победителем. Наградой за победу стало терпение Розы: боли внезапно усилились, и всю ту ночь она провела без сна. Но дева даже не знала, первая или вторая игра принесла ей больше выгоды, ибо она куда горячее была за Жениха, чем за себя саму, и равно радостно было и побеждённой оказаться, и победить той, что дивилась вечной Премудрости, Которая, играя на земном кругу, вещала, что отрада её с сынами человеческими (ср. Вульг. Прит. 8:31).

Мать, заметив, что дочь опять слегла с прежними болями, причём ещё горше, заподозрила неладное и испугалась. Но благоразумная дочь, дабы изгнать страх, ласково и скромно открыла ей тайну, мол, это просто игра Жениха, а пока она в

смирнейших словах рассказ рассказывала сию историю, показалось, что лицо её (как некогда у Стефана (Деян. 6:15)) на какое-то время озарилось совершенно ангельским сиянием.

[193] В другой раз, когда Роза задержалась в уединённой садовой келейке и просидела там почти до полуночи, внезапная истома овладела усталой девушкой, и силы оставили её. Она надеялась, что слабость эта временна, но она длилась свыше обыкновения. Несчастливая ясно чувствовала нарастание неясной болезни, но была уже поздняя ночь, когда и лекаря не хотелось звать, и кого из домашних неловко было посылать за помощью. Она вспомнила, какая ей нужна пилюля или микстура, чтобы хоть как-то помочь желудку и восстановить силы, но была суббота, а наутро она собиралась идти ко святому причастию, и нужно было соблюдать пост, если уже перевалило за полночь. Что бы она ни сделала, ей предстояло либо лишиться сил, либо, приняв какое-либо лекарство, создать себе помеху, не позволяющую ей на следующий день вкусить Св. Тайн. Как ей было не попасть из огня да в полымя? С детским доверием прибегла Роза к небесному Жениху, споспешествующему в трудных обстоятельствах; Его-то врачеванию она и вверяется, просит укрепляющего средства, получает его, причём не откуда-нибудь, а из источника драгоценного мирра (*myrothescio*) – раненого бока, из коего некогда жадно пила св. Катерина Сиенская. Благоговейно припав к сему нектару крови и млеку воды не устами, но сердцем, дева тут же обрела лекарство от немощи своей, тут же вкусила животворящей влаги. Притом действительность оного подтвердило, что сие видение было не пустым и тщетным, ибо Роза вскоре поправилась, к её хрупкому телу вернулись силы, живость, бодрость; так что на следующий день она отправилась в храм, вкусила хлеба ангелов и вернулась домой насытившись, полная сил, здоровая; вполне убедившись на опыте, что перси Жениха лучше вина и благовония мира Его лучше всех аромат (ср. Песн. 1:1-2. – пер. П. Юнгерова). Поистине Роза удостоилась великой чести стать не только дочерью и ученицей Сиенской матери и наставницы, но и молочной сестрою. Впрочем, перейдём к другим случаям.

[194] Будучи в гостях у некоей знатной женщины, Роза после святого собеседования попросила разрешения отойти ненадолго, чтобы помолиться. Дама из уважения к уходящей, отправила проводить её семилетнюю девочку – дочь кого-то из домашней прислуги. Она, когда Роза погрузилась в созерцательную молитву, оставила её и тайком ускользнула к своей матери, работавшей в соседнем помещении; затем по прошествии часа прокралась обратно, чтобы посмотреть, не встала ли Роза с молитвы. И вот, она увидела подле девы младенца Иисуса, весьма нарядно облачённого в узорчатые одеяния лазоревого и алого цвета, и, как узрела она Его, окутанного блистающим сиянием и сверкающего во все стороны лучами, не посмела вмешаться в разговор, но остановилась поодаль, довольная тем, что позволено было ей присутствовать при столь сладостном зрелище, тайны коего она тогда по малости лет не понимала, да и [позднее] не сообщала о сем событии, пока Роза не преставилась от мира живых. То же самое случилось в доме донны Исабели Мехия, что видела и поведала дочь Исабели; а именно, что Роза прохаживалась в глубине самых отдалённых галерей дома, а с нею – Иисус в облике восьмилетнего мальчика, однако ж одетый светом, как ризою (ср. Пс. 103:2). Они гуляли вдвоём, держась за руки; походка их и жесты выражали нежную взаимную любовь; они вели претайные обоюдные разговоры; безотрывно смотрели друг другу в лицо, словно бы позабыв или не заботясь обо всём прочем. Однако проступь Мальчика была спокойнее (*gravior*), чем обычно свойственно детям; в Нём чувствовалось величие, и куда бы Он ни ступил ногой, пол внезапно озарялся светом.

[195] Ревность, будучи провозвестником и одновременно соглядатаем любви (так что даже самого небесного Жениха побуждает к заботам), не терпит соперников, пускай даже то будет малый цветик.

Роза цвела именем и деяниями, ведь чтобы в любую пору года у алтарей не было недостатка в цветах, с величайшим усердием их доставляла, выделив для этой цели цветники, в которых насадила только базилик (который многие называют «осимо»). За ним она ухаживала, пожалуй, прилежнее, ведь благодаря своему аромату и царственному имени он наилучшим образом подходил в качестве приношения Царю вечности, бессмертному и незримому. Растение откликалось на труды садовницы и чем обильнее произрастало, тем более доставляло отрады. Однако, поскольку недолговременна радость от цветов, однажды утром Роза обнаружила, что базилик её не просто засох и увял, но вырван с корнями и мёртв. Роза оплакала тельца умерших и пошла прочь, но по дороге ей встретился Христос зримым образом и ласково обратился к деде, молвив: «О чём горюешь? Разве Я, «Цветок полевой» (Песн. 2:1. – пер. П. Юнгера), не дороже тебе любого базилика да и всего многоцветия райского? И дабы знала ты, что Я твой базилик, тот другой Я своими руками искоренил, смял, выбросил. Ты сама цветок, и цветок люб тебе? Так вот он Я!» Уразумела Роза, что аж до ревности любит (ср. Иак. 4:5) её Жених, и ради большей полноты столь великой благодати с лёгкостью пожертвовала остатками своих цветов. И дабы вполне поверили сему, Христос, явившись в известном экстатическом видении некоей женщине выдающегося благочестия, возвестил, что носит Розу в самой глубине Своего Божественного Сердца с тех пор, как узнал, что в свою очередь является единственным пребезмятежным обитателем в её девичьем сердечке.

[196] Притом сколь благостными, радостными, частыми явлениями удостаивала Розу свою августейшая Императрица небесная, можно заключить из того, что дева с двенадцатилетнего возраста и до самой кончины никогда не была лишена сего драгоценного утешения от постоянной близости [Богоматери]. Розариевый придел [храма] Пресвятой Девы стал для неё почти что вторым домом, где она проводила все дни, где получила хабит своего Ордена, где с Иисусиком обручилась, и не могла она отлучиться от сей обители. Там она благоговейно предавалась заботе об украшении алтаря, там со всем тщанием занималась благоустройством (oecopotiam), там благодаря ревностному своему служению она ежедневно удостаивалась общения с Богородицей и обоюдной с Нею беседы. А Царица ангелов в свою очередь тем почтила служительницу Свою, что почти подобно горничной оказала ей услугу, разбудив деву утром. Повод к столь дивному знаку благоволения был таков: с давней поры Розу на целый ряд ночей покинул необходимый сон, так что, если бы она отвергла лекарство, её здоровье стало бы вызывать немалые опасения. Посему потребовалось повеление духовников, коим они предписали деде вкушать по вечерам латук (сушёный сок этого растения – «латукарий» – использовался как снотворное. – прим. пер.) и снотворные семена; затем они установили временную продолжительность сна и время утреннего подъёма.

[197] Болящая старалась повиноваться, но не повиновался сон, одолеваемый привычкой к поздним бдением, и то [неожиданно] подступал, то уходил. Особенно по утрам, когда приходило время вставать, снотворные средства начинали в некоторой мере действовать, и чрезвычайно цепкий сон овладевал мозгом. Роза мучилась острыми угрызениями совести, оттого что не могла подняться точно в предписанный час, чего паче всего желала. Итак, пожаловалась она на тяготы и мучения свои

Богородице, словно бы истинной Утренней звезде, и попросила о помощи. Она помогла; более того – пришла: ибо с той поры, когда приходил час подъёма, минута в минуту воочию являлась Богоматерь и медовым голосом обращалась к спящей Розе: «Вставай на молитву, дочь, пора!» Пробуждённая таким кротким образом, Роза видела вблизи и (как признавалась потом) лицом к лицу оную благодатную Звезду славы, оный лик, преисполненный благородной величественности, оный рай славы и красоты, узнавала Её голос, склонялась пред Нею, молча сама с собою рассуждая: «Откуда это мне, что пришла Матерь Господа моего ко мне?» (Лк. 1:43) О чудесный будильный звоночек!

[198] Однажды получилось так, что при приходе Владычицы Роза глубоко почивала: она только что заснула, а до того ей удавалось задремать лишь самую малость. Разбуженная дева ответила: «Встаю, Владычица, сейчас встану...», присела на постели, но бремя сна перевесило, и с потемневшими очами несчастна упала назад на изголовье. Августейшая Будительница подошла снова и (что прежде было Ей не свойственно), протянув белоснежную руку, толкнула спящую в бок, по-родственному нежнейшим (*familiarissimo*) прикосновением пошевелила откинувшееся навзничь тельце и повторила: «Вставай, доченька, не ленись; ты же просила Меня и, вот, Я зову тебя на молитвенное правило. Вставай, – молвила Она, – доченька Моя, вставай; уже пробило [положенный] час!» Много милее было Розе, когда таковая Мать назвала её доченькой, чем зваться Розой. Ушёл от сего милого обращения сон, но тут же отошла и нежнейшая Будительница, ибо едва Роза раскрыла тяжёлые веки, так увидела и узнала Богородицу, но со спины, ведь Она уже тихим шагом уходила, словно исполнив дружескую услугу. Ох, стоило лишь самую малость уступить сну, и от этого вышла такая утрата! Как горевала Роза, что в тот раз лишилась [возможности увидеть] материнское лицо из-за своего промедления! Милости Эмпирея ненавязчивы (*delicati*), и коли их проворно не схватишь, ускользают.

[199] С тех пор, как однажды Христос (как стало позднее известно) послал с небес к Розе Катерину Сиенскую и дал ей её в наставницы, та часто видимым образом встречалась с дорогой своей ученицей на земле, особенно когда дева занималась чтением устава Серафической наставницы, который по настоятельным просьбам ей в итоге передали из Куско (а доставил бр. Хуан Мигель, светский член Орд. Проповедников). Обоюдные беседы сих двух дев были столь дружественны и обстоятельны (*crebra*), что как у Моисея после долгого разговора с Богом на горе, на лице [Розы] долго сохранялись следы сияния; казалось, что таким образом сияние перешло на лик Розы от лика бл. Катерины, на которую она почти что стала похожа некоторыми внешними чертами. Посему жители Лимы в быту величали Розу второй Катериной Сиенской, особенно после кончины, ибо когда Роза покоилась на погребальных носилках, всем удалось яснее рассмотреть её лицо. О прочих же дивных отрадах, милостях, услугах, коими сия Серафическая наставница тешила Розу свою, будет подробнее и обстоятельнее рассказано ниже в подобающем месте.

ГЛАВА XV. ОБЩЕНИЕ С АНГЕЛАМИ-ХРАНИТЕЛЯМИ И РАЗНООБРАЗНЫЕ СРАЖЕНИЯ С БЕСАМИ

[200] Святых ангелов Бернард (Клервоский. – прим. пер.) считал воистину сердцем Божиим, о чём писал в слове 12 на псалом «Живущий под кровом Всевышнего» (Пс. 90), когда отнёс слова «Обращаешь к нему сердце Своё» (Вульг. Иов. 7:17) из 7-й главы книги Иова к ангелам, посылаемым хранить людей. Для Розы ангел ей был не только хранителем, но и закадычным другом, более того: поверенным, наперсником, постоянным собеседником, дабы даже из этого она поняла, как нежно Христос обратил

к ней сердце Своё. Впоследствии у девы с ангелом сложились такие доверительные отношения и тесная дружба, что она его обычно посылала вестником всякий раз, когда Жених не являлся в привычный час. Тогда она с ещё большим доверием обращалась к ангелу с составленным на своём языке стихотворением примерно следующего содержания:

Лети, эфеб небесный, Создателю скажи,
Что умереть готова я и жизнь мне уж не в жизнь.
Почему Он длит разлуку, когда Роза терпит муку,
Как можно скорей разузнай.
Попроси, пусть поспешит, небеса наклонит,
Ко мне снизойдёт, свет лица прольёт,
Ибо я от любви изнемогаю.

[201] Когда однажды ночью двери ворота сада закрылись, а Роза, как обычно, осталась бодрствовать в своей тесной отшельнической келейке, она почувствовала, что внезапно лишилась сил, до того, что испугалась глубокого обморока. Поэтому она решила вернуться домой к матери, посоветовавшись предварительно с опекающим её ангелом. Мать (которая ключ от сада постоянно держала при себе), заметив на лице дочери признаки надвигающейся потери сознания, без промедления выхватила из кошелька два гроша и приказала служанке быстро сбегать в ближайшую аптечную лавку и купить сахару, угля да индейской пасты, что туземцы называют «шоколадом», как имя, так и польза коего уже достаточно известны европейцам: ибо, если растворить его в тёплой воде с третью сахару, он оказывает укрепляющее действие одновременно на желудок и на сердце.

[202] Дочь всеми силами просила мать не входить в такие траты из-за неё, уверяя, что в шоколаде у неё не будет недостатка. Мать возразила: «Ты думаешь, во всём этом доме сыщется хоть крупица шоколаду?!» Роза ответила отрицательно, но добавила, что его вскоре доставят из казначеева дома. Родительница взревела, молвив: «Ты или врёшь, или бредишь! Кто это пришлёт тебе горячего шоколада в такой поздний час?! Да и откуда в казначеевом доме, что так далеко отсюда, могут узнать, что тебе из-за неожиданной немочи потребовалось такое лекарство? Ты была заперта в саду и не могла никого туда послать, да и из одного дома не приходил никто, кто мог бы сообщить казначею о твоей нужде. Так что ступай, служанка, исполний что приказано!» Роза снова преградила путь с мольбою, твёрдо заверяя, что слуга казначея вот-вот прибудет с приготовленным лекарством. Так и произошло: ибо пока мать ещё препиралась с дочерью, в дверь постучали. То был казначеев слуга – он просил пустить его, чтобы он мог передать Розе то, что он доставил от казначеевой супруги. То был серебряный кувшин, полный горячего шоколада. Родительница остолбенела, но Роза тотчас же, отпуская слугу, велела ему поведать своей госпоже, что она вовремя пришла на выручку.

[203] Теперь уж мать, смущённая труднопостижимым знамением, стала расспрашивать, что подвигло жену Гонсало в столь поздний ночной час послать из дома слугу, кто и оной госпоже возвестил о том, что деве дурно, и Розе – о том, что слуга послан и наверняка придёт. В конце концов, ссылаясь на высший обет послушания, она обязала дочь признаться, откуда той стало известно, что в таковой час ей из казначеева дома доставят шоколад. Дочь, улыбаясь, ответила: «Не удивляйся, милая матушка, ибо часто такого рода услуги мне изволят оказывать мой ангел-хранитель. Давеча, когда стала у себя в келейке терять сознание, то послала ангела,

который сообщил донне Марии де Усатеги, что мне во вспомоществование потребно то, что ты видишь. Он взялся исполнить моё поручение, и я была уверена, что он справится. В таком уповании я покинула келейку, пришла к тебе сюда и присела, чтобы дожидаться здесь казначеева слуги и разделить с родительницей подарок». Удивилась мать быстрому да скорому услужению ангела, но ещё более тому, что дочь, как видно, была не удивлена, давно привыкнув, что случается сие запросто и часто.

[204] В другой раз она в той же садовой келейке ожидала после полуночи, когда её по обыкновению позовут в дом ночевать, ибо около часа, предшествующего полуночи, мать обычно спускалась отпереть калитку сада, чтобы дочь, выйдя оттуда, могла вернуться к себе в комнату. Однако в тот раз мать то ли подумала, что уже вывела дочь из сада, то ли кто-то отвлек её, и она меньше уделила этому внимания и поэтому забыла выйти в урочное время в сад и отворить деве. И вот, она, поняв, что ожидает впустую, задумалась, что делать, и тем временем через окошко увидела невдалеке белоснежную тень благовидной наружности, двигавшуюся с изящной живостью, – она поманила деву следовать за собою по направлению к дому. С помощью внутренней способности суждения, которой научилась от святой Катерины Сиенской, Роза легко узнала скрывавшегося под видом тени ангела-хранителя, а потому уверенно пустилась с нею в путь. Они вдвоём дошли до садовых ворот, которые от прикосновения тени сразу сами открылись без ключа. Наконец пред комнатой родительницы тeneвидный оный провожатый оставил следовавшую за ним Розу и исчез. Возможно о сей тени просил [псалмопевец], моля: «Храни меня, как зеницу ока; в тени крыл Твоих укрой меня» (Пс. 16:8); и я не удивлялся бы тому, что ангелы света принимают облик тени, дабы совершить службу.

[205] Относительно служения ангелов-хранителей следует привести здесь следующую историю, из которой, вероятно, будет видно, что послушен её повелениям был не только её собственный, но и чужие служающие ангелы. Некий инок, коему предстояло сопровождать церковного прелата в трудном и дальнем пути, открыл деве свою нужду, прося молитвенной поддержки для отвращения опасностей. Роза пообещала [молиться за него], ибо была она на диво щедра и отзывчива в помоществовании ближним, и усердно вверила его ангелу-хранителю. Инок отправился в путь, положившись на обещание, поскольку не неведомо ему было, что [молитва] Розы сильна у Бога и ангелов. И в итоге его надежда не была обманута, ибо путь от Лимы до Потоси (ок. 2000 км. – прим. пер.), чреватый возможностью многообразных происшествий и тысячами опасных событий, он проделал совершенно безопасно. Но затем он почувствовал, что внезапно лишился и молитвы девы, и ангельской защиты, ибо, подъезжая к Трухильо, в тамошней котловине претерпел всевозможные величайшие тяготы и едва выбрался оттуда цел. Когда он возвратился в Лиму, то горько жаловался на деву, а в итоге – и в её присутствии, что посреди пути она лишила его молитвенного своего предстательства. Роза не стала отрицать, что это правда, и только спросила, откуда он об этом узнал. Он отвечал, что из Лимы в Потоси он, ограждённый ангельской защитой, добрался благополучно, и все бедствия на пути его миновали, однако по дороге из Потоси в Трухильо всё было против него, так что он не мог заподозрить ничего иного, как то, что Роза в то время отступилась от своего обещания молиться и ангела своего больше не посылала на помощь. Роза молвила: «Не зря ты так умозаключил; но знай, что оные неприятности с тобой случились потому, что ты был не тем, кем обычно». Затем она, откровеннее углубившись в подробности, поведала сему человеку о тайнах, известных лишь ему одному, кои Деве на таком расстоянии могли быть сообщены не иначе как либо свыше, либо по донесению ангелову.

[206] Но сколь ангельскую сию девицу любили, опекали, ласкали святые ангелы, столь же и адские злыдни тайно и явно, силою и обманом пытались ей вредить. Мучила беса она садовая келейка, скорбел надменный, что миролюбивая юница, [пребывающая] там, не страшится его, более того: само одиночество её вызывает его на единоборство. Итак впотьмах (*per tenebras*) плут (*tenebrio*) напал на деву. Он принял облик огромного пса, косматого, мерзкого, чёрного как смоль; освещавшегося, как казалось, только красными языками пламени, которые он обильно испускал из ноздрей, глаз, ушей. Он с таким видом кружил вокруг молившейся Розы – громогласно лая, оскалив огромную и полную страшных зубов пасть, высунув язык, смердя серой да вздыбив при этом висячие уши, шерсть, хвост, – словно намеревался напасть и словно явился не только для того, чтобы попугать, но и, если удастся, навредить; ибо он (увидев, что она совершенно не обращает на него внимания) неистово рвался вцепиться в девичье оное тельце; бешено пытался, как мог, [зацепить её хоть] наскоком, зубом, когтем; наконец, в яростном дерзновении, не в силах разорвать её, рыл землю, тащил на себя, загребал, словно рваный какой-то сор; пока неустрашимая, но преисполненная отвращения к его наглости дева не воскликнула к Жениху: «Не предавай зверям душу, исповедующую Тебя!» (Пс. 73:19. – пер. П. Юнгерова) И не потребовалось иной палки, чтобы отогнать сего Цербера, ибо он, обессиленный, побеждённый, сломленный, немедля отскочил, бежал, пропал, а Роза, подивившись, что осталась совершенно цела и невредима, с безмятежным сердцем вернулась к молитве.

[207] Однажды дева возвращалась из домовой моленной казначея Гонсало к себе во внутреннюю опочивальню. По дороге к ней подкрался из засады злой дух и изо всех сил нанёс ей внезапный удар, вызвав, впрочем, больше шума, чем вреда. Бестрепетная же дева улыбнулась и сверх того готова была подставить другую щёку, если бы воочию узрела врага. В другой раз и при других обстоятельствах в доме донны Исабели Мехиа трусливый враг, страшась напасть на Розу спереди и в упор, метнул в ней издалека сзади булыжник с такой скоростью и мощностью, что она на ходу упала ниц наземь. Роза, не раненая и не напуганная, поднялась ещё проворнее, чем упала, и упрекнула преподлого дьявола в постыдной хилости. Он же, смутившись перед мужеством своей победительницы, позорнейшим образом излил свою ярость, коей не мог повредить девушке, на её духовные книжки. Среди них наиболее дорог Розе был том Луиса Гранадского, который она, разбив на разделы, усерднее прочих использовала [как источник тем] для размышлений. Его-то негодник и схватил, порвал да забросил прочь в нужник, возомнив, что многого добился тем, что подлой кражей похитил хоть бы какое-нибудь из орудий у столь великой амазонки. Тем не менее дева и книгу свою заполучила обратно, и поставила на своё место опозоренного грабителя, коего удостаивала звания не иного, как «дурной воришка» или «Паршивец».

[208] В другой раз, исполнив молитвы в той моленной, она с наступлением вечера тайно отправилась в комнату, находившуюся в самой верхней части здания, чтобы в уединённом размышлении вполне насладиться отрадой, коей в моленной вкусила во время молитв. Но огромное множество сонь устроило там собрание (*orchestra*), хуже того – ристалище; они сновали десятками, возились, прыгали вверх-вниз по стенам, шкафам, перекрытиям; они всё переворачивали вверх дном в своей беспорядочной охоте, и не было надежды на то, что они смогут утихомириться, ведь гнусным полуночным тварям способствовала сама ночь и условия места. Тогда Роза, изменив намерение, спустилась в нижнюю часть дома, рассчитывая найти там куда более тихое укрытие. То была кладовая, где тогда хранились виноградарские орудия, корзины, котлы и прочая утварь подобного рода. Как Роза вошла туда, так с ужасом, от которого встали дыбом волосы, поняла, что её там поджидает Паршивец, чтобы сразиться. И не

уступая страху, она повелела проходившей там служаночке доставить свечу, а когда та принесла, Роза отпустила служанку, предписав не говорить никому из домашних, где она спряталась, и, даже если она вдруг там задержится дольше обычного, не звать её к трапезе, пока она сама не выйдет.

[209] Служанка отошла, а Роза, едва прикрыв дверь, внезапно услышала, как снаружи сразу защёлкнулась задвижка, а она оказалась взаперти, как бы пленницей злого духа. Затем узница кладовой увидела, что шелудивый её враг наглейшим образом неистовствует в огромной корзине, спрятанной на дне котла. Стыдно стало великодушной деве пользоваться наличествующим светочем себе в ободрение или как неким прикрытием. Итак, она сама затушила свечу и тотчас, вызывая таящегося неприятеля из корзины на арену, молвила: «Эй ты, свинья паршивая, иди-ка сюда, я жду тебя здесь! Выходи, коли смеешь, испытай, насколько ты могуч; сотвори с сим ничтожным тельцем что тебе Бог позволит, а уж над душою ты точно никак не властен; тут я совершенно полагаюсь на моего небесного Жениха. Поди сюда, зверюга рогатая, поди ж сюда!» И не замешкав, выскочила гигантская туша презлобного врага, от чего содрогнулась клеть, но не вострепетала Роза; он схватил деву за руки, сжал их, выкрутил, словно бы норовя на мельчайшие части разорвать противницу, а дабы усугубить ужас, дал ей почувствовать на ощупь, какие у него щетинистые, бугристые, колючие лапы; тряся ими безоружную, толкая, давя, он пресурово поражал её, так что казалось, у девы изломались все до единой кости, вывихнулись плечи, растянулись жилы, но под хрупкой плотью дух сохранял бодрость, а устремлённое к Богу сердечко осмеивало, презирало, ослабляло неистовое безумие исполина. Много часов продлилась сокровеннейшая борьба, а противник к великому стыду своему, отчаявшись в победе, пытался добиться от Розы хотя бы одного-единственного стога или признака испуга, но не мог.

[210] Между тем казначеева жена, расспросив домочадцев о Розе, узнала от служаночки, в каком месте та оставила её со свечой и что та строго воспретила ей звать её к трапезе. [Хозяйка] пошла туда и, видя, что оттуда не проникает никакого света, вынула засов и безмолвно отошла, намереваясь дожидаться исхода этой задержки. Наконец полночь прервала долгую битву; дева вышла, запыхавшаяся от утомления, но с таким радостным ликом и паче обычного возвеселённая, что не оставалось никаких сомнений: в этом мраке свершилось нечто великое. Назавтра жена Гонсало не отступала от Розы, пока та не изложила в рассказе всё случившееся по порядку, и тогда, между прочим, стало известно и то, что жестокие схватки вроде этого столкновения были далеко не в новинку многостойкой деве и отнюдь не редки, а [потому] и не вызывали у неё никогда чувства ужаса.

[211] Однажды, шествуя в сад с намерением помолиться, она увидела, как из-под сени ближайших деревьев ей навстречу выступил супостат, однако был он не ужасен, а приветлив, бел и почти что принял вид ангела света (ср. 2 Кор. 11:14), ибо облик у него был человеческий, но красивый, изящный, изысканный. Дева огорчилась, что человек вопреки обыкновению явился там, где у неё к тому же не было ни свидетеля, ни спутника. Между тем он начал издали делать любовные, а затем и непристойные знаки. Тогда Роза, громким голосом прокляв лживого духа (*largvam*), обратилась спиной к бесу (*lemurì*) и, как в прочих столкновениях благородно выстаивала, так в этом единственном (поскольку дело касалось целомудрия) одержала победу достойным бегством. А как она подлетела, скорее, нежели подбежала, к садовым воротам, то приостановилась в ближайшей галерее и, схватив железную цепь, в кровь исхлестала себя по нагим плечам крепчайшими ударами, среди потоков то крови, то слёз пеняя

Жениху, что Он оставил её в то время, когда она оказалась в такого рода тяготах; ведь в Его присутствии она никогда не столкнулась бы с таким пагубным наваждением нечистого духа. Но тут же дева явственно предстал славный Жених и сказал: «Послушай, Роза, если бы Я не был с тобою, что тогда доставило бы тебе победу?» Значительное то принесло утешение победительнице, но значительным и преисполненным наставления оказалось внушение. Сии [слова] подобны и вполне сродни тем, кои были обращены к бл. Катерине Сиенской при мало чем отличающемся сражении, когда Христос ответил ей: «Когда ты боролась, когда побеждала, Я был внутри, присутствовал в твоём сердце как наблюдатель и верный помощник».

[212] Роза отличалась (по свидетельствам духовников) дивным даром распознавания подлинных видений от обманов (*illusionibus*) сатанинских и отделения святых вдохновений от лукавых наущений древнего змия, что Апостол называет «различением духов» (ср. 1 Кор. 12:10). И что ещё удивительнее, она с раннего детства была наделена сей знаменательной способностью, благодаря коей себе и другим чудесно благодетельствовала, так что дева никогда не сталкивалась с таким хитрым искушением супостата, с такими коварными уловками соблазнителя, каковые бы она с ясностью на самом пороге сразу не уловила, не выявила, не обезоружила. Удивительно, сколь многие и великие победы над адскими хитростями доставило ей одно лишь сие оружие! Дело дошло до того, что юница в ответ на вопросы духовника обстоятельно перечисляла правила распознавания духов по их воздействиям. Она говорила, что поистине божественны те явления, что оставляют в душе смирение, чувство благоговения, осознание собственной ничтожности, порядок и сосредоточенность сердца да радование в Боге. Наоборот, противоположные сим впечатления [утверждала она] – напыщенность, замешательство разделённого сердца, довольство собой и несогласие с Богом – отдают не иначе как смолою кознодея. Причём Христос научил Розу этому, как и блаженную Катерину Сиенскую, без посредничества наставника.

ГЛАВА XVI. ГОНЕНИЯ, БОЛЕЗНИ И ИНЫЕ НЕВЗГОДЫ, КОТОРЫЕ ОНА ТЕРПЕЛИВО ПЕРЕНОСИЛА И ПРЕДВИДЕЛА В ДИВНОМ НЕКОЕМ ОТКРОВЕНИИ

[213] Шипы у роз не с запозданием вырастают, но рождаются вместе с ними. То же случилось с сею девой; она ещё не вышла из поры раннего детства, как уже обрела и облик розы, и имя её, и шипы. Едва она достигла девятимесячного возраста, как у кормящей матери опустели груди, иссякло молоко, а привести кормилицу со стороны препятствовали стеснённые обстоятельства дома – вот и первые уязвления для младенца. Недостаток молока пытались восполнить жиденькой похлёбкой, но влить её в крохотный ротик было крайне трудно, отчего приходилось растягивать его, причиняя [девочке] мучения. Однако Розочка не плакала, но, без толку сося свой большой палец, скорее молча обманывала голод, чем утоляла. Так что она с младенчества выучилась терпеть страдания – раньше, чем пищать и говорить. Она выросла, но скорби возрастали вровень с годами, ибо едва она начала ходить и овладевать речью, как ежедневно невинная девочка с величайшим несчастьем наблюдала, как бабушка и мать с бабьей вздорностью вовлекают её в спор и взаимную тяжбу об имени «Роза». Ведь если она поспешала к домашним или к матери, когда её кликали по имени Роза, бабушка, придя в бешенство, давала малышке розог, а если отвечала звавшим её Исабелью, разгневанная мать устраивала порку, колотя безвинную. Так девочка терпела от гнева то одной, то другой женщины, что бы ни делала, подвергаясь наказанию и расплачиваясь именно за то, что ни в чём не провинилась.

[214] Насколько мягок был нрав дочери, настолько же сурово обращение матери, так что, казалось, будто почти одно лишь упорное терпение Розы давало возможность сосуществовать (досл. «одна лишь повозка терпения позволяла впрямь...» – прим. пер.) оной до крайности разнящейся паре. Скромность девы, её рассудительность, благочестие, бегство от мира, молчаливость, бодрствнность казались нетерпеливой матери попросту проступками, в наказание за кои недостаточно было никаких криков, насмешек, поношений, да и, наконец, оплеух с пинками; она частенько брала в руки узловатую айвовую палку и ею изрядно обхаживала пониже спины уже довольно подростную девочку – особенно когда обнаружилось, что она по примеру св. Катерины Сиенской остригла золотые свои кудри. Не мягче стали обращаться с нею и домочадцы – после того как узнали, как необычайна была её жизнь, как часто видела она небожителей и общалась с ними, а прежде всего – сколь явно превосходило человеческие силы оное её постничество, ведь легко было утверждать, что при таком скудном питании (да почти вовсе без пищи) юница естественным образом выжить не может. Родные братья опасались, что их сестру к великому позору её семейства вот-вот могут привлечь к суду Святой Инквизиции, заподозрив в обмане и мошенничестве, а затем прилюдно и обвинят, и осудят за кощунственный вымысел и поддельную святость. И вот, они ежедневно говорили о сих страхах, сопровождая свои речи бранью и преследуя сими угрозами покинутую всеми Розу. И безрассудная мать по собственному почину, не колеблясь, на виду у своих и посторонних стыдила дочь, объявляя её лицемеркой, обманщицей, притворщицей, лишённой и не имеющей никаких подлинных добродетелей.

[215] Гонения её достигли вершины благодаря то ли невероятному равнодушию, то ли невежеству некоторых из её духовников, когда они пытались внушить деве то, что сначала внушили им, а именно: что путём она движется неверным или, по крайней мере, ступила на небезопасный, что вскружила себе голову и страдает от иных предосудительных сумасбродств, что явления, кои она мнит ниспосланными свыше, суть нелепые заблуждения. Сии и подобные гонения лишили бы сил кого угодно другого, но отнюдь не Розу, имевшую внутри терпение точно булатное, а ещё больше потому, что, натыкаясь на столь твёрдые подводные камни скорбей, она явственнее постигала, что Жених ведёт её по доподлинным путям бл. Катерины Сиенской к единению с Собой. Посему, когда однажды некая знатная дама спросила Розу, почему она не попросила серафическую свою наставницу избавить её могучим своим заступничеством от сих несчастий, та возвышенно ответствовала: «И что, как ты думаешь, на это мне ответила бы серафическая мать моя? Уж во всяком случае она спросила бы, не желаю ли я себе иного пути, помимо того, коим она сама славно прошествовала? Да избегу я столь малодушного безделья!» Обе они знали, что любую просьбу Розы бл. Катерина немедля исполнила бы (что будет показано ниже), но превосходная ученица выше ценила горестные бесчестья, перенесённые наставницей, чем полученные ею изысканные утешения. Ей было стыдно, что невеста Распятого может хоть на миг застать её вне мук и страданий.

[216] И в самом деле редко, почти никогда не случалось недостатка в огромных испытаниях для огромного её терпения, ибо, когда она оказывалась свободна от внешнего мучения, на неё ещё тяжелее наваливалось внутреннее, а когда прекращалось гонение извне, во множестве следовали телесные недуги. В Канте она три года пролежала в постели по причине жутких судорог – в безмерных муках, не издав ни единого стога, разве что суровее мучаясь не собственными страданиями, но состраданием к тем, кто был обременён заботами, без каковых она не имела возможности обойтись. Посему при сем своём недуге и прочих она обычно говаривала:

«О сколь спасительна, сколь отрадна и блаженна была бы участь страдать от пречастых болезней, если б только сие не было бременем для ближних!» Часто по причине воспаления низлежащих мышц горло и гортань девы поражала мучительнейшая ангина, кою порой во усугубление беды сопровождала кинанха (разновидность ангины с сильным удушьем. – прим. пер.); весьма часто её лёгкие и бронхи бывали целиком стеснены астматической отдышкой; ещё чаще оба её бедра тяжело поражал претягостный ишиас, а при всём при том её неустанно терзало колотьё в рёбрах. Беспорядочные, бесчисленные боли в желудке, околосоердечной сумке, кишечнике вызывали у неё частые корчи; и сии недуги (каждого из которых было достаточно, чтобы свалить любого здоровяка), вызываемые различными и противоположными причинами, в большинстве случаев наваливались на бедняжку по два, три, четыре одновременно; причём врачи удивлялись, откуда же в худосочном, сухощавом, истощённом тельце берётся жар и горючий материал для столь различных воспалений. Дева же вполне обоснованно полагала, что сии праздничные агоналии (древнеримские священные соревнования, проводившиеся четыре раза в году и сопровождавшиеся жертвоприношением барана в присутствии царя. – Прим. пер.) происходят не от расстройства или чрезмерности телесных соков, но устроятся для неё благодетельной дланью Жениха.

[217] Над приступами лихорадки – то ежедневной, то обычной, более упорной – по причине самой их привычности она чуть ли не подшучивала, однако не так обстояло дело с той ломотой в руках и мучительными болями в ногах, что носят всем известные (однако от этого не менее пугающие) названия хирагры (подобие подагры, но в руках. – прим. пер.), подагры, артрита. Сей недуг, что, как думают, не особо угрожает жизни, никогда не встречает сострадания, сообразного множеству причиняемого им страдания, и нет лекарств или средств, способных облегчить доставляемую им боль; и болезнь сия не иначе как, скорее всего, либо быстро лишит болящего долготерпения, либо истощит своей прожорливостью. Однако Роза спокойно принимала её с усердным радушием и, вооружившись неодолимой добродетелью выносливости, миролюбиво предлагала ей разделить с нею одно общее ложе. Казалось чудом, что нежнейшая девушка, у которой пылают вспухшие буграми суставы, раздулись сочленения, противоестественно выкрутились мышцы и сухожилия, лежит, терзаемая крайними болями, мирно, безмятежно, кротко, ни стоном, ни лёгким вздохом, не выказывая мучений своих. Если спрашивали, как здоровье, она неизменно отвечала, что хорошо, хотя во искупление злодеяний своих ей приходится малость пострадать. Одним на вопрос о тяжести недуга она молвила, что всё, исходящее из длани столь нежного Жениха, приятно и сладостно; другим – что следует думать о карах преисподней, ибо от одной мысли о них притупляются любые, самые острые боли сего света. Она весьма часто обращалась к Жениху, говоря: «Господи, приумножь, приумножь страдания, коль и любовь Ты готов приумножить».

[218] Однажды, с особой доверительностью беседуя с некоей благочестивой особой о сих болезнях, она сказала, что почитает всю сию вереницу недугов среди драгоценнейших и замечательнейших благодеяний, уделённых ей Богом, и добавила, что если бы сама на себе не испытала их, то никогда не смогла бы поверить, что единственное несчастное тело способно воспринять такое множество столь тяжких страданий; и хотя, как ей думается, не осталось ни единой муки в какой-либо части тела или члене, каковых бы она не перечувствовала, всегда с небес к ней приходила защита и укрепление, благодаря коей она всё выносила невозмутимо; никогда не возникало у неё нетерпеливого чувства, из-за коего она хоть на волос отступила бы от покорного сообразования и точнейшего следования воле Божией. Ввиду этого она

стыдилась, что доселе не откликнулась на столь великие небесные дары, как подобало, и по сей причине заслуживает считаться неблагодарнейшей из всех тварей, сколько их ни живёт на земле – то есть ей представлялось, что Господь таким образом обращается с нею, как Он разве что с ближайшими Своими друзьями имеет обыкновение обращаться, а она при этом не отвечает на сию честь столь достолюбезному и любящему Богу. Возможно, такова была её мысль, когда она молила вместе со страданиями приумножить любовь.

[219] К сему же, по-видимому, прямо относится знаменитое оное видение, кое весьма именитые профессора мистической теологии числят среди самых боговдохновенных откровений Розы. Это видение, ровно как сама дева за несколько дней до смерти рассказала его под присягой доктору Кастильо, я приведу здесь в первоначальном и простом виде. «Воспарив, – рекла она, – в едином и спокойнейшем свете созерцания, я увидела блеск дивного великолепия, красоты и величия, который был безгранично отовсюду наполнен вездесущей и тонкой бесконечностью. В середине сего прекрасного блеска находилась дуга – многоцветная, сиятельная и изящно испещрённая мозаикой многочисленных оттенков, - а поверх оной простиралась другая, равная низлежащей красотой и величием, и в середине свода сей дуги на самом видном месте красовался славный крест нашего Спасителя, ярко окрашенный в пурпур, с отверстиями на месте гвоздей и ознаменованный триумфальным надписанием Распятого. Притом нижнюю дугу наполнял человеческий образ (humanitas) Господа моего Иисуса Христа, лучезарный, ясный, пресветлый, облечённый одеянием таковой красы, в каковом я Его ни разу прежде не наблюдала; и угодно было Его нежной благодати уделить мне сил необычайных и на диво неистощимых, благодаря коим я могла, не отводя взгляда, сколь угодно вольно и долго созерцать превозвышенного Царя моего во всей красоте Его (ср. Ис. 33:17), ведь я видела Его не искоса, как в других случаях, и не только лишь от головы и по грудь, но целиком и полностью, с макушки до самых стоп, да напрямую «лицом к лицу» (ср., напр., Быт. 32:30, 1 Кор. 13:12 и т.д.).

[220] Тут доктор прервал деву, спросив: «Какого цвета были оные дуги?» Она ответила: «Разных да диковинных – до того, что ни единому из оных цветов невозможно подобрать даже слабейшего подобия в мире сем видимом, разве что окраска тех дуг, казалось, сочетала в себе разнообразие и лепоту всех возможных цветов, как бы бесконечно превосходя их величием и мощью». Затем Роза продолжила: «Я глубоко почувствовала, что со стороны человеческого образа Христова в глубь души моей дивно нисходят неизъяснимые огни и лучи (stricturas) славы, так что казалось мне, будто я уже совсем разрешена от тленного мира и перенесена к блаженным радостям вечности. После сего Тот, Кто «прекраснее сынов человеческих» (Пс. 44:3), выставил на всеобщее обозрение весы и какие-то грузила, и тут же подступили многочисленные воинства ангелов, празднично наряженные и ярко сияющие, и с подобающим благоговением склонились пред Господом славы; подступили также обильные числом блаженные души и, почтив Спасителя подобным же благоговейным поклонением, стали отдельно».

[221] Ангелы, взяв весы и грузила, начали нагружать чаши, насыпая скорби к скорбям в кучу, словно намереваясь точно взвесить их тяжесть. Но Христос вмешался в их работу и, взяв на себя это дело (так как Его суд выше ангельского), собственными руками привёл чаши весов в равновесие и из возложенных на них куч раздал скорби присутствовавшим душам, среди коих и мне была назначена доля тягчайших невзгод. Затем, вновь возложив грузила, стали, наоборот, нагромождать благодати на благодати (ср. Сир. 26:18, Ин. 1:16), но когда ангелы, подступив, подготовили весы к

поднятию, опять вмешался Христос (так как Он всемогущей Своей рукою мог точнее исполнить сию почётную обязанность) и точнейшим образом соразмерно розданным скорбям распределил драгоценные оные кучи даров благодати среди присутствовавших душ, не обделив и меня, отмерив и мне по весу уделённых невзгод бесценного сокровища преизобилующей благодати. Я заметила, что стоявшие вокруг души так насытились той драгоценной благодатью и переполнились аж доверху, что неудержимая полнота её была ключом из уст и очей.

[222] Покончив с этим, Спаситель предостойно возвысил звучный голос, молвив: «Ведомо всем, что за мучением следует благодать; известно, что без груза скорбей на вершину благодати не взойти; понятно, что с возрастанием горестей равно приумножается и мера благодатных даров. Да не обманется никто: есть лишь одна сия лестница райская, и она истинна; и помимо креста не имеется иного [пути] восхождения к небесам».

«Когда я услышала сие, – продолжила Роза, – меня исполнил мощнейший порыв (который я не в силах изъяснить словами) выскочить на середину площади и во всеуслышание возопить громчайшими криками к людям всех возрастов, полов, сословий: «Слушайте, народы, слушайте, все племена: из уст Христовых я вам возвещаю, что не снискать благодати без предшествующей скорби; нужно собирать горести поверх горестей, дабы достичь глубинной причастности божественного естества, славы чад Божиих (Рим. 5:2. – пер. Евг. Розенблюма), совершенной красоты души!» Ещё меня одолевало повелительнейшее побуждение проповедовать красу благодати Божией; я мучилась, потела, задыхалась – казалось, душа уже не способна держаться в телесной темнице, а вот-вот, покинув его, как можно скорее покинет землю, чтобы закричать миру: «О если бы смертные знали, что такое благодать, как она прекрасна, сиятельна, драгоценна, сколько содержит в себе богатства, какие сокровища, радости, отрады, то все вымаливали бы себе скорбей и страданий, сами испрашивали тягот, гонений, болезней, мук – только бы стяжать преобильное богатства благодати; сие есть товарообмен святого терпения и выгодная его сделка: никто не пожаловался бы на крест, если бы знал, каковы сокровища [возложены на другую чашу] справедливых весов».

[223] Доктор прервал деву, желая выяснить подробнее, под каким видом или образом явилась ей благодать. Роза без колебаний ответила, что у неё нет ничего общего с телесными образами, а меньше всего – с цветом или какой бы то ни было тварной красотой; природа её совершенно божественна, однако она хорошо рассмотрела, что благодать – это явление, отличное от Бога, хотя дивным образом содержит Божий образ и душу соделывает боговидной (deiformem). В конце концов доктор спросил, какого рода речью – умственной или устной – изрекал Христос слова Свои, что были приведены выше? Дева ответила, что не знает, как такого рода явления именуются у учёных (peritos), однако речь сия звучала таким образом, что из уст Христовых изливался ясный и чистейший начаток (conceptus) знания, который, проникая вглубь души, высказывал внутри всё, что Он желал дать понять.

Сие славное видение своевременно подготовило Розу к оным её последним и крайним страданиям от паралича, которые и стали причиной её преждевременной смерти. Посему, когда ниже пойдёт речь о блаженном преставлении девы, вновь представится удобный случай рассказать о них; ведь в одной главе о всём терпении Розы поведать невозможно.

ГЛАВА XVII. ПЫЛКАЯ ЕЁ ЛЮБОВЬ К ИИСУСУ, ЖЕНИХУ СВОЕМУ

[224] В это время Богу было угодно зримыми знаками явить, какой вулкан божественной любви пылал в груди Розы, когда Он повелел возблистать лучам и огонькам от лица молящейся. Однажды ночью Розе пришлось спать в одном помещении с товаркой; та, проснувшись рано на рассвете, увидела, что в тёмной комнате мерцают яркие огни, и тут же, испуганно оглядевшись, заметила, что исходят они не откуда-нибудь, а от лица молящейся в углу Розы, ведь она тайно опустилась с кровати своей на пол, чтобы вознести моления, и едва подумала, что отлично спряталась в тени, её выдали лучезарные огоньки, вылетающие во время молитвы из её уст и очей, каковое знамение свидетельствовало о пожаре, пылавшем внутри. Оказывается, то же самое без ведома Розы многократно случалось в присутствии других. И не меньшими признаками и проявлениями того же огня были огненные оные воздыхания, коими, словно бы опахалом, сердце её, горя и пылая, одновременно и отгоняло жар, и раздувало его сильнее. Из её уст часто звучало сие: «Господи, неужто тебя кто-нибудь не любит? А я, дорогой мой Иисусе, когда начну любить тебя как подобает? Увы мне, как далеко отстою я от совершенной, глубокой по-настоящему крепкой любви к Тебе! Да я и не знаю ещё, как подобает Тебя любить! Какой стыд! На что мне это сердце, коли оно доселе от любви к Тебе не рассыпалось целиком в пепел?» Поистине своего рода водянка присуща сей вышней любви, ибо, чем она обильнее, тем сильнее её жаждут.

[225] Воодушевлённая сим чувством, Роза ради стяжания божественной любви собрала огненную связку из нескольких стрел этой самой божественной любви в виде молитовки, кою нам захотелось здесь дословно перевести, поскольку всем она понравилась, многим оказалась полезна, да и изобилует она как изъявлениями любви, так и побуждениями к ней. Смысл её был таков: «Господи мой Иисусе Христе, Бог и человек, истинный Создатель и Искупитель наш, о том, чем я когда-нибудь тебя оскорбила, поистине терзаюсь духом, ведь Ты есть Тот, Кто есть (es qui es, аллюзия на Исх. 3:14; Ин. 8:24, но прежде всего на слова Бога св. Катерине Сиенской: «Я есть Тот, Кто Есть; ты есть та, кого нет» – прим. пер.), ведь я люблю Тебя паче всего. Истинный мой Боже и Жених души моей, вся радость сердца моего – в Тебе: и я, и я желаю любить Тебя любовью совершеннейшей, любовью деятельнейшей, искреннейшей, неизъяснимой, сосредоточеннейшей, несравненной, непостижимой, неодолимой – той, что питают к Тебе разом все небожители. Сверх того, я жажду любить Тебя, о Боже сердца моего и жизни моей, Боже, отрада моя, любить я Тебя желаю столь же сильно, как любит Тебя Пресвятая Матерь Твоя, Владычица моя, Дева пречистая; и даже столь сильно, о спасение, о радость души моей, столь сильно, повторяю, любить Тебя я стремлюсь, как Ты сам, мой Боже, любишь Себя. Пускай сожжёт меня, истощит меня, поглотит меня огонь Твоей божественной любви, о преблагостный Иисусе мой!» Неискусным кажется это словоизлияние мирскому слуху, но поучающиеся (schola) в божественной любви узнают и обретают здесь выражение своих мыслей (phrasim).

[226] Смышлёная дева знала, как скрывать прочие свои добродетели, только вышнюю любовь (charitas), – поскольку она есть пламя – никак не могла ни утаить, ни спрятать. Ведь разговоры Розы, её приветствия, ответы были всегда приправлены памятованием любви божественной. Если когда ей приходилось заговорить с близкими, дамами, девицами, первыми словами Розы были: «Возлюбим Господа нашего, возлюбим!» Если нужно было сказать похвальное слово о какой-нибудь особе в её отсутствие, вся речь Розы вкратце сводилась к сему: «Любит Бога – крепко и искренне». Всякий раз, когда, приступая к таинству исповеди, она склонялась у ног духовника, тогда, осенив себя

крестным знаменем, разражалась сей речью: «Господь с тобою, мой отче! Да будет Бог любовью нашей! О кто бы наделил нас способностью любить его совершенно! Увы! Те, кто не любит Его, не имеют понятия о добросердечии». При всякой беседе единственной отрадой Розы и утехой было либо слушать о любви божественной, либо говорить; напоминать о высшей обязанности – любить Божество, Кое нас до такой степени полюбило и любит; рассуждать о различных поводах, образах, побуждениях к сей любви; наконец, любой иной предмет разговора, сколь угодно отдалённый, она с любезной искусностью обращала к тому, чтобы посреди прочих бесед ввести тему любви и достолюбезности Божией, а когда это ей удавалось, дивно было послушать, как дева, в других случаях молчаливая, рассуждает в самых подходящих и горячо воодушевлённых словах о долге любви, о том, как крепко подобает любить славную благодать Божию и столь же сильно – прекрасное Его величие. Лишь тогда у Розы находились яркие выражения, только тогда изобиловали потоки её красноречия, тогда пылал дух её, крепчал голос, блестели глаза, воспламенялось сердце, и никто из присутствующих не мог усомниться, что от избытка сердца говорили уста (ср. Мф. 12:34).

[227] Но когда она оставалась одна, затворившись в хижинке, или когда думала, что за ней никто не наблюдает, тогда нежнее и притом вольготнее изливались все эти превозвышенные истины (axiomata) серафической любви – в прозе, стихах, речах, песнях. Казначей Гонсало вместе с женой и детьми порой украдкой подслушивал в доме своём, как Роза в уединённом месте с великой пылкостью прославляет благочестивыми восклицаниями любовь Божию. Общее содержание её возгласов было таково: она призывала любить нежнейшего Творца все чины творения по порядку; убеждала стихии, небеса, ангелов, растения, животных, беспрестанно повторяя: «Возлюбим Бога, Бога возлюбим, любовь – Бог, Бог – любовь!» И не понемногу она говорила сие; по два, а порой по три часа, не сходя с места и взирая на небеса, твердила она сии слова с таким жаром и напором, что, сама того не зная, возбуждала в сердцах слышавших любовь и сокрушение.

[228] Вскоре за тем, не придумав, каким образом утихомирить или удовлетворить сей пыл свой, она взяла гитару (на которой никогда не училась играть), которая по случайности висела рядом на стене, и стала сообразовывать силу голоса с мелодией струн, сладко напевая жалобные песни раненой любви, дабы всеми способами выражения (ritu gestuque) показать Возлюбленному своему, как она Его любит. Однажды случилось так, что на гитаре полностью отсутствовали струны, и тем не менее Роза играла, более внимая звучащей внутри десятиструнной псалтыри с песнью (ср. Пс. 91:4). Казалось, благодаря этим невиннейшим песенным концертам Роза под стать Малышу – Любви своей – вновь стала дитятей и, позабыв все горести, уступила простодушной нежности глубинных чувств: сердце её кипело, и, не думая, что кто-нибудь рядом окажется свидетелем сего, она, хоть малость выпустив пар, утишала пыл духа. Однако случилось так, что восхищенная усладой, она не заметила домашних, что входили и выходили. Посему многие слушали из уст поющей следующие стихи, зарифмованные по-испански, которые я с грехом пополам попытаюсь перевести на латынь:

Хоть всех цветов и олив всех Ты всех краше, Иисусик,
А не чураться общества Розы повядшей!

Изысканны были те выражения, в коих дева с вящей вольготностью величала своего Возлюбленного, Который отнюдь не отвергал бедную Розу, притом урождённую по

матери Олива, а от отца – де Флорес, из чего явствует, что Он позволял ей столь нежную любовь. Можно ещё много привести подобных душевных излияний любящей Розы, воздыханий к Жениху в ответ на любовь Его (aneroticias), кратких стихотворений и, возможно, стоило бы записать их, но следует поспешать к вопросам ещё более важным.

[229] Спутник и свидетель по-настоящему крепкой любви – ревность, и пыл одной Роза не могла скрыть в себе, и она разгоралась с великой мощью, едва лишь в личном кругу или на людях случалось что-нибудь, хоть в малейшей мере задевающее честь Божию, чего Роза, конечно, отнюдь не оставляла без внимания. Прежде всего её настолько возмущала праздная болтовня в церкви (грубый порок знати), что она при всей своей робости и бессловесности не могла удержаться, чтобы не призвать словоохотливых к должному приличию из благоговения к святому месту – так, впрочем, умеренно, смиренно, благоразумно, что казалось, будто она не укоряет, а умоляет. Дома все, сколько их ни было, члены семейства остерегались высказать при деде что-нибудь вздорное, опасаясь сурового суда Розы, когда она была ещё малышкой, ибо знали, что девочка, терпеливейшая в отношении ужасных и частых обид, наносимых ей самой, никак не могла снести лишь тех слов, кои по её мнению хоть чуть-чуть оскорбляли Бога. Она имела понимание этого с раннего детства; ибо когда прочая детвора по шумливости, свойственной грубому возрасту, либо говорили грязные слова, которых ещё не понимали, либо невинно повторяли похабные песенки, случайно где-то услышанные, Роза плакала, убегала, жаловалась матери на детские безобразия, сетовала о том, что оскорбляют Бога, и, поскольку иным способом не могла вполне исправить сего, наказывала себя саму горчайшими слезами.

[230] Ложь, которой детям при их постоянных шутках и болтовне едва ли хоть когда-нибудь удаётся избежать, она так сурово проклинала, что усвоила себе в качестве девиза: «Ни ради неба, ни ради земли не следует лгать, ибо Бог есть истина». Посему, если кто-нибудь, пускай даже добросовестно, сообщал другим ложные сведения, она из ревности к точной передаче истины кротчайшим образом поправляла рассказчика, вежливо замечая, что дело обстояло не так, а эдак; что не то, а это было сделано или сказано. Случилось так, что примерно за один час до блаженного преставления девы в лучший мир пришёл к ней некий благочестивый священник, коего она желала видеть перед смертью, и ему при входе одна из присутствовавших там женщин добросовестно сказала: «Ты пришёл кстати, отче, ведь Роза как раз требовала позвать тебя».

Умиравшая услышала это и, до мелочей радея об истине, собралась с остатками сил, чтобы заговорить, и молвила: «Скажем точнее: хотя я перед своей кончиной пожелала тебя увидеть, но только это и сказала – ничего больше». Таково-то было её попечение об истине, поскольку Бог есть истина.

Она приучилась к тому, что слёзы относятся к Божией сокровищнице, и не позволяла без толку проливать их в других случаях, желая, чтобы все сберегали их только для подношения Величеству Божию. Поэтому однажды, увидев плачущую по какой-то причине мать, она, словно бы охваченная ревностью о Божиим праве (quaesturae), молвила: «Ох, матушка, что же ты делаешь? Расточаешь сокровище, которое подобает вносить лишь в сокровищницу Божества? Почему ж ты не вспомнила, что драгоценная сия влага причитается одному лишь Богу на омовение наших грехов?» Столь велика была забота ревностной девы о том, чтобы ни в чём не поступиться причитающейся Небесному Жениху честью или данью.

[231] Подлинным чадом сей преискренней ревности была та безмерная радость, что оживляла Розу всякий раз, как она наблюдала, что Божия честь и слава возвеличивались от заметного чьего-либо улучшения. На лимских площадях судачили о некоей женщине, что торжественно посвятила себя Богу, но, нарушив иноческий обет, бежала из Кантабрии (город в Испании. – прим. пер.) в Индии (т. е. Южную Америку. – прим. пер.) и долго бродяжничала в мужской одежде по провинции Уаманга пока, наконец, по дивной милости Божией не одумалась и уже в той провинции, вновь надев священное облачения, не зажила в иноческой обители среди монахинь. Как сие поведали Розе, то стоило видеть, как пламенная её ревность возгоралась разными чувствованиями в зависимость от того, какие моменты истории пленяли её внимание. Сперва она скорбела о святотатственном нарушении обета, при коем против чести Божией был совершён столь гнусный проступок, и притом прилюдно; но тут же дух её ликовал о победе благодати Божией; она сострадала падшей грешнице и тут же безмерно радовалась, что всем известна стала дивная Господня благодать и милосердие к ней. Для Розы это стало таким праздником, что, пожалуй, не она так веселилась бы, достанься ей по жребию или в дар скипетр владычества над всею Америкой. Наконец, она опасалась за постоянство обратившейся грешницы и одновременно надеялась на её выдержку; впрочем, в довершение утешений ей было дано откровение свыше, в коем сам Христос придавал Розе уверенности в искреннем раскаянии возвратившейся монахини, добавив, что она не только удержится [на избранном пути], но даже достигнет заметной ступени святости.

[232] Желание Розы свидетельствовать о своей любви к Жениху было неутолимо, посему перед духовниками она постоянно горевала о том, что неблагодарна Божеству за принятую от Него столь нежную благодать, что, насколько ей известно, она не в подобающей мере почитает столь возвышенное дружество; и хотя делала всё [как должно], сетовала, что не делает ничего. Случилось так, что один из её духовников тяжело захворал, да причём в весьма неудачное время, ибо на следующий день ему предстояло произнести торжественную речь к народу. Он послал к Розе человека с сообщением, что его сразила неожиданная болезнь и что у него не будет сил проповедовать, что он скорбит о крайней своей слабости, из-за которой будет омрачено празднество – более всего потому, что огромное множество знатных особ было приглашено на проповедь (от которой они надеялись обрести изрядную пользу). Роза, ужаснувшись печальному известию, после краткого размышления ответила: «Из почтения к Богу и послушания Ему вот что нужно сделать. Подите-ка скажите болящему, что в установленный день он всенепременно будет проповедовать; силы, чтобы он смог это сделать, своевременно появятся, хотя и не без обременительного условия для другого лица». Условие же сие состояло в том, что Роза должна была тогда взять лихорадку духовника своего на себя, подобно тому, что некогда случилось со святой Катериной Сиенской. Дева нисколько не колебалась, договариваясь с Богом о таком бремени, ибо предпочитала, чтобы чужая лихорадка прожарила её до мозга костей, нежели допустить, чтобы из-за отмены проповеди празднество было бы скомкано, отчего слава Божия понесла бы ущерб. Вышло так, как предсказывала дева: незадолго до своей речи проповедник выздоровел и исполнил задание превосходно. А Розу тем временем терзала лихорадка – не её. Однако и проповеди она не пожелала пропустить, ибо горячечный жар легко превозмогала пылом ревности о славе Божией.

[233] Чего только ни придумает неугомоннейшая сила любви, дабы услужить единственному Возлюбленному! Гласит же история, что святая Катерина Сиенская однажды дала одежду Христу, скрывавшемуся под видом нищего, вот и любящая Роза измыслила приём и способ, как преблагоговейно облечь Христа в одеяние, с большим

трудом пошитое из духовных лоскутков. Никогда Ему не доводилось пережить большей бедности, чем в Вифлееме, когда Он, новорождённый, беззащитный, лишённый вместе с бедной Своей Матерью пристанища, забнул в хлеву, замотанный в тряпицы, в убогих яслях. Так вот, Роза все умения и старания (*artes artusque*) приложила к тому, чтобы трудами благочестия приуготовить Младенчику-Любви достойное одеяние несравненного и драгоценного покроя. Здесь стоит попросту привести из записей Розы свод правил, в коих дева определила себе сей труд, и, чтобы по ошибке памяти не упустить чего-нибудь, всё перечислила на листочке в таком порядке: «Иисус. В год 1616-й милостью и споспешением Иисуса Христа и Его благословенной Матери я начинаю приуготовлять одеяние для сладчайшего моего Иисуса, имеющего родиться в Вифлееме, дрожащего, беззащитного, бедствующего. На рубашонку пойдут 50 литаний, 900 розариев, 5 дней неядения в память святейшего Воплощения. Пелёнки будут из 9 стояний перед Свв. Тайнами, девяти третьей розариевой молитвы (*psalterii rosariani*) и 9 дней поста по числу месяцев, кои Он провёл во чреве Пречистой Своей Матери. На одеяльце употребится 5 дней голодания, 5 стояний и столько же розариев в честь Его Рождества. На чепчик израсходуется пять венцов Господних, 5 дней неядения и столько же стояний в память Его обрезания. На каймы и оторочки как покрывала, так и опоясаний надо будет совершить 33 святых причастия, 33 заступительных мессы, 33 часа мысленной молитвы. 33 молитвы Господней и Ангельского приветствия да столько же раз прочесть Апостольский символ веры вместе со «Слава Отцу...» и антифоном «Славься, Царица»; а также 33 трети розария Марии, 33 дня поста и три тысячи ударов бичом во славу числа лет, что Он прожил на земле. Наконец, вместо погремушки Малышу я предложу свои слёзы, воздыхания, любовные обеты, а вместе с ними душу мою и сердце, чтобы ничего у меня не осталось, ибо не подобает мне ничем обладать». Известно, что из мистической мастерской благочестивой Розы вышло множество видов таких одеяний, ибо вскоре после того она их уступала близким друзьям в качестве щедрого дара, дабы вознести, предложить, подать их нагому Иисусику, Любви её. И чего только она ни сделала, чтобы Он был любим всеми! И угоден был Спасителю сей пыл Розы, и таковую заботу о распространении любви к Нему Бог запечатлел огромным чудом, о котором я собираюсь поговорить особо в следующей главе.

ГЛАВА XVIII. КАК ПО ЕЁ МОЛЬБАМ ВООЧИЮ СОВЕРШИЛОСЬ ЧУДО С ПОТЕЮЩИМ ОБРАЗОМ, ДАБЫ ПОБУДИТЬ ЛЮДЕЙ К ЛЮБВИ ХРИСТОВОЙ

[234] В домовой моленной казначея Гонсало среди прочих святых образов как красотою, так и вызываемым благоговением выделался тот, что в тончайших оттенках и линиях являл на полотне лик взрослого Христа. Его Роза почитала с особым благоговением и, уставив взор на сие изображение (всякий раз, когда, сняв покрывало, его выставляли на алтаре), ненасытно поглощала его взглядом и почти вбирала в себя при внимательнейшем созерцании, причём она чувствовала, как сердце её пламенело (ср. Лк. 24:32), когда она предстояла облику его. И вот, в году 1617-м, 15-го апреля (то была суббота) вечером, когда звонили к Ангельскому приветствию, Роза вместе с женой Гонсало и их дочерьми по своему обыкновению прилежно молились в вышеупомянутой часовне; и открыто было почитаемое оное изображение Спасителя, а с обеих сторон от него горели на алтаре две свечи, третья же поодаль от них светила – отдельно на столике. Тут дева сильнее обычного была потрясена порывом любви, так что уже не могла умерить голоса и даже, встав на ноги, с величайшей горячностью и громко обратилась к святому образу с речью, словно бы находилась в моленной одна.

[235] Суть её зажигательной речи была такова: «Господи, да любили ли Тебя когда-нибудь, как Ты того заслуживаешь? Доколе Ты будешь терпеть людей, что раздражают Тебя грехами и отказывают Тебе в уважении? О кто бы дал всем знать, сколь Ты достоин любви – и какой любви; дал постичь, что любить Тебя подобает не из рабского страха наказания, не из простой наёмнической надежды на награду, а ради Тебя самого! Сделай же, Господи, сделай так, чтобы Тебя полюбили, как подобает! Схвати колчан, метни во все стороны чистейшие стрелы, разожжённые Твоей любовью, исторгнув из всех сердец светозарное пламя. Тебе, Тебе пускай служат все на свете; для Тебя пускай развернется каждая грудь в священном порыве обожания (charitatis); ради Тебя пускай источаются благовония всех нежных чувств – всё ради Тебя, повторяюсь, ради Тебя, вселюбезный Иисусе, кипящий и пылающий столь великой любовью к человеческому роду!»

Пока она произносила сии и подобные речи, казначеева жена тайно ускользнула вместе с дочерьми в соседнее помещение, чтобы не помешать случайным шумом разговору девы или своим навязчивым присутствием стеснить полноту свободы сего порыва.

[236] Однако одна из дочерей, не без согласия матери, прокралась [обратно], словно бы для того, чтобы снять щипцами нагар со свечей на алтаре, и тут же, точно во внезапном испуге, прервав Розу, молвила: «Что я вижу! Вот ведь: лик Спасителя весь покрыт потом!» Мать, стоявшая снаружи, услышала это и, немедля войдя, увидела, что на всей поверхности всесвятого образа явственно выступают и блестят наподобие мельчайших жемчужин многочисленные капельки пота; они порождали друг друга, а при взаимном соприкосновении сливались в поток и, вычерчивая разные линии, стекали капелью по нарисованным волосам и бороде. Поражённая зрелищем и не смея подойти ближе, она послала за мужем, которого как раз не случилось дома, ибо он был на переговорной встрече с секретарём Хуаном де Тинео, вернувшимся тогда из порта Кальяо в Лиму. Они пришли оба, не зная, что творится, и едва вступили в моленную, где их ожидала жена с родственниками – Хуаном де Бенавидес и Педро Хиандро, – как увидели (не без благоговейного ужаса) образ, всюду увлажнённый и густо покрытый капельками словно бы предрассветной росы; причём немножко влаги уже стекало на деревянную раму, заключавшую в себе картину, а на челе, устах, очах беспрестанно образовывались новые капли.

[237] Вере в чудеса препятствует необдуманное легкоеверие, а осмотрительное сомнение – способствует, дабы благодаря строгому исследованию, словно бы от полировочной обтирки, одновременно и его основательность была испытана, и истинность воссияла. Так вышло и здесь: ибо Гонсало прежде всего позвал к себе домой Медорио Анджелино, римлянина, кто нарисовал сей образ, дабы выяснить, но происходит ли случайно этот пот из самого состава красок. Художник явился и, удивлённый чистейшей прозрачностью влаги, слегка коснулся пальцем капель, растёр, поднёс к ноздрям и, поскольку не смог обнаружить в них ничего ни пахучего, ни маслянистого, внимательно всё обдумав, объявил, что, как ему кажется, [вещество], образующееся на образе, совершенно сверхъестественно; исследование его цвета, запаха, густоты и других свойств не оставляет никаких сомнений, что ни природа, ни искусство отнюдь не способны произвести такого чуда.

[238] Ничуть не довольствовавшись этим, казначей послал верного человека Андреа Лопеса в ближайший коллегиум Общества Иисусова, чтобы он привёл отцов по именам Дидако Мартинес и Дидако де Пеньялоса, однако, не сообщая ни тому, ни другому, ради

чего зовёт их в такой час. О. Пеньялоса пришёл в сопровождении коадьютора Франсиско Лопеса, ибо о. Мартинес задержался, а приблизился третий час ночи. Оба вошли и, кратко помолившись для начала, приблизились к алтарю, долго и внимательно осматривали продолжавшее потеть лицо; наконец, попросив ваты, слегка отёрли жидкость. Однако, чем больше они её вытирали, тем больше выступало нового пота; ибо Пеньялоса вновь промокнул его сухой ватой, и вновь потекли за капельками капли, за струйками – струи. Затем он приложил бумагу, чтобы посмотреть, не содержится ли в жидкости что-нибудь жирное из состава масляной краски; бумага промокла, но вскоре высохла, из чего следовал вывод, что пропиталась она чистой водой. Целых четыре часа и более длилось священное знамение, и все кругом удивлялись, что, ничуть не лишившись цвета и красоты, оный всесвященный лик после истечения пота предстал ещё прекраснее и ярче обычного. Но сей пот исчез не совсем без следов, ибо они оставались явно видены под бородой и до края рамы ещё долгие годы и пятилетия. Оставалось провести законное исследование и рассмотрение от лица, наделённого общественными полномочиями, чтобы с большей очевидностью подтвердить подлинность чуда. И вот, архиепископ Лимский, Владыка Варфоломей Лобо Герреро, собрав согласно предписаниям сведения, назначил судьёй доктора Хуана де ла Рокка, настоятеля и архидиакона кафедрального собора, который в присутствии секретаря – пресвитера Хайме (Jacobo) Бланка, – выслушав единогласные свидетельства всех, кто присутствовал при том явлении, по порядку выслушал описание события и поручил писцу составить надлежащим образом составить о том протокол.

[239] Между тем Гонсало, жену, семейство объял глубочайший страх, что сие знамение случилось в их доме, возможно, из-за их собственного или кого-нибудь из домашних тайного прегрешения, и несчастным грозит неизбежный удар кары Божией. Однако сей [страх] Роза, понимавшая всю суть загадочного явления, легко развеяла, спокойным и безмятежным голосом велел им не бояться, ибо чудо сие не пророчит ничего ужасного, ничего зловещего или жуткого, и всё, ради чего оно свершилось, заключается лишь в том, чтобы благодаря ему узрели и вняли, как горячо жаждет Спаситель быть любимым всеми, что Он показал самым потным ликом Своим и необычайным обилием потока [влаги]. [Она добавила, что] то было наглядным проявлением (*proscenium*) несравненной божественной Любви, призывающим людей к ответному чувству; что образ Искупителя не только устами, но всеми порами восклицает: «Воздайте любовью Любящему вас!» А кто бы услышал поры, разрываемые сим криком, если бы они не стали сочтаться потом?

Роза ещё не окончила говорить, как жене Гонсало вспомнились огненные речи, кои дева обращала к образу перед тем, как он стал источать пот, сопоставила прежние события с последовавшими и обнаружила, что они на диво согласуются друг с другом.

И все до единого, кто воочию услаждался зрелищем пота, не менее откровенно признавались, что ощущали при виде онога небывалые, острые, необычные порывы божественной любви – и сие было то, чего дева столь пылко и рьяно допрашивалась. Возлюбившие [же Его] так ненасытно повторяли моление: «Да вспыхнет пламенем любовь, и в ближних огонь пусть загорится» (Гимн. Св. Амвросия Медиоланского: «*Nunc Sancte nobis Spiritus*». – прим. пер.).

[240] И чудо не остановилось на том, но породив новое чудо, как свою истинность подтвердило, так укрепило и руку Розы, и веру её. За несколько дней до того (ибо ведь был понедельник Пасхи) Роза, случайно споткнувшись, ударилась оземь и тяжело

повредила руку. Хирурги, устрашённые видом опухоли и синева, рассудили, что либо дева в дальнейшем останется с увечной конечностью, либо, по крайней мере, ей предстоит чрезвычайно продолжительная мука лечения с неопределённым итогом, так что куда меньше случилось бы вреда, если бы они извлекли разломанные на части кости. Роза по своей привычке к страданию и покорности судьбе восприняла сие спокойно, словно речь шла о чужой руке. Тем не менее однажды, откровенно разговорившись с женою Гонсало о знамени с потевшим образом, она внезапно почувствовала прилив уверенности в исцелении, стоит лишь приложить к разбитым сухожилиям и мышцам её руки вату, смоченную в чудесном поте с образа. Казначеева жена, как бы поймав деву на слове, немедля принесла вату и повелела бинты развязать, а клочок приложить. Дева медлила, страшась, что преждевременно лишится страданий, кои она желала подольше терпеть ради любви к Жениху; оправдываясь тем, что ей ни в чём не должно предвосхищать решение духовника. Однако, дабы не показалось, что она пренебрегает предложенным ей целебным даром, сама же немедля направилась к духовнику в храме св. Доминика, с присущей ей ясностью изложила суть дела, испросила указания. Духовник приказал ей отнюдь не откладывать, а пойти, поспешить, приложить вату и предаться милости Божией. Было сделано, как он велел.

[241] Пробыло полдень, когда донна Мария де Усатеги по возвращении Розы домой сама обнажила ей руку, обмотала ватой, вновь наложила повязку. Затем дева поторопилась в моленную, а выйдя оттуда через два примерно часа, показала руку, всюду здоровую и гнущуюся. Хозяйка, возрадовавшись, стала расспрашивать, как да когда случилось исцеление, на что Роза молвила: «Едва я расположилась в часовне, чтобы помолиться перед святым образом, как с чрезвычайно сильной судорогой почувствовала, что вывернутые сухожилия вернулись на свои места, опухоли спали, мышцы разжались, однако я не захотела сразу же выйти, не воздав сначала подобающего благодарения небесному Врачу, что меня несколько задержало. Возьми же вату, возьми бинты, ведь они все в целости». Столь внезапный знак милости Божией (*beneficium*) возбудило у каждого в доме безмятежную радость; все дивились – и прежде всего хирурги, которые накануне опасались, что все притирания и труды пропадут зря, ибо рука казалась им безнадёжной и никакому лечению не поддающейся, так что они даже не боясь двусмысленно намекали, что она-де неизлечима.

[242] После этого Гонсало постигла более страшная пора, но благодаря новому утешению, явленному Розе, она вскоре миновала. По городу пополз неверный слухок, будто решено священный образ из частной моленной забрать, ибо он достоин находиться в общественном и более известном месте. Сия молва терзала казначея, супругу, дочерей, ибо они чрезвычайно болезненно перенесли бы лишение возможности домашнее своё и родовое сокровище ежедневно созерцать, почитать, радоваться – прежде всего потому, что Роза многократно утверждала, что сие благодатное изображение Спасителя для всего дома спасительно; что через него божественное милосердие особенным образом творит свои великие дела; что от него часто исходят благословения вышней милости. Но отважная дева, как узнала, что тревожного Гонсало мучает сей страх, молвила: «Ничуть не сомневайся, отец мой (ибо она приучилась величать его с женой родительским званием), и, повторю, не бойся; ибо сии знамения благостный сей Спаситель даровал нам не для того, чтобы показать, будто вскоре Он покинет сей дом; Он соизволит пребыть с нами – в этом будь верен. Ведь, если ради славы недавно свершившегося чуда они намерены забрать отсюда оную картину, то необходимо им забрать вместе с ним всю моленную вместе с остальными святыми иконами, поскольку большинство их отмечены знаками милости Божией к нам и таинственные знамения бьют ключом от них».

[243] Что это так и есть, они давно поняли по тому, с какой нежностью, благоговением, почтением Роза обращалась по отдельности то к тому, то к сему образу, находившемуся там – словно бы [отмечая,] откуда на неё веет более обильное дуновение благодати Божией. На алтаре моленной был выставлен образ маленького Иисуса, исполненный в прелестных оттенках; на него дева весьма часто бросала горячие взоры; к нему обращала обильные воздыхания из глубины сердца; по нему томилась; и не хватало всей её осмотрительнейшей скромности, чтобы, как под завесою, утаить глубинное своё пристрастие к оному [образу]. Сие украдкой заметила Мария де Усатеги и с благоразумной обходительностью выпытала обиняками у Розы, что за этим скрывалось. Прямодушная Роза призналась, что при всяком взгляде на эту картину её исполняло новое тепло и радость, сердце подпрыгивало, дух воспламенялся, потому что видела, как оный Богомладенец ей то с ласковой улыбкой молвит приветствие, то нежным излучением пронизет душу, порой даже протянет короткие ручки, словно вот-вот готов сам ринуться Розе в объятия. Рассказав это, она зарделась и не смогла удержаться от того, чтобы не возвысить сильнее голос, произнеся увещание: «О матушка, цените же сего небесного Малыша; служите сему Господу; поклоняйтесь, почитайте, любите сего Царя славы, Который непрерывно через крохотную иконку осыпает нас столь громадными дарами; готовый излить большие и обильнейшие, лишь бы мы захотели принять». Сразу вслед за тем она вновь заговорила о вышеупомянутом изображении взрослого Спасителя нашего и призналась, что оно доставляло ей глубочайшее ободрение и укрепление и что оно производит в её душе и теле некоторые действия, весьма подобные тем, что она чувствует при принятии Св. Тайн. Наконец, она восстенала в сетовании на то, что столь малочисленны и редки те, кто Господу столь нежному от чистого сердца воздаёт любовью за любовь; сие ей казалось совершенно непереносимым горем; она желала обрести такое мужество (sexum), красноречие, силы, чтобы побудить все страны земли любить единственно лишь Иисуса Христа, ибо ведь того же самого некогда желала серафическая её матушка и наставница, да при всём том радении корила себя саму за то, что радеет недостаточно.

ГЛАВА XIX. НЕЖНЫЕ ЕЁ ЧУВСТВОВАНИЯ КО ДВУМ ОБРАЗАМ БОГОРОДИЦЫ

[244] Те события, о коих мы здесь и расскажем, почти что повторяют (gemella sunt) вышеописанные; но предварительно следует поведать хотя бы о малой части из множества знамений, совершившихся от того знаменитейшего образа, что от самого начала прихода христианской веры первым прославился во всём Перуанском королевстве прилюдными чудесами, и в особенности Розе нашей был чрезвычайно мил да любезен.

Это изваяние из неизвестного рода древесины высотой в человеческий рост, в коем искусно воплощён прекрасный облик взрослой Богородицы, держащей на локте Младенца Иисуса, а другой рукой протягивающей миру свой Розарий. Христиане привезли её с собой из Испании при завоевании Индий (Южной Америки. – прим. пер.) для защиты и торжественно разместили её в одном первых сооружений города Лимы, первом в тех местах храме истинной веры (получившем имя в честь святейшего Розария), что был пристроен к замечательному монастырю Братьев Проповедников. Он тут же прославился как весьма успешный источник распространения веры, ибо как только в сем храме (что являлся тогда единственным) был учреждён приход, названный в честь св. Розария и вверенный опеке Пресвятой Девы, открылся там первый очистительный родник наставления оглашенных, где неверные, наученные

поклоняться истинному Божеству, начинали чрез врата крещения допускаться в овчарню Христову; здесь, наконец, совершались все священнические рукоположения (Sacramentorum administratio) для других мест, где учреждались святые храмы, и словно бы из единого целомудренного розового сада владычнейшей Царицы Небесной весна нарождающейся веры пышно распространялась всюду кругом.

[245] В 1553 году близ Каксагуана (Саксайуаман – цитадель и храмовый комплекс. – прим. пер.) в Куско и соседних областях собралось в строю свыше двухсот тысяч индейских язычников, дабы скорее уж растоптать, нежели сокрушить католическое войско, насчитывавшее не более шестисот человек. При христианском воинстве было несколько иноков из Ордена проповедников, и после того, как они призвали на помощь Царицу святейшего Розария, при столкновении рядов обеих сторон стала с обеих же сторон явственно видна в воздухе Пресвятая Дева в облике преславного своего Лимского образа, простёршая на врагов розгу и грозящая им, коли не отступят, гибелью. Идолопоклонники, поражённые вышним зрелищем, предпочли не испытывать судьбу, а запросить перемирия, и, вместе с оружием отбросив упорство, поспешили с радостью возложить на себя иго веры. Вслед за тем народное почитание священного образа возросло, а вместе с молвою о столь великом чуде королевство и вся область наполнилась дивными плодами спасительного благочестия.

[246] В год 1643-й в шестой день до майских ид (10 мая. – прим. пер.) католический король, возжелав надёжнее вверить заступничеству небесной Девы-Матери своё Перуанское королевство от грозящих оному невзгод, поручил всем жителям во время общественного обряда избрать Её Защитницей и одновременно прочнейшим образом прикрепить к какому-либо Её святому образу (только бы он был паче прочих известен во всём краю и прославлен чудотворениями) в качестве сообща собранного подношения постоянную табличку [, гласящую, что тут место] общественного прибежища. Сие было исполнено: вице-король с архиепископом, окружённые с обеих сторон как церковными, так и светскими старейшинами королевства, держали совет и, проголосовав, выбрали лимский образ Владычицы Девы святейшего и преславного Розария и, устроив общественный молебен (на который явились как они сами, так и иноки каждого из орденов, а заодно и вся судейская коллегия), посетили его в понедельник после воскресенья «Quasi modo geniti» («Как новорожденные младенцы» – интроит второго воскресенья после Пасхи на слова 1 Пет. 2: 2, 3. – прим. пер.) в его собственном Розариевом приделе у братьев-проповедников. Тогда же изваяние Богоматери Розария в блистании имени, начертанного на развёрнутых знамёнах каждого полка, и табличку в торжественной процессии вынесли на общее обозрение (что ежегодно совершается в восьмой день октября – месяца святейшего Розария) под многократные взрывы рукоплесканий тысяч людей, разместившихся на площади. И в остальное время года не бывает недостатка в постоянном стечении народа, особенно всякий раз, как или землетрясение, или эпидемия заразы, либо другая общественная или частная нужда призывает горожан обратиться к своему прибежищу. Поведав вкратце о розоносном (Rosea) образе, перейдём теперь к Розе.

[247] С детства сие место стало для Розы (точно если бы она была не иначе как из железа) магнитом и сидеритом (здесь то же, что и магнит, только по-гречески. – прим. пер.), до того сей святой образ притягивал, до того удерживал девочку. Кое-чего мы коснулись выше; а далее последует прочее.

Когда в том Розариевом приделе Роза пред сим изображением Девы принимала хабит Доминиканского ордена, при сем обряде присутствовала её плачущая мать, и тут она

увидела, что её дочь по дивной милости Богородицы поднимается в небо; посему, исполнившись веселия, легко уняла слёзы и в молчаливом ликовании порадовалась за счастливую дочь. Возвышенное то было видение, и стоит рассмотреть его, ибо Та, Кто таковым споспешением удостоила послушницу Свою вознестись над звёздами, действовала здесь как врата небесные. Всякий раз, как Роза решалась попросить для себя или других какой-нибудь значительной или особенной помощи, она коленопреклоненно склонялась в молитве у алтаря святейшего Розария, где внимательнейше вглядывалась в лицо дорогому ей образу и после нежных бесед, облечённых огромным доверием, обретала от одного облика прорицание. Казначеева жена часто замечала, что когда Роза возвращалась из придела, по ней было заметно, что она получила новое утешение и сама старается его скрыть. Ведь в большинстве случаев она так пылала от радостного волнения, что сии признаки отнюдь не могли укрыться от хорошо знавшей её благочестивой наблюдательницы и обмануть её; посему по праву заботы о семействе она осмеливалась вызывать скромницу на откровенность, говоря: «Нынче, о Роза, как видно, опять на нас прольются милости». На что смиренная дева, слегка улыбнувшись, молвила: «Вскоре достолюбезная оная Царица Небесная осыплет милостями негоднейшую сию грешницу». Памятуя же, что сия жена Гонсало присутствовала при допросе, описанном выше в гл. XIV, причём от неё получили сведения о весьма многих и важных её тайных делах, видениях, разговорах с сим образом, Роза в дальнейшем менее откровенно рассказывала сей даме о большей части тех [явлений], которые допросчику своему прежде описала с должной ясностью.

[248] Будучи среди прочего спрошена о том, каким образом она воспринимала речь Богородицы, обращённую к ней от сего образа, Роза с величайшей простотою ответствовала, что дивный сей род изъяснения без слов, звука и движения уст проявлялся исключительно в сочувствовании (*sympatheticum*), и только лишь лик изваяния (*iconis*) различными излучениями от пребезмятежного чела, словно бы некими знаками и намёками, так понятно, точно и ясно передавал мысли и чувства относительно сложившихся обстоятельств, что никакое самое изошрённое красноречие не смогло бы лучше это выразить. [Она добавила, что] в лице божественного Сыночка содержалась та же сила, и в обоих, словно бы в живой и одушевлённой книге, она куда яснее могла прочесть чёткие ответы, чем если бы видела их записанными или нарисованными немymi начертаниями; сими как бы вверенными ей знаками задушевных помышлений в её душе пробуждалось некое светлое понимание, с помощью коего она без слов (*discursu*) во всё проникала и ясно постигала; наконец, у обоих изваяний в устах, ланитах, очах содержался как бы циферблат (*horologium*) таинственной красоты с соответствующим набором знаков, не изъяснимых никакими средствами языка, однако куда более точных, чем человеческая речь.

Говорят, Роза обретала всё что угодно, о чём горячо молила владычнейшую Царицу Розария перед священным сим образом. Посему, когда её часто просили помолиться о том о сём, она, если было видно, что это пойдёт на пользу государству или какому-либо частному лицу, безропотно принималась за эту задачу и, возвратившись затем от священного образа, обещала благой исход с такой уверенностью, будто получила грамоту о даровании благодати.

[249] Случилось однажды по попущению Божию так, что завистливый сатана всеял в некую монашескую общину Лимы плевелы раздора. Несчастный сорняк рос, и то, что поначалу было лишь столкновением мнений, из-за увлечения противостоянием

понемногу дошло до порчи отношений не без нарушения мира и оскорбления Божества, Коему неуютно обитать там, где мира нет. Духовник сообщил Розе о нарастающем зле и поручил ей отправиться в придел святейшего Розария, где, излив молитвы пред образом Богородицы, вверить нужду бедствующей оной общины Матери милосердия и не оставлять усилий, доколе не вымолит для неё благодати и споспешения. Дева, чудесно склонная к служению на благо ближним, повиновалась, отправилась в придел, излила мольбы, но вопреки обыкновению вернулась домой опечаленная и удручённая духом. На следующий день, возвратившись к подножию священного образа, она дольше преклонялась, горячее молилась, прибавила слёз и, замерев на продолжительное время, со спокойным терпением ожидала милости лишь от лика Богородицы и не поднималась с места, пока не поняла, что услышана. Наконец, преисполнившись внезапной радости, она встала на ноги и, преблагоговейно воздав благодарение Деве-Матери, радостная поспешила домой. Казначеева жена оба раза тайком подмечала выражение лица Розы, когда она возвращалась домой, и, поразившись разнице, спросила, что произошло нового. На что дева сжато, сколько той полагалось знать, ответила.

[250] Но немного позже, будучи долее тщательно допрошена духовником и не смея ни о чём умолчать, она откровенно изложила всю цепочку событий: как накануне при коленопреклоненных молитвах она заметила, что у обоих – как у Богородицы, так и у Сыночка Её – лица не просто стальные, а сверх того – окаменелые, суровые, неумолимые и нахмуренные от явного негодования; и поскольку она вотще пыталась смягчить Сына чрез Мать, то после необычного такого отказа возвратилась домой в глубочайшей печали. Затем, как на следующий день она многими слезами в итоге склонила Божию Матерь к заступничеству, а Сын сказал, что не невозможно ему примириться со столь упорствующей в разладе общиной. Как вострепетало опечаленное сердце её, слыша спор Матери и Сына, в коем Она настаивала на милости, а Он – на справедливости и наказании. Как, наконец, одолеваемый стенаниями нежнейшей матери, отступил обезоруженный гнев Сына. Как Он уже спокойнее, благостно улыбнувшись Матери, затем всемилостиво воззрел и на Розу – откуда духовник несомненно заключил, что милость уже обеспечена и успех почти в руках. Так и вышло: ибо вскоре разделённые души чудесным образом срослись, исчезло яблоко раздора, лопнул сатанинский клин, распиравший трещину. Пускай учтут все те, кто затевает разделения в иноческих сообществах, сколь мерзкое Богу, сколь угодное злым духам, сколь гибельное для ближних учиняют дело.

<...>

(Нами пропущена Гл XX. «Почитание ею спасительного Распятья и образа св. Катерины Сиенской». – прим. пер.)

ГЛАВА XXI. ПЫЛКОЕ ЕЁ БЛАГОГОВЕНИЕ ПРЕД СВ. ТАЙНАМИ, ЗА ВЕРУ В КОИ ОНА ГОТОВА БЫЛА ПРИНЯТЬ МУЧЕНИЧЕСТВО

[270] ...Сию пищу Бог по милости Своей уготовал нищему, напомнив, однако, ему: «Я пища для взрослых: расти и ты вкусишь Меня» (Св. Августин. Исповедь, VII.X.16. – пер. М. Е. Сергеенко). Роза ещё не выросла из детских лет, а уже вкушала её; но духовники сочли, что она уже выросла духом, когда позволили ей в столь нежных летах принять участие в священном пиршестве, что доставляет царские яства (ср. Быт. 49:20). И даже каждые две недели девица с их согласия укреплялась божественным сим питанием; она предпочла бы чаще, но тогда ещё не получила разрешения ходить без матери в

церковь. Как хорошо выразился медоточивый Бернард в своём ликующем восклицании: «Кто Тебя отведал, алчет!» (из гимна к празднику Св. Имени Иисуса, приписываемого св. Бернарду Клервоскому. – прим. пер.) – ибо у Розы от частого причащения до того возрос голод по вкушению Св. Тайн, что едва она стала немного взрослее, ей позволили священную Евхаристию трижды в неделю.

[271] Но и этого было недостаточно, ибо если случался большой праздник или торжество, она даже четырежды, а то и пять раз в седмицу божественным сим Яством с величайшим упоением насыщалась. Духовники, когда основательно узнали состояние её души, с лёгкостью дозволили ей причащаться так часто, единодушно потом свидетельствуя на канонизационном процессе, что в духе её обнаружилась столь прозрачная чистота и столь блистающая невинность, такой голод по Евхаристии, столь могучий пыл благочестия, что с тех пор никогда не посмели бы удерживать деву от участия в столь великом столь великом таинстве. Поэтому она легко добивалась, чтобы то на Пасху, то на торжество Тела Христова ей позволялось всю октаву ежедневно кормиться сим изысканным Хлебом ангельским. Причём, дабы избежать человеческого одобрения и не проявить чрезмерной оригинальности, она в каждый из сих дней тщательнейшим образом выбирала иной час, то пораньше, то попозже приступая к святому Причастию, ведь небесную драгоценность (как научает Григорий) скрывают, чтобы сохранить (св. Григорий Великий, Слова на Евангелия. 11.1. – прим. пер.), а кто делает то, чего не делает никто другой, тому дивятся все («qui facit, quod nemo, mirantur omnes» – афоризм, приписываемый св. Бернарду Клервоскому. – прим. пер.).

[272] То ещё достойно упоминания, что дева при таковой частоте причащения и одновременно таковой светлоте незапятнанной своей совести, тем не менее, всякий раз, перед тем как приступить к божественному Яству, предваряла его таинством исповеди; и [подходила к ней] не поверхностно, а с таким тщательным исследованием совести, с таким порывом к сокрушению, с таким обильным плачем и слезами, словно бы в течение целых недель и даже месяцев совершенно была лишена обоих таинств. Накануне святого Причастия она суровее истощала хрупкое тело своё бичеванием и строгим постом, дабы голод душевный сопровождался алчною телесной; украшала сокрытое в глубине ума свадебное ложе для грядущего Жениха чувствами благоговения, смирения и любовной тоски; возжигала светильники благочестивых размышлений (прежде всего, по книжке Луиса Гранадского, озаглавленной «О молитве»); кадила в обители сердца своего драгоценными ароматами воспламенённых чаяний и собирала целиком семейство всех своих способностей и сил на услужение дорогому Гостю, Коего на следующий день ей предстояло принять у себя. Притом к сим упражнениям она прилагала такое старание и попечение, как будто ей за всю жизнь предстояло лишь один-единственный раз причаститься. А уж когда она приступала к самому страшному оному Таинству, то каков был пыл благоговения у сей ревностнейшей девы, какова благоговейность в выражении лица и движениях, каково горение разжженного духа, описать невозможно иначе, как повторив здесь то самое, что начертано о поклонении Катерины Сиенской при приятии ею евхаристической толики. Тут как перо, так и кисть нужны поистине ангельские. Однако и Всевышний не позволил совсем скрыть это, многократно воочию являя на лице Розы отблески внутреннего пламени, проблески и лучи, когда душа её возжигалась приятием божественной гостии.

[273] Однажды в понедельник по Пятидесятнице, когда священнодействовал генеральный проповедник о. бр. Антонио Родригес, Роза вместе с прочими верными

преклонила колени у обрешётки алтаря, дабы принять евхаристию. Когда священник подошёл к ней со священнейшей гостией, он увидел, что лицо девы полностью пылает, и отчаянно перепугался, ещё не будучи осведомлён, что знаменует дивное сие и внезапное блистание. Но впоследствии из частого повторения того же самого знамения он уразумел, что у Розы внутри при соприкосновении со священнейшей гостией внезапно вспыхивал костёр любви, такой яркий и мощный, что даже плотский лик её обращался в пламенник. Магистр бр. Луис де Бильбао после мессы в том самом приделе, поднося деве святое причастие, весьма часто замечал, что лицо её исполнено такого небесного сияния, что из-за яркости блеска опасался за свои глаза, как бы неспособные вынести той лучезарной славы, коей воочию пламенела лепота благодати и каковую Хлеб ангелов чудом преобразовывал в ангельскую (как он выразился) красу.

[274] Магистр бр. Хуан де Лоренсана, на своё счастье поражённый чрезвычайно схожим явлением, воспользовался этим случаем, чтобы лучше познакомиться с Розой, которую доселе никогда не узнавал в лицо. Он литургисал в Розариевом приделе, а после Приношения стал раздавать там простому люду, пришедшему приобщиться, Св. Тайны. Когда он подошёл к Розе (которая, чтобы принять святую гостию, приподняла край вуали, обнажив на миг лицо), увидел облик прекраснее человеческого – светозарный, белоснежный, блистающий и осиянный некоей небесной красой. Он прошёл мимо, уверенный в том, что таковое светозарное благолепие не принадлежит к нашему бренному миру. Потом, задумавшись, он молвил в себе: «Кем бы ни была сия дева, она, должно быть, в великой милости у Бога. Вот бы можно было узнать глубины души столь светлой и пылающей!» Его желание осуществилось, как он менее всего ожидал; ибо Вышнее Провидение поставило его потом не только духовником Розе, но и наставником, коему дева до самой смерти оказывала послушание, словно бы монастырскому своему настоятелю.

[275] Когда о. бр. Бернардо Маркес, ещё будучи послушником, прислуживал священнодействовавшим в Розариевом приделе [иереям] и по обычаю после священника обходил причастников с чашей для омовения, то всякий раз, как приостанавливался с чашей перед Розой, чувствовал исходящий от девы жар, точно из печи, так что однажды подумал, что обожжёт руку, когда подавал сосуд и брал обратно. Хотя тогда он по молодости лет не постиг чуда и, довольствуясь молчаливым изумлением, проходил мимо, однако спустя 15 лет после кончины девы, уже будучи священником и зрелым в суждениях, поведал под присягой о случившемся знамении, добавив, что от такового священного жара его грубое отроческое сердце в итоге возгорелось сокровенным почтением перед присутствующими Тайнами, что у него на виду принимались с таковым благоговением и пылом.

[276] Бог изволил, чтобы посредством сих наружных и чувственных [проявлений] хоть в какой-то мере выразилось вовне, какой пламень благочестия горел у неё внутри. А когда к ней телесно подступал Тот, Кто пришёл огонь низвести на землю (ср. Лк. 12:49), тогда и Роза оказывалась не иначе как среди серафимов, как бы по всему эмпирею ходящей «среди огнистых камней» (Иез. 28:14). Отсюда в этой душе и дивные оные явления, столь соприродные и родственные сему Таинству, которых никто не знает, кроме того, кто получает (ср. Откр. 2:17). Повинуясь приказаниям духовников, дева пыталась кое-что из сих [явлений] поведать, но запинаясь почти на каждом слове по причине недостатка соответствующих выражений и, не зная, как изъяснить их иначе, лишь повторяла, что они неизъяснимы. Однако молвила, что от девственного Божия тела (т.е. евхаристического Хлеба. – прим. пер.) в её душе разливается некая дивная кротость небесного Агнца и что одновременно при вкушении сего

достославного брашна в ней оживляется необычайная крепость, что силы восстанавливаются и свежают благодаря как бы некоему подобию пресуществления её духа в сие божественное Яство, вкусное, сочное, всеукрепляющее; и что при этом в её сердце сияет покойная ясность вышнего мира (sphaerae), тихая, безмятежная, никаким сравнением не передаваемая. Притом, стыдясь скудости своего красноречия, она даже не пыталась хоть что-нибудь рассказывать о безмерном ликовании от тесного единения со вселюбезным Женихом, о возвышенной отраде, о духовном вкусе истинной сладости, что она вкушала из самого его Источника, о превосходных, многочисленных, обильных плодах [духовных] и прочем подобном – довольно было при том либо вовсе промолчать, либо вкратце заявить, что нет в сем низменном мире никакой радости, веселия, ликования, что можно было бы хоть отдалённо (umbratenus) уподобить отраде сего роскошного Пира, где безмерно изголодавшаяся душа попадает на пажити достойные к Богу, за трапезу сынов, на грудь Слова воплощённого, Единственного, Кто алчущих исполняет благ (ср. Лк. 1: 53).

[277] Сие из уст девы услышал её духовник о. магистр де Лоренсана, который, присутствуя и при её смертном часе, когда она в исступлении с трудом проглотила священную гостию, преподанную ей в качестве Предсмертного напутствия, проводил её несколькими словами: «Теперь, дочь, возрадуйся Жениху своему и одна на один усладяйся с Ним, ибо поистине пресладостен Он; проси, да исполнит Он тебя по обычаю Своему ныне тех же благ, что и прежде!»

Также и другой духовник Розы вспомнил, что она обычно говорила, будто при священнейшем причащении ей казалось, что принимает в сердце само солнце с небес, ибо то, что солнце видимое делает в мире, когда оно оживляет всё светом и теплом, когда украшает землю цветами и плодами, когда одаряет моря жемчужинами, а недра гор – драгоценными камнями да металлами, когда птичек небесных увеселяет, растения и животных ободряет, и, разлив сияние во все края огромного небосвода, просветляет его, воспаляет багрянцем, золотом, то же самое в пустых пространствах души её творит истинное присутствие Тела Господня.

И, возможно, для того дано было деве свыше, что евхаристический Хлеб (species sacramentales) в её желудке чаще всего сохранялся семь-восемь часов, прежде чем раствориться от утробного тепла, дабы в это время благоговейное её сердце крепче раскалилось под сим божественным Солнцем и сильнее согрелось от близости животворящего Таинства.

[278] Чтобы сии солнечные явления не остались совсем безвестны, Христос устроил так, что от них произошли два внешних чуда, сказавшись даже на хрупком теле Розы: укрепление и насыщение. Укрепление от св. причастия подметила в дочери мать; ибо всякий раз, как Роза отправлялась с родительницей в храм приобщиться Св. Тайн, она после вчерашнего поста, самобичевания и бдения была так изнурена, бледна и обессилена, что часто по дороге им обоим приходилось делать там-сям в переулках остановки, чтобы утомившаяся дева могла перевести дух. Но подкрепившись толикой божественного Брашна, она при возвращении из храма домой опережала мать, да ещё и подгоняла, словно бы, укреплённая оной Пищей, готова была идти аж на гору Хорив (ср. 3 Цар. 19: 6-8). О телесном же насыщении евхаристическим кушаньем сама Роза сообщала то духовникам, то домашним своим. Ибо по возвращении домой и едва-едва скинув мантилью, сразу направлялась в свою тайную комнату, где, запершись, до поздней ночи размышляла о величии принятого дара и не выходила ни повидаться ни с кем, ни поговорить.

[279] Когда её попросили поесть, потому что она казалась предельно изнурённой вчерашним постом, и напомнили, что в Воскресенье пост не обязателен, она ответила, что, чрезвычайно насытившись за Трапезой Господней, иной пищи пока принять не в силах – до того, что, как она заметила, без чрезвычайных усилий и мук не может ни кусочка хлеба проглотить, ни глотка воды хлебнуть. И вот, поскольку само собой подтвердилось, что это так, все прекратили назойливо говорить ей о еде; так что дева пребывала в своём сытнейшем пощении до вечера, а часто и до следующего дня. Случилось так, что Роза с разрешения духовника как-то в течение целой октавы ежедневно утолялась Таинством алтаря и тогда же целые восемь тех дней воздерживалась от всякого телесного пропитания, поскольку возвышенное оное насыщение не только отбило у неё охоту ко всей прочей пище, но и просто сделало её в то время неспособной вместить кукую-либо иную еду. Это в высшей степени похоже на то, что изображено в жизнеописании св. Катерины, дабы явственнее было видно, что ими обеими двигал один и тот же дух.

[280] Впрочем, с каковым благоговением Роза обычно почитала сии Дары где бы то ни было – приносимые ли в жертву на мессе или выставляемые для поклонения на алтаре, – мы в общих чертах обрисовали выше. Притом она слушала все мессы, сколько их ни служили в обители братьев-проповедников; там она и пребывала до полудня в таковой неподвижности и молчании, с чем не мог бы сравниться и камень, закреплённый в своём центре [тяжести]. И поистине священная гостия была для Розы своеобразным центром [притяжения], и где бы ей ни удавалось её уловить взором, туда целиком увлекался вес любви её, так что даже замечено было, как она целыми часами не упускала из виду жертвенник почти (а возможно и не «почти») ни на единое мгновение ока, и уж конечно, ни на миг не отворачивала от него лица. Знакомые и незнакомые проходили позади коленопреклоненной девы рядом и едва не бросались в глаза, однако она тогда никого не узнавала, и даже ресницы её не вздрагивали, ибо она была совершенно поглощена происходившим на алтаре [Таинством], созерцание коего вторжение иных предметов не могло затмить, пожалуй, даже вскользь.

[281] Также дева сохраняла незыблемое внимание, когда досточтимые Дары выставлялись в монстранции (hierotheca) для поклонения народу, как бывает при общественном 40-часовом молении; тогда Роза непрерывно пребывала на коленях с утра до вечера совершенно неподвижно, позабыв о еде, и даже ни глоточка не выпивала, чтобы освежиться, довольствуясь ликованием и усладой, что получала от телесного присутствия Жениха. Так, в течение всей праздничной октавы, следующей за торжеством Святейшего Тела Христова, она проводила целые оные дни перед выставленной на всеобщий обзор дарохранильницей со св. Тайнами к удивлению, прежде всего, духовников: откуда в столь истощённом тельце берутся силы выстаивать на коленях так долго, непрерывно, строго, ещё и днями выдерживая посты. Казалось, что твердость камней – твердость её, и медь – плоть её, на недостаток чего у себя сетовал неодолимейший Иов (ср. Иов. 6:12). Притом последние четыре года жизни своей в Великую (как мы её называем) неделю, когда по обычаю поклоняются священному Телу Христову, заключённому в «гробницу», Роза, безотрывно находясь при оной, не отходила оттуда и ночью, и с места, где в четверг преклоняла колени, не вставала, доколе в последующий день Великой пятницы божественное оное Сокровище (с коим всегда было сердце её (ср. Мф. 6:21)) не переносили обычным обрядом в дарохранильницу. При этом, позабыв о голоде, жажде, усталости, она была целиком захвачена служением возлюбленному, с таким почтением и благоговением, что в течение всех 24 часов не смела в Его присутствии ни присесть, ни прислониться к

стене.

[282] Она была не менее внимательна к сему досточтимому таинству, даже когда оно не было у неё на виду. Всякий раз, как в беседе либо из её собственных, либо из чужих уст исходило упоминание святейшего Таинства алтаря, Роза глубоким склонением головы и всего тела свидетельствовала ему почтение. Когда бы Роза ни слышала издали благовест, дающий знак к поклонению Св. Дарам, или звон колокольчика, громко возвещающий их Пресуществление (*sacris ejusdem solemniis*), она была не в силах сдержать внезапных проявлений искренней радости без того, чтобы сердце её и плоть не восторглись к Богу живому (ср. Пс. 83:3). Лицо её живее загоралось румянцем, и радовался дух её о Боге, Спасителе её (ср. Лк. 1:46). И никогда она не могла насытиться слышанием торжественных восхвалений неизреченного сего таинства и, обладая на диво счастливой памятью, единожды услышав оные, по прошествии лет воспроизводила их буквально.

[283] Не было для неё никакой работы отраднее, чем пойти украсить дарохранительницу, алтарь или – в Великую неделю – св. Гроб. Посему с таковым благоговением шила она платы, кои мы именуем «корпоралами», салфетки и завесы для алтарей, шёлковые покровы для чаш и со всяческой благочестивой изобретательностью, искусством и изяществом изготавливала всё, что только смогла изучить, из тканых украшений для священной сей утвари. Сверх того, отнюдь не довольствуясь изображением настоящих цветов, она шёлковой нитью вышивала вымышленные, куда более изобилующие многообразными оттенками; с великими затратами времени и труда добавляла к ним светло-зелёные веточки, продолговатые листки, травинки и всякого рода растительные узоры. Матери трудоёмкое благочестие дочери не нравилось, и она с досадой переносила, что оно отнимает столько времени у Розы от прочей работы, за счёт которой она содержала родителей и бедное семейство. И вот дева, чтобы удовлетворить мать, после выполнения дневного объёма работ отводила некоторую часть ночи на изготовление алтарных украшений. Хотя и сие, как показалось духовному отцу (вероятно по наущению преувеличивающей матери), превышало её силы, Роза веско возразила ему: «Мне не хотелось бы, чтобы меня считали столь хрупкой, что единственная ночь труда над одеянием для Жениха моего могла показаться для меня слишком тяжёлой или обременительной, да и найдётся ли такая нерадивая и праздная невеста, какой показалось бы трудным посвятить ночь шитью наряда и убранства, нужного супругу, дабы он мог назавтра в приличном виде показаться на людях?»

[284] Наконец, любовь Розы к святейшему таинству Евхаристии была такова, что она предпочла бы не цветы ради него расходовать, а отдать кровь и жизнь. И подходящий случай не заставил себя долго ждать. В 1615-м году в месяце августе в Тихом океане около перуанских берегов появился вражеский голландский флот, каковая неожиданность повергла всю область в ужас. Всюду звучал призыв готовиться к бою, а клир между тем и взывал к божественному заступничеству (как подобает при общественных бедствиях), и выставлял во всех лимских церквах Св. Тайны Тела Господня для поклонения мирного населения. Наконец, в самый канун праздника бл. Марии Магдалины, увидели, что ужасающий оный еретический флот, развернув боевые порядки, прямоком ринулся в саму лимскую торговую гавань (называемую местными жителями Кальяо), словно бы намереваясь излить на сушу свои многочисленные воинства, дабы уничтожить город. Весь город сразу содрогнулся, и поступил приказ вместе с гражданами взяться за оружие и священству, ибо ведь было ясно, что кальвинисткий сей неприятель свирепейше алчет учинить грабёж и резню

среди жителей, но и осквернить святыни, разорить храмы, истребить иночество. При сем Роза, в церкви св. Доминика ожидавшая вместе с досточтимыми дамами исхода сих неурядиц, боялась лишь того, что святотатственные руки неверного народа не пощадят божественнейших Тайн, выставленных на жертвеннике, и хорошо если ноги его с жуткой дерзостью не попрут оных и не потопчут, повергнув их наземь в припадке кощунственного бешенства.

[285] Тем временем к Розе прибыл глубоко опечаленный вестник с сообщением, что враги веры выгружаются с бортов кораблей на шлюпки, далее кучами выпрыгивают на песок и толпами выдвигаются к воротам города. Пустой сей слух был порождением самого помрачённого ужасом народа, однако же он так порастил представительниц слабого пола, пребывавших с Розой в храме, что они едва не испустили дух. Лишь Роза была настолько далека от того, чтобы бояться за себя да искать убежища или укрытия, что даже наподобие торжествующей победительницы не могла сдержать проявлений огромной радости, решив, что наверняка приближается всеблаженный и столь горячо чаянный час, когда сможет она во славу выставленных там святейших Тайн излить жизнь и душу. Итак, она при случае увлекла товаров с собой в придел св. Иеронима, где с проясневшим от радости лицом, стала увещевать напуганных женщин претерпеть вместе с нею мученичество; сие, мол, чрезвычайно редкий и удачный случай пасть жертвой (*hostiam*) не иначе как на виду у самой святой Жертвы (*Hostiae*, «гостии». – прим. пер.), быть закланными, как приношение (*victimam*) пред и во имя оною Приношения (*Victima*, и ради беззащитного (*exposito*) Христова Тела отдать (*exponere*) душу.

[286] Произнеся сие со рдеющим лицом, она вынула из футляра ножницы, проворно подрезала себе одежду, края которой касались земли, закатала по локоть рукава, а остальную часть платья подтянула за пояс до лодыжек, обнажив сапоги на пробковых каблуках. На вопрос, что она такое делает, чего хочет добиться эдаким чудачеством, она молвила: «Препоясываюсь на подвиг и не хочу, чтобы тряпки мешали мне сражаться и умереть за Св. Тайны; в сей короткой одежде я проворнее взберусь на верхнюю ступень жертвенника, где за Тело Христово тело своё дам подвергнуть ранам и не отступлю, доколе не паду, всюду иссечённая клинками неверных, и даже буду молить неприятелей, чтобы не одним внезапным ударом они прикончили меня, но с жестокой медлительностью член за членом рубили на части сие тощее тело и все части измельчали на дробнейшие кусочки, дабы, занятые моим истязанием, они хотя бы на время отложили те оскорбления, кои – увы! – нанесут затем здесь присутствующему Жениху моему».

[287] Сие она произносила так, что по искристому блеску глаз, твёрдому выражению бесстрашного лица, по живости тона героического голоса и в целом по внешности мужественной девы легко было заключить, что ради евхаристического Агнца алтаря Роза готова обернуться львицей; и стоявшие вокруг женщины не верили своим глазам, видя амазонку, которая доселе была живым воплощением кротости. Дивились они, что кротчайшая дева прилюдно, откинув на плечи покрывало, в укороченной одежде, выставив подошвы, с совершенно пустыми руками, высоко препоясавшись и отважно вооружившись лишь непрочными чётками розария, в надежде на мученичество сама призывает роковой час да ещё и упорнейше угрожает смерти. Между тем, она, словно бы уже истомившись от ожидания, поглядывала, оценивая расстояние, то на жертвенник со священной Гостией, то вдруг на врата церкви, чтобы, когда войдут враги, быстрее, чем они, подбежать к алтарю, дабы там наверняка пасть. Уже кипела кровь во всех венах и артериях девы желанием излиться, но пока она готовилась к

подвигу, пока ободряла товарок примером, обликом, увещанием, пришла весть, что враг отошёл дальше от берега – причём так оно и было, ибо адмирала (archithalassus) объяла болезнь, и вскоре затем его похоронили на утёсе напротив порта. Когда страх остальных развеялся, Роза сама застыдилась тому, как коротка её обрезанная одежда, и, чтобы пристойно вернуться домой, ей пришлось в вышеупомянутом приделе дожидаться ночи, скорбя об упущенной возможности мученичества, радуясь, впрочем, тому, что родина оказалась свободна, и, особенно, что святость храмов осталась неприкосновенна.

[288] Итак, не душа избежала мученичества, но души – мученичество, столькратно и прежде, и позднее ей паче всего желанное; ибо она часто оплакивала свою участь, что по причине своего пола не может отправиться в края неверных, взыскуя тысячи смертей за Христа; скорбела, что родилась не в то время и не в том месте, где от преследований тиранов христианская кровь обагряла цирки (orchestras), площади, амфитеатры, и ей казалась бесконечным блаженство тех, кому довелось запечатлеть свою веру последней каплей крови. Она часто, вздыхая, говорила знакомой своей донне Франсиске Утрадо де Бустаманте: «О если бы представился подобающий повод и способ устроить побег в варварские края, дабы там меня за Иисусв Христа жутчайшим образом умертвили идолопоклонники!» В итоге при отсутствии иной возможности ей оставалось утешаться образами и молитвенными размышлениями о том, что она желала целиком понемногу испытать за любовь к Жениху. И так же, как св. мученик Игнатий (Антиохийский, пам. 17 окт.), она жаждала оказаться чистым хлебом Христовым (ср. «Послание к римлянам» св. Игнатия: «Я пшеница Божия: пусть измелют меня зубы зверей, чтоб я сделался чистым хлебом Христовым». – прим. пер.) ради той божественной любви (charitate), по которой Христос, хлеб ангельский, становится хлебом человеческим.

ГЛАВА XXII. ЕЁ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ РЕВНОСТЬ О СПАСЕНИИ ГИБНУЩИХ ДУШ

[289] Столь мужественно радевшая о таинстве, под коим срывалось истинное Тело Христово, не могла небрежь Его мистическими членами, если когда-либо видела, что они подвергаются опасности лишиться спасения. Она знала, что бесконечно ценны души искупленных, а посему всякий раз, обращая взор к горным далям Южной Америки, до глубины души мучилась, проливая слёзы о погибели стольких варваров, доселе ослеплённых дедовским безумным идолопоклонством (idolomania), бесчисленных, как муравьи, но населяющих недоступные долины за преградой оных заснеженных гребней. Она безутешно оплакивала соседний край – Чили, где ежедневно мириадами погибали души, ибо неукротимые туземцы, сбросив ярмо короля и веры (игра слов: «regis et religionis». – прим. пер.), возвратились на прежнюю блевотину язычества. И не только своим американским индейцам (occiduis Indis) сострадала Роза, но и все народы, населяющие пределы преогромного Китая или Восточной империи, были предметом её ежедневного плача. Она предпочла бы, чтоб ей вырвали внутренности да развесили над большой дорогой, словно сеть для просушки, нежели допустить, чтобы столько несчастных душ вверглось в преисподнюю. Притом тут она следовала духу серафической своей наставницы, которая желала бы (будь такое возможно) своим собственным хрупким телом заткнуть пасть геенне, дабы не отправлялись туда в итоге столь многочисленные толпы душ, тщетной делая цену своего искупления.

[290] Случилось так, что один из духовников Розы обсуждал предстоящую ему миссию по возвещению Евангелия соседним варварам. И вот дева стала его уговаривать, чтобы

он ничего не страшился, поспешил в путь, пришёл на помощь к погибающим; увещевать, что невозможно оказать Богу более приятного служения; самыми пылкими словами убеждать, что в том и состоит дар апостольской отваги и достоинства, коему обязательно сопутствует помощь Божия; наконец, горячо заклинать, что ему достанется изрядное воздаяние и утешение за таковые труды, коли удастся хоть одно дитя у неверных провести чрез врата крещения к вышним. Он же, наоборот, доискиваясь выведать, что Христос скажет деве, как бы споря, преуменьшал свои силы, якобы мало соответствующие таковому служению, преувеличивал тяготы труда, голод, жажду, опасность нападения хищников, жару, усталость, даль, [описав] наконец и ядовитые стрелы, кои свирепое оное и совершенно негостеприимное племя обычно обрушивает на захожих глашатаев веры. Однако ж добавил, что возлагает великое упование и надежду на верную помощь от Розиных молитв, постов и прочих благих дел.

[291] Тут дева, несмотря на своё крайне скромное мнение о собственных трудах благочестия, тем не менее, желая хоть как-то утвердить путника на предстоящей ему стезе, проникнувшись огромной уверенностью, пообещала все заслуги подвигов своих посвятить на вспомоществование святому его предприятию, если только он в свою очередь соответственно пожелает разделить с нею все духовные богатства, что обретёт от обращения неверных. Духовник согласился, поскольку ему было вполне ведомо, какова перед Господом, Который взвешивает души (ср. Прит. 16:2), была та дева, с которой он условился о разделе барыша. Итак, наконец был заключён обоюдный договор о том, что Роза уступает сему духовнику половину всех плодов, каковые она тем временем надеется накопить при любом исполнении благих дел, а он в свою очередь передаёт деве половину богатства, обрётённого от обращения душ, кои он своей проповедью привлечёт на путь спасения.

[292] С тем же духовным пылом благочестивая дева силилась подвигнуть всех иноков (в коих замечала способности к сему) на дело обращения язычников. И прежде всего она просила братьев своего ордена с должным рвением направлять к сему своих сотоварищей, преуспевших в учёности, наметив себе благородным, преславным, возвышенным пределом и целью своих занятий сокрушение идолопоклонства в отдалённых областях Америки, где оно ещё сохранилось; собиране в житницу Господню обильного множества индейцев; исторжение из пучины вечного проклятия тысячных мириадов душ; уговаривала их не слишком мешкать на вершинах тонких размышлений, не изнуряться в тщетных словесных прениях; клятвенно заверяла, что во зло пойдёт столько трудов учения, столько бессонных ночей, столько шумных споров до хрипоты, если порождённая такими потугами просвещённость не употребится на спасение ближних и распространение веры, если оные лишь успокаивают, убаюкивают, расслабляют, служа бездейтельному досугу, гордыне и самодовольству суетной тщеты да чванливому стяжанию лавров земного почёта.

[293] Она со всей серьёзностью осмысленно и решительно заверяла, что если бы она не была сотворена по природе женщиной, то первейшим её устремлением было, пройдя изучение полного круга научных дисциплин (*litterariorum encyclopaedia*), целиком посвятить себя евангельской миссии с мечтою отправиться к дичайшим племенам, к свирепым людоедам, чтобы отдать свои силы и научением, трудами, кровью помочь родным индейцам, доселе опутанным тенетами язычества. И дева непрестанно испытывала таковое сострадательное чувство, а посему изобрела способ, коим (не упреди её смерть) надеялась с помощью иного лица исполнить апостольское дело, кое не могла осуществить самостоятельно. Для этого она задумала сыскать где-нибудь да

усыновить малютку – нищего и всеми брошенного; с материнской заботой от младых ногтей научить его добродетели и наукам за подаяния знакомых ей благочестивых дам. Затем сему ребёнку она полагала с детства постепенно и основательно внушить неутолимое стремление к евангельской миссии, которое будет мало-помалу возрастать вместе с дитятей; и между тем предусмотреть, чтобы он тщательно воспитывался в благочестии и священных науках до тех пор, когда, повзрослев и благочинно приняв священный сан, он не будет уже сочтён пригодным делателем для трудов по обращению язычников. И решила дева, что единственная награда, которой она потребует от воспитанника за продолжительное содержание и материнскую заботу, будет то, чтобы он пошёл, поспешил к племенам, не знающим закона христианского, воздвиг триумфальный монумент (trophaeum) спасения среди варварских народов и сколько сможет душ усердно исторг из тенет диавола. Сим замещением Роза уповала в некоторой мере утолить свой благородный пол, с коим она жаждала спасения душ свыше меры и обыкновения женского.

[294] Не холоднее была её ревность и забота также и относительно погибающих христиан, если она узнавала, что кто-нибудь из них либо несчастным образом отпадает чрез смертный грех от дружбы Божией, либо тяжким неким пороком увлекаем к верной гибели. Искренне жалея таковых, она за них ежедневно бичевала себя до крови, стенала, воздыхала пред оскорблённым Божеством, никаких слёз не жалела, чтобы вымолить у Бога для них искреннего раскаяния в злодеяниях и серьёзного исправления жизни. Она сказывала, что, если бы каким-либо образом ей было позволено исполнять служение проповедника, она бы непременно, облачившись в грубую власяницу, босая, грязная, денно и нощно носила бы кругом по всем улицам да переулкам Лимы образ распятого Искупителя и всюду на площадях, перекрёстках, закоулках непрерывно вопияла бы горестным криком: «Опомнитесь, опомнитесь же, грешники; уйдите со злых путей ваших (ср. 4 Цар. 17:13), кои ведут вас наподобие скота в адскую живодёрню; бегите, уклоняйтесь от влекущих пропастей величайшего вечного несчастья, ведь лишь единый сей ненадёжнейший миг отделяет вас от геенны; осознайте опасность, в которой запутались, сжальтесь над своими собственными душами, овцы пропащие, коих Пастырь добрый взыскует среди терний и волццов, в поту кровавом, ценою ран и креста, чтобы спасти; поспешите же возвратиться к сему милостивому Искупителю, ибо если ныне вы презрите Его, то в преисподней не останется искупления».

[295] Сии речи милосердная Роза чаще всего возносила с таким искренним душевным жаром и столь пламенным сердечным чувством, что нередко воздействовала на слушателей, и уж казалось, что то не Роза среди знакомых, а самый настоящий Иона среди ниневитян начинает проповедь покаяния. При этом случайно оказался о. бр. Антонио Родригес, генеральный проповедник по званию, чину, обязанностям. Дева, обратившись к нему с рвением, соперничавшим с доверием (каковое внушали ей скромность и братская любовь), сказала так: «Заметь, отче, что по изволению божественной милости ты являешься проповедником, чтобы приводить к научению пропащих и заблудших грешников. Так берегись же, как бы не изжить вотще свой богатый талант красноречия на суетные обороты остроумных словес, гони прочь сии прикрасы ничтожного словоблудия, отбрось стиль и тон театрального лицедейства; памятуй, что Господом ты поставлен ловцом человеков и что подобает тебе раскинуть прочнейшие сети на поимку грешников; сие твори, заклинаю, о том едином радей и старайся, чтобы как можно больше посрамлённых душ исхитить из вихрей, извлечь гибнущих из глубины водоворота (charybdi) пороков и вывести их на безопасный берег спасительного покаяния».

[296] Вышло так, что, когда Роза жила у матери, на той же улице недалеко от Розинога дома довелось жить Висенте Монтеc-Венегаcu, юноше благородному, скорее происхождением, нежели нравом. Он, дивясь замечательной красоте девы, но будучи вместе с тем уверен, что надеяться на брак с нею ему невозможно, изыскивал случая хотя бы досыта наглядеться на нежнейшую прелесть Розы. И вот, он пришёл к её матери под тем предлогом, что ему занadобилось несколько дорогих воротников из тонкого льна (скорее всего, брыжи. – прим. пер.), каковые согласно его пожеланию должна была изготовить Роза, ибо было известно, что она сим ремеслом зарабатывает родителям на пропитание. За рукодельем вместе с девушками сидела усердная Роза, и мать указала ей выслушать Висенте и договориться с ним в её присутствии об обычной и справедливой плате. Юноша, коeму было велено сесть подле девы, стал её по правилам вежливости любезно расспрашивать, как она поживает, [сообщил], что пришёл заказать пошив нескольких воротников, спросил, сколько пойдёт локтей наилучшей ткани на каждый, по какой цене и в каком месте лучше покупать материю, в какой срок будет исполнена работа.

[297] Но дева, коей свыше была сообщена тайна, которую Висенте скрывал в своём сердце, прониклась страшнейшей жалостью к зловонной душе, которую наводняли нечистые пожелания удобопревратной юности, и со стоном возведя очи к небесам, молвила: «О благий Иисусе! сколь велико долготерпение Твоё! Ты же, благородный Висенте, извини и внемли истине, которую я тебе сейчас скажу. Весьма далёкие от воротников помыслы наполняют сердце твоё; хочешь, я откровенно скажу, ради чего ты пришёл? Но пощажу стыдливость твою; ты поступил по-юношески, и я скорблю вместо тебя. Восскорби же сам и опомнись! Всё обман, что не ведёт к Богу; губит душу всё, что тешит распутную плоть. Уразумей, Висенте, в какой ты опасности; исправь душу, запутавшуюся в страшных силках суетного сластолюбия; постарайся осмотрительнее ступать стезёю заповедей Божиих, дабы не погибнуть. Вот видишь, все намерения, что ты стараешься скрыть, не утаились от Жениха моего!»

[298] Поражённый сей внезапной отповедью, Висенте потупил взор и, задумавшись, на некоторое время умолк. В итоге же, переменявшись по сравнению с тем, каким давеча был, так обратился к деве: «Чувствую, в тебе говорит Христос, ибо лишь Он в силах так открыть меня тебе, что ты заглянула в глубины моего порочного сердца! Итак, я уступаю благочестивому и пламенному увещанию твоему, я последую Божию призыву стать лучше, а ты взыщи Его милости ко мне, дабы Он довёл во мне до совершенства то, чему ныне положил начало!» Дева пообещала надёжно поддерживать его своими молитвами и любезно отпустила сего человека, а он с той поры, распрощавшись с юношескими страстями, повёл разумный и воздержанный образ жизни, так что он приучился не реже, чем каждые восемь дней, очищать душу свою в таинстве покаяния и укреплять её божественным Яством, радуясь, что довелось ему столкнуться с Розой, которая свыше узнала о бедственном состоянии его души и умудрилась своевременно пронзить её спасительными остриями глубокого сокрушения, когда он менее всего этого ожидал.

[299] Было невероятно, чтобы какая-нибудь особа, подверженная какому-либо пороку, пообщавшись с Розой, отошла от неё, не став лучше. Мария де Места, супруга художника Медорио Анджелино, из-за неизбывного недуга вспыльчивости и внезапных вспышек гнева стала уже почти несносна даже для самой себя, ибо она из-за любой мелочи сама беспокоилась и беспокоила других, будучи неуёмной грозой всего дома, всегда готовой несвоевременно разразиться криками и громкой бранью. По

чужому совету ли, случайно ли – точно неизвестно, навестила она однажды Розу, когда та жила в садовой келейке. Дева сразу же, воспользовавшись случаем, произнесла основательную и убедительную речь о спокойствии душевном с упоминанием кратких и полезных изречений о необходимости снискания кротости, дала несколько уместных советов насчёт невозмутимости и терпения да и, наставив таким образом, отпустила от себя. Удивительное дело! С того дня женщина, делаясь всё спокойнее да тише, обрела, как показалась, уступчивый и мирный нрав: терпела с тишайшим сердцем домашние неприятности и беспокойства, и если вдруг каким-нибудь случайным порывом вскипало у неё раздражение, то одно лишь воспоминание о кротчайшей деве с дивной лёгкостью успокаивало её, а вскоре она достигла такой приверженности к терпению, что уже сама просила у Бога больше и больше неприятностей. Конечно, Розу, превыше всего любившую скромное молчание, к красноречию могла вынудить только ревность о душах, и дар слова никогда не покидал её, если нужно было с успехом убедить кого-нибудь следовать добродетели и избегать пороков.

[300] Некогого мужа, принявшего иноческие обеты, оное презренное, а ещё больше тупоумное и безобразное пристрастие к курению табака довело до самого настоящего погубления тела и души, так что уже думали, что ни с тем, ни с другим ему уже почти ничем не помочь. Рот того человека изнутри был чёрен как сажа и напоминал жерло печи, зловонные ноздри были покрыты густым пеплообразным налётом, мучимый тёмными испарениями мозг стекал по капле в грудь, а из-за засорённых лёгких сиплая отдышка стесняла его голосовую трахею, а несчастный всё не переставал себе на гибель сосать зажжённую трубку. Врач возражал, отговаривали, упрашивали друзья; наконец, монастырское начальство присоединилось, налагая суровейшие запрещения, предписания, грозя проклятиями и приговорами, но всё впустую, поскольку упорный порок за тридцать три года с лишним чрезмерно укрепился, и, казалось, что гибнущему уже нечего не поможет, если только Роза после стольких увещаний от других, советов, ругани, после стольких упреков от настоятелей, угроз, не применит с более пламенным красноречием свою дивную способность убеждать и, достучавшись до сердца сего человека, не вверит хотя бы спасение души его всемогущей деснице Божества.

[301] Дева, сжалившись над опасно больным, легко согласилась; особенно же потому, что знала: он уже не из-за добровольного упрямства или презрения к послушанию, но только по неспособности противостоять неукротимому и многолетнему пороку так закоренел в нелепой и самой безрассудной из всех невоздержности. И вот, едва истекло пять дней после слов утешения, сказанных ему девой, как мужем овладело всяческое отвращение к табаку, а затем ужас и неудержимое гнушание, так что в дальнейшем он не только совершенно легко воздерживался от того, чтобы потягивать глиняную трубку, но более не мог снести и запаха сего злосчастливого горнильца, каковое на лакомление и услаждение человеческого тупоумия мог доставить лишь тот, кто в 41-й главе книги Иова описывается так: «Из ноздрей его выходит дым, как из кипящего горшка» (Иов. 41:12), а в итоге он даже в Европе находит таких, кто вместе с ним упивался бы дымом.

[302] Роза исцелила сие безумие, чтобы заодно излечить многие [недуги], когда её об этом надлежащим образом попросили. Ведь на этом благодеяния девы не прекратились: вместе с пороком она изгнала застарелую грудную отдышку, носовое кровотечение, боль при дыхании, от коих оный несчастный страдал в течение примерно сорока лет. И даже до души дошло воздействие (energia) спасительного исправления: ибо ум его, чудом возвратившись к трезвости, внимательнее занялся

делами вечного спасения, очищением совести, преобразованием вялого нрава, искоренением лени к радости всех, кто когда-либо прежде оплакивал его, чахнувшего в тлении оногo порока. Ибо ведь так услышал Розу Тот, Кто знал, как всего человека исцелить в субботу (ср. Ин. 7:23).

[303] Одно добавлю и буду заканчивать. Отец бр. Педро де Лоайса, доминиканец, прекрасно зная, с какой ревностью и любовью милосердная Роза горела желанием помочь гибнущим ближним, сообщил деве, что в киновии слёг и в замешательстве борется с предсмертной тоскою N. из их же монашеского ордена, и врачи наемни отказались от него. Добавил, что больной терзается жгучими сомнениями, мучается не от уверенности в близости смерти, но от неуверенности в обретении лучшей жизни, чувствуя, что не имеет заслуг, дрожит от страха и потеет от постоянного памятования о суровом Судии, к Коему ему предстоит явиться. В итоге возникают изрядные опасения, как бы чрезмерный страх не принёс несчастному ещё большего вреда.

[304] Дева приняла это близко к сердцу, столь податливому и покорному внезапным порывам сострадания, а посему указала Педро, чтобы он немедля пошёл к больному и от её имени повелел ему с большим доверием уповать на безмерное милосердие всеблагого и предоброго Божества, а она, мол, будет молиться за его благополучное преставление, и при этом отныне станет жертвовать из своих подвигов благочестия в качестве своего рода налога столько, сколько нужно для пополнения нехватки заслуг умирающего; более того, пускай он всё себе присвоит и, если доселе во всей Розиной жизни хоть когда-нибудь обнаруживалось что благое, она желает это в качестве чистосердечного дара целиком передать от себя больному, дабы он сие, как своё собственное, мог предъявить Судии, прекратив, между тем, недостойно и низко представлять себе величественную милость Всевышнего. И для полноты утешения она добавила, что желает (с позволения Божия) встретиться с душою покойного после кончины, дабы, если она будет иметь нужду в дополнительной поддержке, сразу же оказать её.

[305] Педро всё добросовестно пересказал больному, и его непомерный оный страх стразу уступил место радости, куда более полной надежды; болящий принял щедрое пожертвование Розы, прекрасно понимая, как много сокровищ заключается в даровании стольких заслуг; и так, укрепившись в итоге спасительными Тайнами и проникнувшись огромным упованием на спасение, спокойный, мирный, безмятежный дух предал Творцу, прежде дав перед Педро обещание, что навестит после смерти как его, так и Розу, если Господь уделит ему такую возможность. Но после отшествия брата Педро грызло нелёгкое беспокойство из-за того, что вопреки уговору душа покойного не являлась. Но безмятежная Роза избавила Педро от тревоги, сказав, что с душой покойного всё благополучно и хорошо, ибо она, достигнув уже царства света, наслаждается бесконечным отдохновением, так что ей нет никакой нужды возвращаться ни к одному из них с просьбой о вспомоществовании. Поистине, таковым напутствием одарила оную отходящую из сего мира [душу] изобильная щедрость милосердной Розы, для коей не было ничего ценнее и дороже, чем устранить всякую угрозу спасению душ.

ГЛАВА XXIII. ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ДЕЛА МИЛОСЕРДИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ ЕЮ ДЛЯ БЛИЖНИХ

[306] Всякий удивится, читая, что похороны совершенно нищей Розы были отмечены всеобщим сетованием лимских попрошаек, голошением, слезами толпы бедняков,

восклицавших, что жестокий и преждевременный рок похитил у них истинную кормилицу и мать нищих. Чем же могла поделиться с другими нуждающимися неимущая дочь убогих родителей, которой едва хватало на прокормление самой себя и отца с матерью? И всё же она, лишая себя необходимого, расточила, раздала нищим (ср. Пс.111:9) и, памятуя небесного Каменотёса, (Который, как рассказано выше в гл. XI, договариваясь о приданом, заботу о прокормлении родителей Розы взял на себя), она с согласия матери длань свою открыла бедному и руку свою подала нищему (Вульг. Прит. 31:20), разделяя с ними милостыни, которые паче чаяния получала.

Однажды деве рассказали о чьей-то тайной и острой нужде, но поскольку у неё не было в наличии чем помочь, она восемь дней отказывала себе в пище (довольствуясь лишь хлебом и водой), чтобы поддержать неимущего.

[307] В другой раз Гаспар Флорес, отец девы, принёс домой презрядный скруток белейшей ткани (подаренный или купленный, не знаю), дабы супруга его Мария де Олива вдосталь нашла себе и многочисленному выводку детишек всяческих опрятных нарядов. Она, зная, что дочери её Розе из-за частых недугов и заботы об опрятности требуется много чего пошить из этого полотна, особо выделила ей значительную часть ткани (36 локтей), чтобы та сама себе на выбор выкроила да пошила для собственных нужд платков, накидок, чепцов, передников, шалей, мантилий, покрывал, лент, подушек, салфеток и всего, что нужно из белья. Роза, удивившись столь щедрому и обильному подарку и желая смиреннее поблагодарить родительницу, молвила: «Матушка, мне ли ты даришь этот отрез полотна?» Та ответила: «Тебе, дочка; используй как угодно, делай из него, что желаешь». Дева ухватилась за последние сии слова и сразу же, не оставив себе и пяди оной ткани, всю её тайком подарила двум девицам, благородным как происхождением, так и добродетелью, но крайне бедным, ибо знала, что их семейство втайне терпит огромную нужду во всём.

[308] Мать, видя, что дочь ни о чём не помышляет меньше, чем о шитье для себя, нечто заподозрила и спросила о причине, почему она медлит пристроить для своих нужд переданную ей ткань – белую, тонкую, хорошую. Дочь ответила: «Она уже пристроена как нельзя лучше и даже ныне блистает, как прежде, красотой, ибо обращена она в милостыню». Мать возразила: «Но я-то предписывала, чтобы ты употребить её себе на пользу, беспокоясь, что ты не имела ни в чём недостатка, когда будешь хворать!» Улыбнулась дева и молвит: «Разве не сказала ты ясно, что я вправе употреблять её, как пожелаю? Я и употребила, но не думай, что впоследствии мне, когда я слягу от болезни, будет чего-нибудь недоставать; Господь снабдит всем вдоволь». Случилось ровно так: ибо немного позднее, переехав из материнского дома на проживание к донне Марии де Усатеги, по милости сей дамы она не то что не испытывала нужды в белье, но имела даже избыток. О сем достоивном доверии девы к божественному Провидению отдельно [будет рассказано] в следующей главе.

[309] Среди прочих женских убранств у матери Розы были две накидки в виде продолговатых, от макушки до земли спускающихся покрывал, служившие приличным для женщины одеянием при всяком выходе на люди. Когда мать случайно оставила одну из них дома на кресле, Роза заметила это, невозбранно схватила и отдала в дар некоей нуждающейся девице. Мать, вотще перерыв дом в поисках своей накидки, дала волю подозрениям почти вплоть до опрометчивого предположения, что кто-то из соседей тайно прокрался в дом и похитил накидку безнадзорно свисавшую с кресла. Дочь, дабы ни на кого из невиновных не пало подозрение, остроумно обратилась к

матери, молвив: «Что, сомневаясь, клянёшь ты в своём ущербе неведомого виновника? Вот она я – домашняя воровка, укравшая твою накидку, но безвредная, ибо более тебе выйдет пользы от утраченной накидки, чем если бы ты ею владела неприкосновенно. Я-то ведь подарила её бедняжке Монтойа, которая из-за того, что лишена сего рода одежды, не может пристойно пойти в церковь, посетить мессу и проповедь. У тебя, матушка, осталась другая накидка – новая и доселе почти ненадёванная, а прежде чем она хоть чуть-чуть обветшает, божественная Благодать одарит тебя не одной, а множеством накидок».

[310] Вышло так, как предсказывала дева; ибо спустя малый промежуток времени муж, которого никогда прежде не видели в оном доме и совсем не знал никто из домашних, вошёл, попросил позвать Розину мать, дал ей сорок серебряных реалов (libras) на покупку новой накидки и ушёл. Также примерно в эти дни донна Мария де Сала сама послала через служанку готовой шёлковой материи, сколько было нужно для пошива новой накидки. И наконец, столько локтей такой же материи, сколько требуется на женскую накидку, некая благочестивая особа принесла в лимский монастырь братьев-проповедников, где и подарила их Розиной матери. Так в течение нескольких дней Мария де Олива за одну свою накидку, которую Роза отдала бедняжке Монтойа, получила три новых и лучшего качества да научилась смелее доверять как провидчеству дочери, так и щедрости Божества-промыслителя.

[311] За городскими стенами на самом краю Лимы проживала Хуана де Бобадилья-и-Асеведо, девица высокородная, но осиротелая, и богатая более добродетелью, нежели состоянием. Ибо после того, как она потеряла родителей, дела стали плохи, и несчастную изрядно угнетала скрываемаемая ею крайняя скудость в домашнем хозяйстве. В довершение бед у неё под грудью стала расти всепожирающая и гноящаяся опухоль, что постепенно, синея и разрушая плоть, превратилась в рак. Хуана, столь же скудная рассудком, сколь бессильная перед опасностью и бедствием, не могла взять в толк, как справиться с бедою без того, чтобы вышла ещё горшей беды; ибо тому, чтобы врач мог ежедневно приходить из города в её заречное местообитание, препятствовала долгота пути (ведь тогда, как и ныне, пределы Лимы не доходили до тех пространств за рекою), равно как и она не могла переселиться в город на полмесяца, пока длится лечение, из-за недостатка средств на оплату постоя. Случилось так, что некто предложил ей пожить бесплатно, но робкая девушка не пожелала довериться незнакомцам, которым сама была незнакома. В итоге всё сообщили Розе, молившейся в храме св. Доминика, и та, сразу уразумев, что [забота о] сей одинокой и оказавшейся в затруднении [девушке] вверена ей, тут же изобрела способ оказать помощь.

[312] Придя тайком к Хуане, она велела ей отринуть страх и робость, [сообщив, что] у неё в родительском доме пустует комната для съёма по сходной цене, притом чрезвычайно удобная, так что пускай она туда переедет и договорится с матерью о стоимости месячного постоя, а уж заботу о том, как расплачиваться, целиком предоставит Розе. Хуана послушалась и с застенчивой радостью приняла нежданное благодеяние. Однако ещё более веселилась Роза о том, что удалось найти того, кому можно и тайно, и любовно уделить сердечное милосердие; и в итоге, доверяя божественному Провидению, она нашла, как ежемесячно тайно доставлять Хуане средства на причитающуюся за проживание плату, взяв с неё при этом присягу молчать. Месяца через четыре или пять Хуана полностью поправилась и в добром здравии возвратилась в своё загородное обиталище, сожалея о том одном, что никак нельзя ей открыто выразить благодарность своей гостеприимце. Но после кончины Розы, разрешившись от уз обета молчания, она всем совершенно свободно поведала о

сем благодеянии.

[313] Пока Роза жила вместе с матерью, ей ничего не могло доставить большей радости, чем позволение привести в родительский дом нищих особ всякого положения и состояния, страдающих от болезней, и собственноручно с усердием ухаживать там за ними в их немощи, стараясь не только кров, ложе, постель предоставить нуждающимся, но и вдоволь обеспечить их лекарствами и пищей. Если до неё доходили сведения, что где-то по соседству или в знакомом семействе кто-нибудь из убогих слуг заболел и с ним обращались небрежнее [чем подобало], она немедля выпрашивала его себе на попечение и многими мольбами уговаривала мать, чтобы согласилась перенести болящего в свой дом, дабы он мог получить более заботливый уход. Строгая мать поначалу отказывала, полагая, что дочь, редко будучи здоровой и постоянно болея, должна бы, прежде чем заниматься уходом за другими, позаботиться о собственном благоустройстве, и радеть, скорее, о своём здоровье, нежели о чужом. Однако впоследствии – дабы не сокрушалась та немилосердно о милосердии – дозволила ей в меру свойственной ей хрупкости творить то, что может, но не столько, сколько хочет.

[314] Вскоре она впервые под родной кров первого встречного побирушку; коему чистила, смазывала, перевязывала гноящиеся нарывы, стирала одежду, чинила драное тряпье, удаляла наросты в складках грязь, омывала ноги и запаршивевшую голову, и не было такого служения, коим она не доставляла бы облегчения его голоду, жажде, тяготе. И не делала дева никакого различия по происхождению и народности (что почти против обычая тех краёв), но равно и без разбору с ревностной любовью приходила на помощь нуждающимся испанцам и индейцам, неграм, белым и смешанным (коих называют «мулатами»). Она с одинаковым состраданием одаряла местных, приезжих, рабов, свободнорождённых, известных, безвестных, крестьян и туземцев, принимая во внимание лишь то, кто более явную имеет нужду. Среди сих же нищих и убогих не было ни одного настолько оборванного и грязного, ни одного настолько изуродованного и изъязвлённого, ни одного столь ужасного видом и нестерпимого смрадом, чтобы заставить Розу презреть его или с омерзением отвернуться. Не было болезни настолько гнилостной и мерзкой, ни нарыва настолько противного и гнойного, ни струпуев настолько заскорузлых и сочащихся, чтобы Роза избегала заняться ими: она предоставляла лекарства, врачевание, уход, трудом девичьих своих рук счищала грязь, накладывала припарки, мыла и меняла их. С сим благочестивым рвением дева ходила по женским больницам всякий раз, как попадалась достойная компания, устремлялась в ряды, где находились больные, паче прочих страховидные и наиболее запаршивевшие, коим с дивным рвением поправляла постель, выливали судна, готовила кушанья, и не нашлось бы такой низкой, неприятной, отвратительной услуги, которую бы она сама не вызвалась оказать больным.

[315] Случилось так, что однажды дева, занимавшаяся уходом за больной женщиной, зашла ненадолго домой, а любопытная мать учуяла от одежды дочери необычное гнилостное зловоние. Тогда, учинив более внимательный осмотр её платья, она заметила, что ткань там-сям испещрена случайно прилипшими комками отвратительной слизи чужого гноя, коего дева, оттирая покрытую нарывами женщину, невзначай касалась. Возмущённая мать сердито молвила дочери: «Вот до чего дошло это твоё безразличие к себе самой! Не для того же на тебе белеет сие иноческое облачение, чтобы ты обезобразила его чужими нечистотами, и не затем мы назвали тебя Розой, чтобы ты так благоухала! Когда я тебе маленькой велела носить меховые и

душистые перчатки, ты воспротивилась, а ныне, взрослая, если уж не хочешь пахнуть духами (tusco), хотя бы не воняй чужими выделениями (tusco)!» Улыбнулась дева и ласково возразила: «Мы Христово благоухание (2 Кор. 2:15), когда служим болящим; любовь не привередлива и не брезгует ближним, памятуя, что мы все из одной и той же глины и грязи; все, унаследовав смертность, истлеем, и нет никого, кто не носил бы повсюду с собой нечистот своей порчи. Так что, матушка, подумай, какая мелочь, что я неосторожно запятнала мимоходом платье, ведь куда более гнусно сам лик Искупителя оскверняли слюной своей и плевками мерзостные мучители – за наши прегрешения».

[316] Роза совершила ещё нечто в этом же роде, чему едва ли можно подражать, но умолчать о том нельзя. Болела в доме вдовы донны Исабели де Мехиа одна из служанок, распухнув от гнилостной жидкости и пылая горячкой; обслуживанием и уходом за нею и занялась (как только получила у себя дома материнское разрешение) Роза. Случилось так, что по медицинскому правилу к больной применили кровопускание и, слив из вены кровь, отставили в угол до времени, пока врач не вернётся осмотреть её. Простояв там больше двух дней, кровь, ещё при самом испускании заметно порченная, испортилась тем временем ещё страшнее: всюду покрылась сукровичной зеленью, грязно-жёлтыми пятнами и слоями маслянистой мутной слизи. Наконец прибывший врач, бегло осмотрев кровь и заметив в ней признаки опасного заболевания, распорядился, естественно, выбросить вонючую жидкость. Роза по причине сердечного сострадания внимательнее присмотрелась к тазу, в котором уносили свернувшуюся кровь, и почувствовала, что желудок её выворачивается наизнанку, слюна во рту становится противной и всё её нутро готово излиться рвотой. Она, как могла, скрыла это и попросила служанку, поспешно уходившую с тазом, отдать его ей понести, намереваясь не только вылить, что там было, но сверх того дочиста вымыть саму ёмкость.

[317] Любой с лёгкостью согласился бы избавиться от обязанности иметь дела с эдакой вонью. Но дева, возмущённая своим собственным прежним испугом, удалилась с тазом в уголок вне дома, где сурово браня себя, молвила: «Для того ли ты старательно и усердно упражнялась в любви к ближнему, чтобы у тебя вызывала тошноту болезнь несчастной? Этому ли тебя учила серафическая твоя наставница? Так почему же тебе доселе непонятно, что ты ничтожнее и гнилее всей этой гнили? Иди же, недотрога, иди, неженка, изведай получше, узнай полнее, подобает ли тебе брезговать несчастной и равной тебе, в коей не меньше, чем в тебе самой, блистает образ твоего Творца!» Ворчливо обличив себя сими словами, она (зажми ноздри, читатель!) поднесла таз ко рту и всю оную гнойную кровь (я бы сказал, скорее, кровавый гной) с героическим дерзновением мало-помалу выпила; тут же вытерла рот тряпкой, чтобы никто не заметил на губах остатков, и вернула назад вымытый, отёртый, блестящий таз. Этот благородный поступок остался скрыт от её матери, но (по дивному устройению Божию) стал известен Исабели, которая в итоге случайно нашла и тряпку, коей дева отёрла губы, со всяческим тщанием сберегла на память.

Теперь-то никто (полагаю) не усомнится, что Роза – подлинная ученица бл. Катерины Сиенской.

[318] Поэтому ещё легче поверить в те события, о которых рассказывается дальше. У казначея Гонсало был близкий и душевный приятель как по общей службе, так и равному стремлению к добродетели и дружелюбию – Хуан де Тинео Альмянса, архивариус королевской (как её называют) палаты и верховный надзиратель суда в Кито, муж, замечательный благочестием и набожностью. Он, будучи постоянным

гостем в казначеевом доме и почти своим, чрезвычайно часто, заходя по делам, видел там Розу, а ещё чаще слышал о чудесах её святости и о необычайной жизни, а поэтому высоко – как и подобало – ставил деву, зная, тем более, что Гонсало по молитвам и заслугам Розы избавился от множества тяжелейших недугов.

Случилось так, что Хуан от желудочных болей опасно захворал – так опасно, что призвал духовника, поскольку, не будучи уверен, что выживет, решил очистить покаянием душу. Между тем, памятуя о сердечном милосердии, коим, как он знал, дева обильно оказывала больным, всячески умолял казначееву супругу попросить Розу хорошенько помолиться за него, оказавшегося в такой опасности. В итоге она добилась того, чтобы по повелению духовника дева согласилась сопровождать казначееву жену, когда та пойдёт навещать больного. Роза противилась, ибо ей по девичьей стыдливости казалось наглым и странным явиться с визитом к мужчине, пускай сколь угодно знакомому и больному; но взяло верх как нежное сострадание (ибо она не знала, как отказать больному в надлежащих утешениях), так и смиренное послушание (каковое Роза приучилась должным оказывать Марии де Усатеги, словно бы второй матери).

[319] Итак, под сей надёжной защитой, с благочестивейшей дамой и горничными она отправилась в путь, однако прежде пожелала посетить жертвоприношение мессы в храме святого Доминика и при этом послала известить больного, что она с дамой из храма вскоре придёт к нему, как он просил. Болящий же, в тот самый миг, как принял вестника, почувствовал смягчение своих болей. В итоге Роза вошла в комнату больного, приветствовала его, да с таким нежным обилием сострадания и милосердия, что и у присутствовавших здоровых не осталось сомнений: через скромнейшую деву глаголет «Бог всякого утешения» (2 Кор. 1:3). А Хуан, взглядевшись в лицо девы, узрел в нём ангельское величие, провозвестие (*tesseractum*) мира и живую надежду на исцеление. И не пришлось долго ждать; боль сразу полностью прошла и некрепкий сон, что всё время бежал от него, безмятежно овладел им, и, внезапно глубоко заснув (дева со спутницами, меж тем, возвратилась домой), пробудился совершенно здоровым. Всё прошло так стремительно, потому что Роза чудом способствовала ускорению [события], дабы и не отказаться от дела милосердия, и не задержаться в чужом доме долее, чем подобает девице. И не меньше она побеспокоилась о том, чтобы поскорее уйти, дабы избежать похвалы, коей обоснованно страшилась.

[320] Множество такого же рода чудес исцеления я пока отложу, чтобы рассказать о них в другом месте и в другое время, а здесь, где речь идёт только о милосердии Розы, стоит добавить единственную, но забавную [историю], ибо мягкое и нежное сострадание кроткой Розы распространялось даже на неразумных животных; ведь по свидетельству Соломона в 12-й главе «Притчей»: «Праведный печется и о жизни скота своего, сердце же нечестивых жестоко» (Прит. 12:10). У Марии де Олива в собственном курятнике был дивной красоты петушок, пёстрое оперение на его спине и крыльях переливалось прелестным разнообразием красок, шея была словно бы обвита неким пурпуром, задняя часть тела, украшенная многоцветными перьями, казалось, была увенчана радугой; в итоге для всего семейства сия милая животинка была единственной утехой, и все радовались, что хозяйка его кормит и бережёт в надежде на приплод, ибо надеялись, что, выросши, он произведёт подобных себе цыплят. Петушок вырос, но по причине обжорства так ожирел, что постоянно лежал на земле и редко когда видели, чтобы он сам поднимался на ноги, и никогда не кукарекал. Разочарованная мать, [поняв, что] тщетно ждать потомства от этого лентяя, за трапезой с мужем и детьми постановила, что вечером прирежет этого ни на что другое

не годного петушка (pullum), а назавтра подаст на стол.

[321] Присутствовавшая там молоденькая Роза сжалилась над животиной и с невинной простотой обратилась по-детски к птице, молвив: «Спой, петушок мой, спой, чтобы не умереть!» Едва девочка промолвила слово, как у всех на глазах петушок вдруг встал на ноги и, крепко хлопнув крыльями, певуче и радостно закукарекал. Затем, пройдя через всю комнату гордой и надменной поступью, он по Розинуму повелению многократно пропел, весело раздувая всю грудку. Все присутствовавшие рассмеялись, смертный приговор был сразу отменён, а петушок песней ликования вторил ликующим, прогуливался, словно бы снарядившись в дорогу, и, заливаясь криком с вытянутой шеей, вызывал всё новые приступы громкого хохота у домашних.

С тех пор он ежедневно всё чаще оглашал окрестности звонкими песнями; семья считала, сколько раз [он прокричит], и порой оказывалось, что он пел пятнадцать раз всего за четверть часа. Не обманул он и надежд хозяйки, которая вскоре от сего распрекрасного петуха получила распрекрасных цыплят. Вот так – хоть то было лишь неразумное животное – одного-единственного слова сжалившейся над ним Розы хватило для исцеления. Конечно, и тут можно было бы спросить, Кто дал петуху разумение, чтобы, послушавшись святой девочки, приказавшей ему утрудить горло песней, он отвёл от оногo нож? Но перейдём к более важным вопросам.

ГЛАВА XXIV. ВЕЛИКОЕ ДОВЕРИЕ РОЗЫ К БОГУ, ПЛОДЫ КОЕГО ОНА ЧАСТО ПОЖИНАЛА, КОГДА ОНА САМА ИЛИ ЕЁ БЛИЗКИЕ ОКАЗЫВАЛИСЬ В ЗАТРУДНЕНИЯХ

[322] Христос упреждал Розу Свою с раннего детства отрадными благословениями, приучая её уповать на помощь Всевышнего, отчего затем всю жизнь была совершенно уверена, что пребывает под покровительством Бога небесного (ср. Вульг. Пс. 90:1). Поэтому ей так сильно было по душе начало псалма 69-го: «Боже, устремись ко мне на помощь; Господи, поспеши ко мне на поддержку!» (Вульг.) – сей стих постоянно был у неё на устах, его она приглушённым голосом напевала при занятиях ручным трудом, его благоговейно твердила, сидя, стоя, на ходу, и не пресыщалась от частого повторения, особенно когда потом откуда-то узнала, что сей же стих был весьма привычен и люб блаженной Катерине Сиенской. Порой она просила точнее и глубже истолковать ей глубинный смысл (emphasim) этого латинского стиха, но никогда не встречала такого толкователя, который и на опыте лучше знал бы внутреннюю сладость этого сота, и мог изъяснить его в сообразных уподоблениях. На вопрос, почему более многих тысяч стихов она любит единственно этот – малый, Роза отвечала, что в нём состояло всё утешение серафической её матери, каждый слог его насыщен неким загадочным нектаром детского (familiaris) доверия Богу, и не случалось, чтобы что-либо иное оказывалось сладостнее для гортани её, чем сии столь близкие ей стихи. Было три самых важных [блага], в обретении коих дева, наделённая свыше доверчивым упованием, не допускала сомнений. Первое – в своём вечном блаженстве; второе – во всегдашней и неизменной дружбе Божией; наконец, в вышней помощи как при любом затруднении, так и при внезапной опасности. Стоит пройтись по каждому.

[323] Жених по милости Своей искал случая наделить дорогую Ему деву необычным даром уверенности в вечном блаженстве, для чего однажды попустил ей несколько пережить жуткого страха относительно тайны своего предопределения, что потрясло всю её душу. Невинная Роза мучилась мыслью о возможности своей гибели, с трепетом блуждала впотьмах, обдумывая, сколь велика бездна судов Божиих (ср. Вульг.

Пс. 35:7); но не замедлил Господь, поспешив на поддержку к ней, и сердце оное сокрушенное и смиренное (ср. Пс. 50: 19) благовременно укрепил, с такой обратившись к ней ласковой речью: «Дочка, Я никого не проклинаю, кроме желающего быть проклятым; итак, отныне будь спокойна духом». Невозможно выразить, какое возвышенное, непреклонное, нерушимое доверие эти несколько слов запечатлели в сердце девы, ибо она из того, как эти слова были произнесены, поняла больше, чем они [буквально] значили, и Жених затем не попускал никаким волнам сомнения беспокоить её, закрепив якорем в вечном спасении (ср. Евр. 6:17-19).

[324] Доктор Хуан Кастильо как-то между прочим спросил у девы, не свыше ли получила она ясное понимание своего предопределения? Неучёная юница заколебалась, услышав схоластическое понятие «предопределение», ибо очень слабо улавливала его смысл и значение (etymon), да и не слышала о нём ничего, кроме того, что оно означает непостижимую тайну, каковую ни одному из смертных не подобает дерзостно исследовать. И вот, она в конце концов простодушно и робко отвергла то, что ей хоть в малейшей степени известно о предопределении. Но когда благоразумный допросчик, яснее изложил свой вопрос, пересказав его иными подходящими выражениями (periphrases), Роза более не смела и не могла заператься, что благодаря вышнему просветлению ей весьма своевременно дано было узнать о предвечном своём избрании к небесной славе и по дивной милости Божией обрести такую уверенность в оном, что более ясного откровения и пожелать бы не могла.

[325] Ещё явственнее это открылось, когда Роза уже возлежала на смертном одре, ибо же она была до того уверена в благополучном своём преставлении к блаженному покою, что даже заранее знала о своём грядущем избавлении от всякой задержки в чистилище. Когда же некто из присутствовавших сказал, что сие преогромный и паче всех редчайший дар, ибо и то уж довольно большая удача для преселяющихся от сего мира душ, когда они посылаются в чистилищное пламя для удаления остатков шлака земной жизни, чего он себе искренне желает; дева тут же, благодаря безмерной ревности своего доверия сильнее прежнего укрепившись, воодушевлённо ответствовала: «Но у меня-то есть Жених, Который может даровать мне преогромное и редкое, так что не подобает недоверчиво надеяться обрести от Него лишь малое да незначительное». Посему на близкую смерть она взирала радостно – не иначе как на верную привратницу рая, ибо, когда врачи впервые известили Розу, что естество её уже во власти смерти и ей не остаётся ничего иного, кроме [как ждать] рокового дня, она без страха и малейшего беспокойства ответила, что её крайне радует столь славная весть и одному лишь удивляется она: зачем было бояться быстрее сообщить об этом ожидающей

[326] Ещё более достопамятно то, как Роза, ещё обитая в садовой своей келейке, обрела спокойствие относительно вечного спасения. Дева молилась и в исступлении ума увидела, что земля вокруг неё усыпана розами. Пока она дивилась, почему это так внезапно расцвела весна, ей вдруг воочию явился маленький Иисус на руках пречистой Родительницы и, ласково обратившись к Розе, велел ей немедля собрать рассыпанные розы в подол складчатого платья. Она собрала сколько смогла и с полным подолом предстала пред божественным Малышом. Он попросил Себе в подарок одну-единственную розу из всех, каковую с благодарностью приняв, промолвил: «Сия роза – это ты, внимательную заботу о коей Я беру на Себя, а ты распоряжайся остальными, как тебе предпочтительнее». Разумная дева поняла, к чему относятся столь важные и драгоценные слова нежного Женишка, и возрадовалась, что Спаситель держит её в деснице, словно избранную розу, вспомнив его обещания в Ин. 10: «Никто не похитит

их из руки Моей; Я даю им жизнь вечную» (ср. Ин. 10:28).

[327] Затем по причине огромной радости (оттого что она увидела себя [в образе] розы, благосклонно принятой и благополучно зеленеющей в кулачке Малыша) она не могла понять, да и не особо доискивалась, что делать с оставшимися у неё розами; впрочем, недолго поразмыслив, вдруг сплела из них гирлянду и почтительно преподнесла её небесному Младенцу, а Он, нежнейше улыбнувшись деве, дал благословение и исчез. Потом она догадалась, что прочие розы, кои она видела рассыпанными по земле, означали величайшее множество дев, рассыпанных по Лиме, коих в итоге подобало когда-нибудь собрать в новозданный монастырь святой Катерины Сиенской, дабы, торжественно приняв там иноческие обеты, окружили (сogopent) они Жениха дев целомудренным служением, чтобы в свою очередь быть увенчанным (сogopandae) Им славою и честью. Так и случилось, но не раньше кончины Розы. О сем – ниже в соответствующей гл. XXVI.

[328] В равной мере счастливая Роза утешалась неколебимой уверенностью в том, что ей твёрдо обещана благодать и дружба Божия; ибо ещё прежде она после оных жутких помрачающих затмений (о коих – выше в гл. XIII) ежедневно в новом просветлении возвращалась к внутреннему (in suo) единению с Божеством, убеждаясь в милости Жениха. Также и в других случаях Розе было обещано Господом, что Он никогда, даже на миг не позволит Себе отступить от завета нежной дружбы с нею. Один из духовников девы, [узнав] о столь бесценном даре [, уделённом] деве, изумился до онемения. То был о. брат Педро де Лоайса из Ордена проповедников, который, стремясь вернее испытать, насколько крепко стоит дева в вере в столь великое обетование, данное ей, во время одной исповеди сущий пустяк и ничтожную мелочь раздул словно бы опасный [проступок], заслуживающий серьёзнейшего рассмотрения, чтобы посмотреть, не подействует ли сия внезапная и пустая угроза на деву, которая (как он узнал) обладала столь твёрдым обетованием благодати Божией.

[329] Смышлёная дева подивилась необычным сомнениям сурового обвинителя и дала ему досыта высказаться. Но в итоге, будучи уверена, что не погрешила против дружбы Божией, уразумела, на что направлена оная прикровенная попытка двусмысленной проверки, а посему, заранее попросив прощения, скромно ответствовала: «Справедливо обращённое ко мне увещание со страхом и трепетом совершать свое спасение (ср. Флп. 2:12); о, если бы я совершала его, как должно! Право же, я признаюсь, что грешна, и как раз ради признания здесь (при исповедалъне. – прим. пер.) склоняюсь. Однако (по высочайшей благодати Жениха моего) я чувствую внутри себя столь непогрешимое и доселе нерасторжимое Его обязательство (syngraphas) передо мною, что кто угодно легче меня убедит в том, что я камень или солома, нежели, что милостивое Божество может от меня отворотиться. Отче мой, да ведь скорее кто-нибудь безмерные пространства небес пригнёт к сей земле, чем склонит меня поверить в то, что Бог судил попустить мне свершить смертный проступок, ибо я знаю, что Он мне несмотря на моё недостойнство обещал. Я-то на Господа уповаю не оттого, что заслуживаю таковой защиты, но потому что Он верен во всех словах Своих (ср. Пс. 144: 13)». Знавший истину духовник успокоился, кратко оправдавшись, что предпринял столь взыскательное расследование исключительно ради испытания духа (ср. 1 Ин. 4:1).

[330] Та же самая сила дерзновения с раннего возраста пре мощно обороняла Розу от любых житейских трудностей, страхов, неурядиц. Мария де Олива, мать Розы, по врождённой психической (complexionis) особенности боялась темноты и привидений, отчего ей было нелегко ночью пройти в отдалённые уголки дома, а под вечер вступить

в собственный сад без сопровождения. Тот же страх преследовал и Розу, словно бы она унаследовала эту черту (*genius*) от материнского характера (*crasi*), однако несмотря на это девочка, приверженная молитве, не избегала уединения и наиболее потаённых мест. Так случилось однажды, когда день клонился к ночи и становилось весьма темно, что Роза – ещё юная – дольше задержалась в саду, куда удалилась для размышлений. Мать отправилась на поиски дочери, но в сопровождении мужа, ибо (как было сказано) крайне боялась ночных страхов (ср. Пс. 90:5).

[331] Роза, увидев издали, что к ней идут оба родителя, выступила навстречу, а на ходу её осенила ниспосланная свыше мысль, которая впоследствии обезоружила всякую боязнь, сообщила ей доверчивость, внушила спокойствие. Она молвила про себя: «Идёт матушка через сад – и не боится вопреки своему обыкновению; а бесстрашна она сейчас только потому, что рядом с ней присутствует её муж; а я, всегда и везде защищаемая присутствием моего Жениха, я, у которой столь верный, заботливый, могучий Спутник не рядом, а в сердце всюду со мною, убоюсь впредь страха ночного? Она уповает на смертного человека и приучилась в своих обычных страхах постоянно полагаться на его ненадёжную поддержку, и меня не укрепит в равной мере упование на Бога, Спасителя моего (ср. Лк. 1: 47), так чтобы никакая тьма меня в дальнейшем не ужасала?» Так глубоко укоренилась в душе юницы многомогущая сия мысль, так основательно изгнала врождённую боязливость, что с того мгновения Роза самой себе на диво ночью, днём, дома, на улице не боялась столкновения ни с какой опасностью, призраком (*monstri*), зверем, ободряемая единственно лишь защитой присутствующего [в ней] Жениха.

[332] И не преминул представиться случай, благодаря коему выявилась она героическая твёрдость девичьего сердца в тягостных и внезапных опасностях. Будучи двенадцатилетней девочкой, она с родителями проживала в некоей индейской деревне, и когда Роза там однажды с матерью и братьями возвращалась домой, увидела, что по открытой равнине им навстречу, как раз туда, откуда она шла со спутниками, с величайшей поспешностью мчится до крайности разъярённый бык, убежавший из стойла, отчасти порвав, отчасти увлекши за собою путы. Ополоумев от внезапного испуга, мать с сыновьями озирались, куда бежать. Только Роза, замерев в бесстрашной позе, увещевала мать не дразнить бегством уже слишком приблизившееся опасное [существо] и обещала притом, что огромный зверь, не причинив вреда, пробежит мимо. Не успела Роза (обратив тем временем взгляд в небеса) окончить речь, как яростное и мускулистое животное с ужасающим мычанием, подобно вихрю, промчавшись рядом, в отдалении напало на других людей, словно бы не увидело Розу и её беззащитных спутников. Даже после того, как опасность миновала, прочие не могли отдышаться от испуга, а Роза, даже малость не изменившись в лице, увещевала их крепче надеяться на помощь Всевышнего и паче всего тогда, когда близость опасности исключает всякую возможность бегства.

[333] В другой раз в Лиме она возвращалась вместе с матерью и distinguished дамами в карете с праздника в знаменитой церкви. Им предстояло проехать через преобширную городскую площадь, где тогда разбегалась в страхе кричащая толпа народу, освобождая пространство для разъярённого быка, и, жажда зрелища, нестройными воплями да метанием камней ещё сильнее дразнила взбешённого зверя (скорее всего, там начиналась народная забава сродни традиционному испанскому прогону скота по городу «энсьерро». – прим. пер.). Грозное животное мчалось извилистым путём, бросаясь то вправо, то влево, с задраным вверх хвостом, с пеной у рта, с оглушительным рёвом, с дымящимися от гнева ноздрями, он взбрасывал

копытами песок в воздух, и где бы ни наткнулся на колоду, тряпку или нарочно подброшенную шапку, яростными и частыми ударами рогов с силой взрывал землю. Наконец, когда бык уже сполна наполнил всё ужасом, он заметил едущую издалека повозку и ринулся напрямик к ней. Все женщины, что были с Розой, побледнели от страха и, выскочив наружу, со всей возможной быстротою обратились в бегство с надеждой спастись; даже возница в трепете озирался, ища, с какой стороны безопаснее спуститься наземь, чтобы дать тягу. Снова одна лишь Роза, устремив взор в небеса и тут же вновь потупившись, развеяла страх испугавшихся, остановила их бегство, заявив, что в нём нет ни малейшей нужды, ибо бык отнюдь не добежит до повозки, а повернёт обратно туда, откуда двигался. Как она сказала, так и случилось, и все изумлялись не столько быстроте, с какой бык, не напав, обратился вспять, сколько мужеству девы, что превыше любого страха. А она, в величайшей опасности храня величайшее спокойствие, возносила песнь небесному Жениху: «Не убоюсь зла, потому что Ты со мной» (Пс. 22: 4).

[334] Ей была присуща такая уверенность в божественную защиту при жизненных опасностях, что её хватало и на то, чтобы надеяться на помощь в житейских нуждах. Однажды в родительском доме иссяк хлеб [, необходимый для] многочисленного семейства, и ни времени не оставалось, чтобы его испечь, ни денег не было на руках, чтобы его где-нибудь приобрести. Розе сообщили, что припасы кончились и не осталось даже корки от последней краюхи. Дева дивилась, что удалось так быстро потребить продовольствие, ведь накануне утверждали, что его хватит по крайней мере на пару дней. А окончательно удостоверившись в нехватке [хлеба], заметили, что Роза, ничего не боясь, кратким движением губ поведала об этом Богу. Затем, с безмерным доверием она открыла хлебный ларь и обнаружила, что он полон хлеба – не такого, какой был обычен в сем доме, а белого, беспримесного и душистого. По свидетельствам он был необычного и диковинного для тех мест вида и никоим образом не мог быть выпечен дома.

[335] Другой раз в том же доме закончился мёд (совершенно необходимая в тех краях приправа), и даже бочка из-под него, вычерпанная до дна, высохла. Мария де Олива, то ли не зная, то ли позабыв о сей нехватке, послала двух или трёх [слуг] в клеть принести мёду из каждому известного сосуда. Все они сообщили, что чан они обнаружили совершенно пустым. Роза почувствовала столь существенной общей нужде и, получив в глубочайшем наитии приказ полностью положиться на Божие провидение, сказала матери: «Коли поручишь, я спущусь во имя Господне посмотреть, не найдётся ли каких остатков мёда». Она спустилась и обнаружила, что та же самая бочка до верхнего края полна свежего мёда. Весь дом замер, поражённый поистине сладостным зрелищем. Более того, благодаря новому чуду дарованного свыше мёда целые восемь месяцев хватало всему семейству для каждодневного потребления. Кто-нибудь когда-либо видал, чтобы розы пополняли плоды пчелиного труда?

[336] Гаспара Флореса, отца девы, угнетала тягостная телесная болезнь, и дух его одновременно чахнул, подавленный горем о долге в пятьдесят реалов (librarum), который он по бедности не мог выплатить. Озабоченную мать печалила с одной стороны навязчивость заимодавцев, с другой – домашние трудности, а особенно – постепенное увядание болящего мужа. Как только дочь узнала о скорбях обоих, она, как обычно, попыталась [отомкнуть] ключом сердечного упования на Бога сокровищницу вечного Промыслителя, и едва она пролила слёзы в храме, как встретился ей по дороге домой некий муж, совершенно незнакомый, но приятный своим скромным выражением лица и ласковым голосом. Он, мимоходом

поприветствовав деву, сразу протянул ей завёрнутое в тряпицу серебро, повелел оным помочь родителем в их насущной нужде и не мешкая более, тут же ушёл. Металла в платочке, судя по весу и скромному размеру обёрнутого комка, было мало, но, когда дома Роза раскутала его, то обнаружила там как раз пятьдесят серебряных реалов, что был должен отец, и подойдя к постели больного с деньгами, многократно повторила, что Божией благодати доверять подобает паче всего, и что Он только что помог им как раз такой суммой, коей хватит, чтобы отделаться от назойливости суровых заимодавцев. Гаспару казалось, что это происходит во сне, пока дочь, развязав платок, не отдала ему пятьдесят реалов, которые он проворно посчитал.

[337] Такого же рода диковинные и неожиданные вспоможения многократно поддерживали терпевшее нужду семейство, дабы постоянное и могучее упование девы на Бога не обманулось. Причём сие некогда было среди тех подношений и свадебных даров, которые небесный Каменотёс (о Коем – выше в гл. IX) обещал молодой Своей невесте, так что жена казначея Гонсало, знавшая лучше прочих тайны девы, даже обратила сей рассказ в семейную поговорку, сказывая обычно: «Неужто опять райский Каменотёс по твоему увещанию вытряс копилку?» Более того, доверие Розы к прещедрому сему Жениху было таково, что совершенно нищая дева со свободным дерзновением часто и открыто бралась за обеспечение всех расходов на возведение от основания нового монастыря святой Катерины Сиенской, в связи с чем в своё время обращалась за грамотой о королевском разрешении, поскольку земли [под стройку] тогда ещё не было. Впрочем, тут мы вторгаемся в рассказ о событиях, что предстоит изложить отдельно в следующей главе о том, как дева получала свыше обещания и знамения относительно предстоящего основания одного монастыря. Ну а здесь я добавляю вкратце то, что для настоящей главы ещё недостаёт до венчающего росчерка и заканчиваю.

[338] Дома Роза в дивной и глубокой уверенности беседовала с благочестивыми девами об основании вышеупомянутого монастыря, а мать, не справляясь с раздражением, бранила перед всеми дочь (словно бы она несёт явную чушь, бредя о невозможном), говоря: «Прекрати молоть вздор, дурёха! Помни, что не плебейское это дело и не по плечу простецам – обитатели основывать! А ты это так самоуверенно говоришь, словно для оплаты такого дорогостоящего строительства в твоём распоряжении уже были двести тысяч серебряных реалов». Скромная дева смиренно ответила: «Конечно, если бы я принимала во внимание земное богатство или человеческую силу, то сама бы сказала, что невозможно то, о чём я толкую; но знай, матушка, что я выше полагаю упование своё; Тот Самый, в Котором все сокровища (ср. Кол. 2:3), является моим поручителем, в щедрости Коего мне уж никак не усомниться. Итог увидят сии очи твои; ты возрадуешься, и более того – на своём собственном опыте проверишь правоту моих слов».

(Нами пропущена Гл. XXV. – прим. пер.)

ГЛАВА XXVI. ПРЕДСКАЗАНИЯ О РАЗЛИЧНЫХ БУДУЩИХ И СОКРОВЕННЫХ ДЕЛАХ, ПОДТВЕРЖДЁННЫЕ ПОСЛЕДУЮЩИМИ СОБЫТИЯМИ

[357] Тот самый (о ком см. немного выше) дост. о. Вильялобос из Общества Иисусова засвидетельствовал под присягой, что на собственном опыте познал, что в деве был пророческий дух. Он просил Розу о молитвенной поддержке ради благополучного исхода некоего тайного дела, но поскольку трудно было бы добиться от других, чтобы они молчали о нём, он первый молчал. Однако Роза (что ей вовсе не было свойственно)

ненадолго уставив взгляд на лицо собеседника, словно бы прочла там тайну, как в открытой книге, и, застенчиво улыбнувшись, дала отцу такой ответ, из коего он совершенно ясно заключил, что в тот миг деве было сообщено всё содержание его совершенно секретного дела, после чего он, поражённый изумлением, целиком и полностью рассказал всё о. Антонио де ла Вега Лоарса из того же Общества, который открыто засвидетельствовал дост. о. Фелипе де Тапио, ректору коллегии в Кальяо, что у него был в точности такой же случай с девой.

[358] Мигела де ла Масса – дочь казначея Гонсало – обдумывала в душе некий тайный помысел, который не сообщала никому из смертных, да и не намеревалась. Роза, по-дружески обратившись к ней, весь этот помысел, словно бы с листа, ей точно зачитала и вразумила её, изумлённую, спасительными примерами.

Мария де Места, супруга художника Медорио Анджелино толковала наедине с мужем без каких-либо свидетелей об их совместном отъезде в Испанию и о том, сколько нужно денег, чтобы вести там жизнь достойную и приличную. Затем она пришла к Розе, чтобы побеседовать о других вещах, которые тогда были злободневнее для неё. Дева же, мимоходом уклонившись в разговоре к тому, о чём, казалось бы, умалчивали, дала такой ответ, словно бы её в равной мере спрашивали и об этом: она одобрила замысел отъезда, упомянула деньги, которые женщина с мужем во взаимном согласии отвели себе на пропитание до конца жизни, и сказала, что им двоим (ибо потомства у них не было) сей суммы хватит. Женщина удивилась, признавшись, что дева не могла бы сказать больше, будь она третьей при тайной беседе сих двоих.

[359] Куда более удивительным кажется [случай, произошедший с] бр. Хуаном Мигелем, иноком Ордена св. Доминика: когда он вернулся в Лиму из дальнего путешествия и беседовал в приделе св. Иеронима с девой наедине, то услышал от неё подробно и точно, что с ним случилось далеко в чужом краю (причём человеческими силами сии сведения Розы достигнуть не могли), и с очевидностью понял, что даже самые сокровенные тайники его сознания открыты деве.

[Однажды] Роза с матерью и достойными женщинами задержались в храме святого Доминика, молясь за находившуюся в последнем борении Марию де Вера, которая, лёжа в доме Диего де Рекены, серебряных дел мастера, ожидала последнего часа жизни. Прибыла печальная весть о том, что больная скончалась. Перепуганные женщины скорбно воззрели на Розу, а она – на небо; но тут же, переведя взгляд на окружающих, молвила: «Не будем плакать, ибо наша подруга не умерла – жива Мария де Вера; только давайте помолимся Богу, чтобы она выздоровела». Она выжила и выздоровела, но благодаря другому Розиному чуду, о котором рассказывается в «Приложении».

[360] Некогого инок из Общества Иисусова, мужа совершенно апостольских качеств и в высшей степени украшенного добродетелями, осаждало (невесть откуда взявшееся) крепкое, упорное и неколебимое убеждение, что в текущем году (а то был 1615-й) он наверняка преставится. Он поистине жаждал разрешиться и быть со Христом (ср. Флп. 1:23), а посему однажды, когда при разговоре с казначеевой супругой присутствовала Роза, он воспользовался случаем, смиренно и настойчиво попросив у второй молиться за его [безопасное] преселение из сей жизни, которое якобы несомненно случится до календ предстоящего года. Жена Гонсало ужаснулась, а Роза, кротко улыбнувшись, молвила: «В этом году, мой отче, ты отнюдь не лишишься жизни; это я тебе уверенно обещаю». Он со своей стороны возразил, что его смерть – вопрос окончательно решённый, и не может с ним случиться большего счастья, если бы только после

свершения жертвоприношения мессы ему было велено предать свой дух Творцу; одного этого он горячо желает, более того, надеется на это. Убеждённости в близости кончины, что запала в душу превосходному сему отцу, постепенно укрепилась, так что, перебравшись из коллегии в новициат, то есть общежитие послушников, он стал прощаться не только с товарищами, но даже с деревьями, стенами, крышами, словно не рассчитывая когда-либо вновь увидеть прежний дом.

[361] Сии [вести] до терзали благочестивую супругу Гонсало, которая скорбела о [возможности] преждевременной потери столь дорогого ей духовного руководителя, поэтому, каждый день тревожно поглядывая на Розу, она по тысяче раз переспрашивала, правда ли, что, как она предсказывала, духовник её проживёт ещё подольше. Роза в свою очередь по тысяче раз отвечала, веля даме успокоиться. Тем не менее, она трепетала всякий раз, приходя на мессу, когда служил её духовник, опасаясь, что он во исполнение своей мечты прямо сейчас, завершив Жертвоприношение, уйдёт из мира живых. Наконец, в святейший канун божественного Рождества, когда сия дама пошла к оному священнику на исповедь, Роза велела ей передать ему, дабы он, отбросив уже наконец совершенно необоснованное мнение о близости своей кончины, знал, что ему предстоит совершить куда более значимые дела для Бога, что не умрёт он прежде, чем деятельным трудом вдалеке от дома не обратит на путь спасения множество душ, а среди них особенно отличатся пять выдающихся, заслуживающих его апостольских трудов, чтобы приобрести их для истинного Божества. Сие Роза сотни раз повторяла, утешая оробевшую казначееву супругу; сие в итоге полностью подтвердилось последующими событиями: ибо священник не только пережил Розу на семь лет, но и добился удивительного успеха в обращении погибающих людей, как она предрекала, ибо, став первым из мужей своего ордена, кто отправился в горы, кои ныне называются Санта-Крус-де-ла-Сьерра (ныне – крупнейший город Боливии. – прим. пер.), где исторг у бесов многие души, и в конце концов мирно почил в Лиме в году 1626-м.

[362] Отец бр. Бартоломео Мартинес из Ордена проповедников, приор лимской коновии святой Марии Магдалины и Розин духовник страдал от тяжелейшей болезни с неясным исходом и, оказавшись в крайне опасном состоянии, уже почти отложил попечение о теле, и по совету врачей ему поспешили уделить последние средства, предназначенные для отходящих душ. Недужного навестил о. магистр бр. Хуан де Лоренсана и, проникнувшись внезапным духом уверенности, повелел больному крепко надеяться, ибо он только что видел, как в церкви перед дарохранительницей со Св. Дарами пылает превосходная свеча (он подразумевал Розу), и наблюдал издали, как она изливает там ревностнейшие молитвы. Едва он закончил говорить, как зашёл ризничий бр. Хуан Фернандес и молвил, что сюда его послала Роза, коленапреклонённо молящаяся в храме пред святейшими Тайнами, заверить Бартоломео, что сколь бы ни плачевна была она болезнь, она отнюдь не грозит ему смертью; [что] это принесёт его душе благо, а здоровье возвратится быстрее, чем он мог бы надеяться, потому что прежде [кончины] ему подобает во славу Божию исполнить некое необычайное служение. Бартоломео, коему душа девы была до глубины известна, нисколько не колеблясь, поверил сказанному, одновременно избавившись и от боязни, и от болезни.

[363] Магистр бр. Луис де Бильбао, тоже бывший духовником девы в течение четырнадцати лет, перестал было бояться затаившейся лихорадки, которую считал уже побеждённой, как болезнь вернулась, словно бы из засады, куда сильнее, чем прежде, и довела его до крайне бедственного состояния. Уж и озадаченные медики колебались, прекратив давать ему лекарства; уж и больной (наделённый от природы

звучным и чистым голосом) едва мог из-за заложенности груди и немощи вымолвить хоть что-нибудь членораздельное, но тем не менее поручил, пользуясь, насколько мог, слабым голосом и мановениями сообщить Розе о своей беде и велел ей искренне возвестить ему, что она думает о дальнейшем течении и исходе сей болезни, дабы, если ему предстоит умереть, он мог немедленно подготовиться к мгновению, от коего зависит вечность. Помимо того он заклинал деву не оставлять его в сей неопределённости и не скрывать ничего, относящегося к его спасению; ибо это самое что ни на есть время сказать правду и ныне он, пожалуй, более, чем когда-либо, ожидает от неё дочернего благоволения ради святого послушания.

[364] Дева, несмотря на сочувствие беспокойствам духовного своего отца, ничуть не ужаснулась от сообщения о его беде, а кратко, но с весёлым выражением лица, ответила: «Никогда не неуместно, всегда похвально и спасительно с напряжением всех сил, со всяческим тщанием и усердием готовиться к важному оному мгновению последнего вздоха. Однако же болезнь сия не к смерти (ср. Ин. 11:4), выздоровеет болящий и в ближайший торжественный праздник святейшего Розария будет красноречиво держать речь с возвышения перед всем народом. Однако я пошлю к нему моего Врача, Коего он пускай он всегда держит на изголовье перед взором и не сомневается в выздоровлении». Затем она послала священнику необычайно милую ей статуэтку (iconem) маленького Иисуса, изящно наряженную – своего (как она выразилась) Врача, – каковую потом попросила выздоравливающего вернуть, сообщив, что без неё чувствует себя чересчур одиноко. Луис поверил прорицанию Розы, благоговейно помолился Врачу, ко всеобщему изумлению целиком поправился. Оставалось лишь одно дело, относительно которого он много колебался, ибо ему было совершенно непонятно, каким образом на него может прийти обязанность произносить речь на предстоящем торжестве святейшего Розария, поскольку в том году была не его очередь, но провинциала – магистра бр. Габриэля де Сарате, коему за месяц до того по жребию (как там принято) выпал долг вещать. Тем не менее, и сему должно было сбыться с Луисом, ибо провинциал, незадолго до праздника захворав, не смог проповедовать и, не зная о прорицании, препоручил проповедь Луису.

[365] В лимской киновии святого Доминика просил иноческого облачения некий Хуан де Сото, но умолчал о падучей болезни, коей был подвержен. В испытательный год обман обнаружился, что побудило киновиарха Алонсо Веласкеса, как было тайно постановлено советом отцов, благопристойно отослать непригодного послушника в мир. Уже был назначен день исполнения [сего решения], и обязанность отпустить [Хуана] была возложена на наставника послушников Педро де Лоайса; и ничего из этого, исходя из человеческих возможностей, не могло стать известно Розе. Однако благочестивая дева явилась рано на рассвете и через ризничего бр. Бласа Мартинеса попросила, чтобы приор вместе с наставником послушников спустились к ней в храм, прежде чем исполнят задуманное дело. Оба пришли, теряясь в догадках, чего это понадобилось деве в столь необычный и ранний час. Она ответила, что прибежала смиренно молить за послушника, который вот-вот должен уехать, и тут же попросила отменить постановление об исключении. Несколько омрачившись сим, один из отцов возразил: «Ты не знаешь, Роза, как зря ты на этот раз по своей доброте пытаешься заступаться; знай, что юноша, за которого ты просишь, совершенно непригоден для иноческой жизни». Роза невозмутимо снесла сей суровый отказ, однако добавила: «Вы увидите, что постановление Всевышнего иное, и оно сильнее вашего: ибо сей послушник удостоится благочинно принести торжественные обеты и неслыханно прославит Орден, став образцом благочестия и набожности». Всё вышло так, как предсказывала дева.

[366] Три родные сестры – Филиппа, Катарина и Франсиска де Монтойа, – глядя на житие и пример Розы, совершенствовались в благочестии. Две из них – Филиппа и Катарина – пожелали, презрев мир, принять иноческое облачение святого Доминика и вступить в Третий орден. Только Франсиска, немного заупрямившись, цеплялась за мир и всем сердцем отвращалась от разрыва с ним; недолго любила иноческие рясы, убогую простоту одежд; её тешила затейливая броскость блестящих нарядов, не отпускала женская любовь к изящным причёскам. Роза порой изрядно порицала Франсиску за то, что она старательно закручивала локоны, приговаривая: «Когда-нибудь я увижу, как сии твои волосы, что ты ныне холишь с такой нежностью, будут обрезаны – не сомневайся!» В итоге она открыто предсказала, что Франсиска (несмотря на теперешнее сопротивление) вместе с родной своей сестрой Катариной станет монахиней Третьего ордена святого Доминика, а Филиппа, которая тогда горела желанием вступить туда, в итоге согласится на предложенный достойный брак. Прорицание исполнилось: ибо горячее Филиппино желание иноческого состояния ко всеобщему изумлению перешло к Франсиске, и первая получила мужа, а вторая заодно с сестрой своей Катариной – иноческое облачение святого Доминика, с рвением и неизъяснимой радостью отрекшись от волос, роскоши, мира.

[367] Ещё пара благородных девиц – Мария и Хуана Утрадо де Бустаманте – хоть и тешились задушевной и близкой дружбой с Розой, ни о чём не помышляли меньше, чем о монашестве. Однако, прогуливаясь однажды с ними в домашнем саду, Роза по внезапному внушению свыше так заговорила с ними: «Знайте, милые сестрицы, что вы обе вместе с вашей бабушкой Луисой станете инокинями в монастыре имени Св. Троицы, а я доживу до того дня и увижу сие». У них была ещё третья родная сестра, Франсиска именем, которая настолько горела желанием вступить в Третий орден святого Доминика, что почти ни о чём другом ей не хотелось ни думать, ни говорить. Поделившись в итоге с Розой своим замыслом, она получила ответ, впоследствии подтверждённый событиями, а именно: ей не быть инокиней ни Доминиканского ордена, ни какого другого, но законною мужней женой. Так и случилось: ибо в год 1615-й, как раз за два года до Розиной кончины, обе сестры – Мария и Хуана – заодно со своей бабушкой приняли покровала в монастыре Пресвятой Троицы, приняв имена: первая – Мария Ожидания Рождества (в латинском тексте – «*María de la O*», в честь предрождественской недели, когда поются гимны, начинающиеся с восклицания «*O*»). Также и чтимый в Испании образ «Матери Божией в ожидании родов» именуется «*Nuestra Señora de la O*» и имеет особый праздник 18 декабря – прим. пер.), другая – Иоанна Иисуса, последняя – Людовика Креста. Франсиска же вышла замуж за Херонимо де Вильялобос.

[368] У Хуана де ла Райа и Марии Эуфемии де Парехас подрастал единственный сын Родриго, относительно коего они, ещё когда он был мал, решили, что в своё время ему надлежит вступить в ряды священного воинства Общества Иисусова. Отрок рос, но не проявлял никаких склонностей к благочестию. Когда он занялся учёбой, ещё более явно заметили его отвращение как церковному служению, так и к любым учёным занятиям, сколько бы родитель ни высказывал противоположного желания, с какими бы трудом ни убеждал. Удручённая мать явилась к скрывавшейся в садовой келейке Розе, открыла ей своё горе, усердно просила молитвенной поддержки. Роза, будучи чрезвычайно расторопной в утешении опечаленных, тут все свои усердные молитвы к Богу посвятила Эуфемии. Затем, возрев ненадолго в небеса и после краткого промедления придя в себя, молвила: «Ничуть не сомневайся, Родриго твой всего через несколько месяцев облачится в иноческую рясу, но не в Обществе Иисусовом, чего ты

паче всего желала».

[369] Последние сие слова ранили Эуфемию, посему она отвечала: «Ах! Как глубоко вместе со мной огорчится муж мой, услышав, что сын наш не причтётся к онтому Обществу». Ласково ответила ей сострадательная дева: «Не лучше ли тебе почтить Божественное провидение, которое тебе так своевременно изволило указать, чтобы ты мужа мало-помалу настраивала на подобающее смирение, дабы он не стоял на пути Духа, Который будет дышать, где хочет (ср. Ин. 3:8). Позвольте лучше действовать на Родриго воле Божией, нежели вашей, а как только твой сын вступит в монашескую общину, ты уж гляди и мне сообщи, дабы и я воздала Всевышнему благодарение за благодеяние, содеянное нам».

Прошло около трёх месяцев, когда Родриго почувствовал, что в нём разгорается неукротимое и внезапное желание иноческого жития, и уж затем родители, поскольку сие в равной мере было угодно и им, незамедлительно и серьёзно договаривались с отцами-иезуитами о его приёме в достославное их Общество. Узнав об этом, Роза, снова сказала Эуфемии: «Вернее верного то, что ты увидишь своего сына иноком, но также верно, что не будет причтён он к Обществу Иисусову, а ждёт его ряса поглубже – [братии] серафического Франциска».

[370] Это было то, о чём Родриго тогда менее всего помышлял, а Эуфемия с мужем менее всего желали. Вместо этого, они всё уже обсудили, решили, подготовили с начальством Общества и ожидали только письма с согласием отца-провинциала, но (так распорядилось Божество) оно задерживалось, а Родриго меж тем втайне от родителей отправился в киновию святого Франциска, попросил облачения, добился принятия и, когда родители в итоге уговоров наконец склонились к согласию, через восемь дней торжественным обрядом вступил в ряды нищего ордена Братьев меньших. Мать с печалью и тревогой сомневаясь в выдержке послушника, опасалась, что хрупкий юноша едва ли справится со столь суровыми ограничениями, вновь отправилась к Розе, встревоженная, оробевшая, обеспокоенная – прежде всего после того, как узнала, что сын в при жёстких великопостных подвигах несколько приболел. Но дева, слегка журя женщину за маловерие, молвила: «Так ничтожна твоя вера в помощь Царицы святейшего розария, Коей я вверила послушника Родриго? Знай же, что он удержится в своём ордене. Считай, что он уже на твоих глазах приносит обеты». Короче говоря, Родриго, сразу как переменил льняную ризу на шерстяную рясу, выздоровел, после года послушничества дал торжественные обеты и долго прожил в серафическом чине, став благоговейным и образцовым священником.

[371] Рабыня испанского дворянина Леонардо де Ройа тайно состояла с господином в постыдной связи. Усовестившись наконец и желая позаботиться о спасении своей души, но не видя способа, как выпутаться из пагубного сожительства и как, находясь под бременем рабского состояния, добиться законного брака со свободнорождённым мужчиной, она доверчиво поведала Розе свою беду. Дева, сострадая служанке, велела ей крепко надеяться, что по милосердию Божию Леонардо возьмёт её надлежащим образом в жёны. Поверила несчастная женщина сверх надежды с надеждою (ср. Рим. 4:18), а благополучный итог дал знать, что не впустую Роза утешала её обещаниями.

[372] У Марии де Места, супруги художника Медорио Анджелино сбежали из дому одновременно две служанки, причём одна из них, Антония именем, умыкнула хозяйкины ключи, без которых та тогда никак не могла обойтись. Она пожаловалась деве на свою потерю, из-за которой, придя домой, ей придётся либо попытаться

взломать одежный сундук, из которого был вынут ключ, либо просить необходимую одежду взаймы на стороне. Но Роза внезапно ответила: «Не делай ни того, ни другого, ибо возвратившись к порогу своего жилища, прежде, чем ты сойдёшь с паланкина, встретишься в воротах с [человеком], который возвестит тебе, что Антония по доброй воле вернулась из побега; а насчёт второй беглянки знай, что её возвратят тебе завтра». Места уехала и на пороге своего дома, ещё не поднявшись с сиденья паланкина, увидела в проёме ворот мужа, который возвестил ей, что возвратилась Антония – с ключами. В свою очередь и Места сообщила мужу: «А завтра нам вернут и вторую беглянку». Оба события Роза предсказала, оба же на глазах у Места на завтра исполнились.

[373] Его Высокопревосходительство вице-король Перу постановил назначить казначея Гонсало де ла Масса на должность вдали от Лимы – почётную, но чрезвычайно трудную и требовавшую от человека как огромного опыта, так и верности заодно с бескорыстием. И вот, дабы заручиться согласием Гонсало, вице-король послал к нему сенатора (так называемой) Королевской аудиенсии (апелляционный суд в испанской империи, который в Америке обладал не только судебной, но также законодательной и исполнительной властью. – прим. пер.) и налогового прокуратора, к коим ради придания достоинства и убедительности прибавил своего собственного духовника. Казначей, потрясённый знатностью посольства и одновременно серьёзностью намерений вице-короля, попросил тогда (правильно понимая всю сложность вопроса) дать ему время как бы на размышления, но более всего потому, что в то время он был занят отправкой из своего города кораблей с несчётным грузом писем, а также подводил счета, связанные с исполнением своих обязанностей, из-за чего не мог отлучиться из дому ни на один день. Однако на самом деле то был предлог, затягивая время отсрочки, уклониться от дела, грозящего изрядным риском. Когда корабли отплыли, трое вышеназванных вновь стали ходить к Гонсало – не вместе, а поодиночке, и притом многократно; ведь над ними тяготела важность задания и послушание королю.

[374] Наконец 15-го апреля Гонсало получил как бы окончательное предупреждение, что на завтра в назначенный час вице-король ожидает его во дворце на собеседовании, из чего ясно понял, что более у него не остаётся никаких возможностей избежать ненавистного отъезда. Посему тем вечером после ужина он, задумчивый и печальный, беспокойство души своей поведал только супруге да Розе. Жена побледнела от страха, а Роза – ничуть, но на следующий день, идя из моленной с весёлым лицом молвила казначею, уже собиравшемуся выходить из дому, чтобы предстать перед вице-королём: «Ступай и не страшись! Ты веселее вернёшься к нам из дворца, чем отсюда уходишь; так что не слишком мешкай, будь спокоен: то тягостное дело, коего ты опасешься, будет передано другому, и ты останешься совершенно не при чём».

[375] Сомневающейся казначеевой супруге одно и то же с величайшим упорством втолковывала дважды и трижды, прибавив: «Даже если ты увидишь, что муж вдевает ноги в стремя и уже скачет по улице, не верь, что он уедет. Останется он с тобою в Лиме, и не отошлют его на беду себе исполнять крайне обременительную должность». Дивное дело: казначей, внезапно приглашённый на тайное совещание к вице-королю, задержался, ведя с ним разные беседы, на полтора часа и в тот миг, когда уже со страхом ждал объявления неумолимого приказа, был любезно отпущен, причём вице-король на протяжении всего разговора ни словечком не коснулся ненавистного одного назначения, хотя целых четыре месяца чрезвычайно усердно с помощью вышеупомянутых добивался склонить к сему Гонсало против его воли. Спустя

продолжительное время другой [чиновник] был назначен на ту [должность] – так [безоговорочно], будто с Гонсало это никогда не обсуждалось.

[376] Фернандо Флорес де Эррера, родной брат Розы, по примеру отца отправившийся в армию, добрался до Чилийского королевства, где и дослужился до звания знаменосца своей роты (centuria). Ему, находящемуся от Лимы на расстоянии примерно пятисот лиг (испанских, итого – ок. 2000 км – прим. пер.), сестра Роза написала письмо, ибо свыше узнала, что он в Чили связал себя узами честного брака. В сем [письме] она настойчиво увещевала брата, коль уж он стал женатым человеком, то ему отнюдь не подобает пренебрегать тщательным соблюдением обязательств главы христианского семейства посреди воинского гама, [что ему] следует старательно учить домашних своих бояться и любить Бога; детям, коими его одарит вышнее благословение, внушать наилучшие нравы и похлопотать о том, чтобы воспитаны они были в святости; притом первым плодом его брака будет девочка с особенной Божьей отметиной на лице, ибо она будет замечательно украшена пурпурным отпечатком розы. Так вот, её сразу после рождения отец пускай посвятит как приношение Преславной Богородице, ибо ведь сия девочка чистотой и невинностью жития своего много угодит Всевышнему.

Так и случилось, ибо примерно через два года родилось у Фернандо первое сие чадо, от чрева матери несшее на лице образ розы, столь прекрасно и точно выписанный, что никакая кисть не могла бы нарисовать красивее.

[377] Малышка с сим знаком подросла, и дивились все, кто некогда видел письмо Розы. Диего Гонсалес Монтеро, Кристоаль де Аранда Вальдивиа и иные командиры да начальники чилийской армии наперебой хаживали в дом к Фернандо, дабы лично насладиться священным сим зрелищем: ибо и девочка (по Розинуму предсказанию) с нежного возраста дивным образом была расположена к подвигам благочестия и милосердия. Наконец, преждевременно лишившись обоих родителей, она оставалась под покровительством опекуна, доколе Франсиско Лассо де ла Вега, губернатор и руководитель Чилийского королевства ради святой памяти Розы (тогда уже покойной и прославившейся даже в Чили) по собственному почину взял на себя долг и заботу о том, чтобы переправить сироту из Чили в Лиму, где она при бабушке – Марии де Олива (тогда уже монахиня) – вела святейшую жизнь в монастыре св. Катерины Сиенской и просияла там как чудесный образец несравненных добродетелей.

[378] У благородной дамы Исабели де Мехиа была служанка-негритьянка, Сперанса именем, которая выдавала себя за христианку. Она была из внутренней Африки (Lybia) привезена через Атлантический океан в Южную Америку (in Indias) с африканского мыса, который некогда назывался Западным, а ныне Зелёным (совр. Кап-Вер. – прим. пер.), и поначалу служила на Панамском перешейке, а затем, будучи переправлена в Лиму, с шести лет прислуживала Исабели. Случилось ей тяжело занемочь, поэтому Роза смиренно выпрашивала то у Исабели, то у своей матери позволения взять Сперансу к себе в материнский дом, дабы там ей было сподручнее ухаживать за нею. Когда её принесли, дева внезапно стала бормотать что-то невнятное про себя, а в итоге открыто сказала матери: «Чувствую, Сперанса не крещена». Больная, напротив, усугубив дурной стыд ещё горшим упрямством, неуклонно настаивала, что была омыта святым крещением в Панаме, а чтобы придать веры своему вымыслу, стала выдумывать и называть множество имён тех, кто якобы присутствовал при том, припоминала никогда не существовавших крёстных, место, год, обряд – всё помимо правды.

[379] Ей совершенно легко удалось убедить как госпожу свою, так и Марию де Олива вместе с прочими – до того, что они стали обвинять Розу за якобы неуместные нападки. Но дева беспрерывно стенала, вздыхая и открыто оплакивая некрещёную больную. Через одиннадцать дней по провидению Божества к казначею Гонсало заявился раб Франсиско, что был постоянным спутником Сперансы [при путешествии] из Африки в Панаму, а оттуда – в Лиму. Будучи спрошен, он простодушно ответил, что всегда думал, будто Сперансу наверняка крестили в шестилетнем возрасте в Лиме, ибо то, что в Панаме она крещения не удостоилась, было доподлинно известно. Тут уж, уличённая, наконец, в обмане, но удивляясь, откуда это Роза смогла проведать, Сперанса при всех заговорила: «Когда я прибыла из Панамы сюда в дом Исабели, прочие тутошние негритянки стали в насмешку звать меня «лошадью» за то, что я была ещё некрещёная (в то время, по отчётам иезуитов, у обращённых рабов действительно было в обычае обзывать некрещёных сотоварищей «лошадьми» и «ослами». – согл. прим. лат. изд.), и я, не выдержав колкостей, нагло ответила, что я такая же христианка, как они. С тех пор, чтобы не опозориться, я вынуждена была упорно держаться за свой обман вплоть до сего дня. Но ныне признаюсь, что Роза (не знаю, каким образом) меня разоблачила, и настоятельно прошу крещения». Дева тотчас позвала из ближайшего прихода св. Севастиана лиценциата Кихано, изложила ему с согласия больной все обстоятельства дела; Сперанса принимает крещение и на следующий день умирает.

[380] Никто не дерзал спрашивать у обрадованной сим успехом Розы, откуда она узнала скрытые жизненные обстоятельства Сперансы, ибо всем казалось бесспорным, что человеческими средствами ей этого в Лиме не могло стать известно; с другой стороны, матери давно было известно, что деву свыше наполняли скрытые знания свыше, ведь благодаря опыту открылось, что, среди прочего, умение читать и писать у малолетней дочери было не приобретённым, а ниспосланным от божественного внушения.

Дело в итоге выяснилось так. Мать кое-как обучила маленькую Розу всем буквам азбуки и дошла уже до того, что, показывая, как составлять из них слоги, дала девочке пропись, чтобы та училась на ней выводить знаки. Роза предпочла бы всё это время отдать молитве, но мать, подозревая, что дочка по детскому обыкновению избегает скучной учёбы и труда, побудила духовника разругать в её присутствии отроковицу за нерадивость. Он добросовестно исполнил что было велено, но на следующий день Роза, помолвившись предварительно, пришла к матери, бегло прочла предложенную ей книгу, а сверх того предъявила отрывок из книги (programa), изящнейше переписанный своей рукой. Ибо ведь лучше научило её помазание [Святого Духа], нежели Оливы, и Тот же, Кто свыше наставил святую Катерину Сиенскую в искусстве чтения и письма, изволил и Розу за короткий срок просветить таким же чудесным внушением. Помимо того (чтобы уж не задерживаться на сих мелочах), узнав в итоге от сего Учителя день, место, час своей смерти, никому не милые более, чем ей, и, как блаженная пророчица, предсказала свои похороны. Однако лучше отложить это до следующей главы.

ГЛАВА XXVII. КАК СВЯТАЯ РОЗА ЗАРАНЕЕ УЗНАЛА О БОЛЕЗНЯХ И МУКАХ, КОИ ЕЙ ПРЕДСТОЯЛО ИЗВЕДАТЬ ПЕРЕД ОКОНЧАНИЕМ ЖИЗНИ

[381] Что тяжелее перенести: точное знание срока своей смерти или незнание дня и часа – это вопрос; первое – определённо, последнее – тайной (*illic decretum, hic secretum*) своей угнетает смертных, кроме тех редкостных друзей Божиих, для коих смерть является приобретением (ср. Флп. 1: 21), а сверх того некоторым из них по

исключительному благоволению Божества открывается тайна дня и часа. Посему и Розе был так дорог и мил ежегодный праздник божественного Варфоломея (в который, как ей было заведомо известно, она умрёт): его она праздновала благоговейнее, с особым рвением, и не довольствовалась своим постом, но и нескольких невинных малышей убедила поститься вместе с нею в канун сего праздника; причём они даже после кончины Розы добровольно продолжали отмечать постом каждый канун дня одного апостола и не знали иного объяснения сего благочестивого обычая, кроме того, что так их наставила Роза. Пытливая мать всё дивилась, отчего это дочь так особо чтит святого Варфоломея, пока наконец не услышала от девы, что в сей день когда-нибудь состоится её свадьба и будет она вызвана в брачный чертог Жениха.

[382] До смерти девы оставалось ещё около трёх лет, когда она слегла от тяжёлой болезни, отчего всем показалось, что она уже на краю могилы. Никто не сомневался, что в течение нескольких дней она уйдёт из жизни. Домашние оплакивали её, словно бы уже умершую, и время от времени спорили, дышит ли она ещё. Среди прочих при ней был духовник о. магистр бр. Луис де Бильбао, который слёзным голосом стал произносить над девой те молитовки, коими умирающие обычно утешаются из последних сил при последней муке. Тяжело дышавшая Роза тихо и внимательно слушала напутственные утешения и, с готовностью исполняя его увещания, то ревностнейше повторяла акт сокрушения, то издавала безмятежные вздохи покорности [воли Божией], то с рьяным усердием выражала горячее устремление к вышнему отечеству.

[383] Но, увидев, что стоящие вокруг рыдают, словно бы всё пропало, и сам духовник не может удержать слёз, она и сама не совладала с нежным (roseum) чувством сострадания и, дабы утешить других, сказала священнику следующее: «Отринь страх, отгони неуместную скорбь, да и будь уверен, что от сего недуга я отнюдь не умру, хотя тебе и всем кажется, что меня пора оплакивать. Увы, цель, к каковой я поспешаю, ещё далека; в конце концов я достигну её, но не сейчас. Поэтому, если я умираю ныне, то мне предстоит умереть дважды, ибо тот день, что в итоге принесёт мне гибель, ещё впереди, и невозможно представить, что есть воля Жениха на то, чтобы я умерла дважды». Дивился духовник тому, с какой уверенностью и упованием обращалась к нему дева, зная, что ей не свойственно говорить наобум, и не станет она утверждать ничего о деле столь сокровенном, если только не был явлен ей в божественном откровении день её преставления.

[384] Наконец Роза достигла возраста тридцати одного года, каковой год, как она давно заранее знала, ей отнюдь не суждено пережить. Посему за четыре месяца до кончины, находясь в полном здравии, она так сказала жене Гонсало: «Знай же, матушка, что через четыре месяца наверняка отправлюсь путём всякой плоти. Последние мои страдания, что меня доконают, будут ужаснейшими, но самой великой пыткой станет жажда, и я уже ныне всеми силами и со страхом умоляю тебя помочь мне с нею тогда. Помни же, и, когда я запекшимися устами и иссохшей утробой буду взывать к твоему материнскому благоутробию, не откажи мне во влаге, в коей буду нуждаться. Пообещай сегодня, матушка, что в оном смертоносном пылу предсмертной жажды ты не покинешь меня без того, чтобы подать воды в ответ на просьбу». Дама, потрясённая сими словами, внимательно уставилась на деву и, убедившись, что она вполне всерьёз униженно умоляет об этом, искренне пообещала дать ей в ответ на просьбу столько воды и столько раз, как той будет желательно. При всём том она огорчилась, что роковой день Розы так близок.

[385] Затем и место (причём за целый год до) [своей кончины] она предсказала той же даме, ибо однажды вечером посреди духовной беседы Роза внезапно вопреки обыкновению прервалась и с выражением восхитительной и скромной радости на лице разразилась таковыми словами: «Знай же, матушка, что ни в каком ином месте, кроме как здесь в твоём доме и прямо отсюда мне предстоит отдать долг природе, и если ты увидишь, что смертная болезнь постигнет меня в родительском моём доме, не сомневайся: здесь, не там я разрешусь от уз смертной плоти. Ныне же заклинаю тебя нашей дружбой: когда испущу я здесь дух, не доверяй иным женщинам облачать моё бренное тело и снаряжать к погребению, пускай ради любви Божией сия забота ляжет на тебя и мою родительницу; умоляю, дабы только вы оказали мне сию последнюю милость».

[386] В славном видении радуги (о каковом – выше в гл. XVII) милостивый Спаситель на виду у блистающего воинства неисчислимых ангелов заблаговременно открыл деве весь ряд предстоящих ей безмерных страданий, коими ей суждено было терзаться и приуготовляться к блаженному бессмертию, [сообщив, что] они будут так остры, люты и многочисленны, что перенесённые ею прежде по сравнению с ними едва ли даже заслуживают имени страданий, [что] каждый член истощённого её тела будет испытывать свою собственную пытку, дабы ни один из них другому ни помочь не мог, ни разделить муку естественным сочувствием; [что] иссушенную утробу и гортань Розы охватит такая же жажда, каковая терзала обескровленного Искупителя на кресте; [что] сам костный мозг её будет снедать непереносимый жар, и при всём том множестве жутких болезней не будет для неё ни обычного природного порядка, плавного протекания, закономерностей или перерывов, ибо беспорядочное скопление стольких смертоносных мучений будет выходить за рамки естественного.

[387] Дабы избавиться от страха перед чашей столь страшной горечи, Роза в Розариевом приделе, словно бы в саду Гефсиманском, пламенно вверяла себя то воле вечного Отца, то защите девственной Матери, пока по изволению Богородицы не дано было ей там в откровении узнать, что уже близок день, когда предстоит ей единым духом испить всю сию горечь смертоносного кубка (*promulsidatii*). Деву случайно застал знакомый, Хуан де Тинео Альманса и, коротко поприветствовав, вверил себя её молитвам. Роза же с пылающим ликом (крепко разгорячившимся от одного задушевного беседования с Богородицей) в свою очередь попросила его о молитвенной поддержке, добавив нечто двусмысленное, чего Хуану хватило, дабы уразуметь: Роза только что получила откровение о точном дне близящейся кончины своей.

[388] Наконец, за три дня до предсмертного обморока под конец болезни Роза напоследок зашла в родительский дом для того, вероятно, чтобы тайком попрощаться там со своей садовой келейкой, которая вместе с нею извела столько небесных отрад. Там дева, думая, что она одна и никто за ней не наблюдает, завела лебединую песнь и стала заранее нежно оплакивать уже близкую смерть свою. Незаметно наблюдавшая за этим из соседнего уголка мать услышала, как дочь с прославляет нежными стихами громогласного гимна (*jubilo*) святого отца Доминика, коему настоятельно препоручает Марию де Олива, мать свою, часто подчёркивая и повторяя, что вскоре та (когда Роза умрёт) останется одна, а посему да окажет он ей, сирой и покинутой, своё небесное покровительство, каковое он в итоге намеревается явить дочери. Мать поразил безмолвный ужас, но до поры она скрывала [услышанное], вероятно, несколько сомневаясь, что Роза может выражать в стихотворном виде да ещё и песней вполне серьёзные вещи; что сие не истины, но пожелания; пока на третий день (пришедшийся на первый день месяца августа) не открылось, что лебединые причитания (или, если

угодно, гимны) были песнопениями не поэтическими, а провидческими.

[389] В календы августа под вечер Роза, здоровая и полная сил, заперлась у себя в комнате, чтобы дожидаться там оных обещанных ей страданий на смертном одре, приметы и предвестники коих уже начинала чувствовать. И вот среди ночи слышались её прежалостные рыдания. Прибежала казначеева жена с дочерьми и служанками, и обнаружили, что хрупкое тело больной простёрлось на земле, руки и ноги неподвижно застыли, и только одышливый трепет груди и жалобный сип бессильного голоса выдавали, что в деве ещё сохранилась искра жизни. Встревоженная дама склонилась над нею и стала спрашивать, где, что сильнее всего болит да что, наконец, с нею стряслось? Но Роза, задыхаясь, не могла тогда ответить ничего другого, кроме как прерывисто сообщить, что с ней ничего не стряслось, но что в самой глубине её внутренностей вовсю господствует смерть. На вопрос, не позвать ли врача, ответила – «Небесного», и смолкла.

[390] Между тем её подняли с земли на кровать. Она не могла ни двигаться, ни спать; холодный пот заливал бледное лицо; она едва была способна дышать, словно придавленная огромным жерновом; пульс, что бешено бился в жилках на запястье, был неровен; и то судороги охватывали обескровленное тельце, то дрожь. В сем [мучении] деве становилось лучше, только когда она порой, совладав с устами, нежнейше произносила имя Иисусово. Наутро позвали духовников, и, когда они прибыли к болящей, то были удивлены, [увидев в ней] живой образ (*simulacrum*) всех страданий. Прибыли и врачи, которые немедля по исследовании признаков взаимоисключающих (*repugnantium*) болезней, опустили руки и устали друг на друга, признав, что, как им кажется, человеческому существу не по силам вытерпеть такое множество мучений и что оные страдания отнюдь не естественны, но тут [наблюдаются] припадки, сила коих превыше всего, с чем они когда-либо извели в своей медицинской практике (*artis suae experientia*). Сие, бесспорно, была оная чаша, кою пил Жених, кою приуготовил невесте и задолго до того являл.

[391] Один из духовников спросил деву, может, она хотя бы врачу объяснит, что чувствует. Поскольку она мешкала, он побудил её повелением, полагая, что молчание вызвано смиренной сдержанностью, а не чрезмерными мучениями. Услышав приказ, Роза тут же благодаря послушанию стала сильнее страданий и дала такой ответ (впрочем, не в силах объяснить настоящий свой недуг (он был странен) даже приблизительными иносказаниями, хотя выучила названия почти всех болезней, которые переносила чрезвычайно часто): «Я знаю, что заслужила терпеть сие, но не знала, что такое множество страданий может обрушиться на человеческое тело и распределиться по всем членам; кажется, меня время от времени пронзает струя раскалённого добела железа и от самой макушки до подошвы правой ноги сквозь меня проходит огненный вертел, жар коего неким образом поднимает меня ввысь; с таким же жжением поперёк меня – от левого бока через глубину сердца – проходит пламенный кинжал (заметь, читатель, что сим поперечным пересечением двух огненных пыток изобразуется подобие креста); голову мою, на которую, кажется, надет добела раскалённый шлем, со всех сторон непрерывно поражают крепкие удары, словно бы наносимые молотком; кости мои постепенно рассыпаются в прах; костный мозг обгорел, как пепел (ср. Вульг. Иов. 30:30); все суставы терзались своеобразными муками, для коих я ни имени не могу найти, ни уподобить их другим страданиям. Хотя мне известно, что они вскорости доведут меня до конца, всё же, поскольку через несколько деньков сила мук моих достигнет предела, я страшно сожалею, что долее, чем хотелось бы при этом, буду обременять трудами и хлопотами

дом сей. Впрочем, пускай сотворит со мною Господь всё, что угодно пресвятой воле Его, я же не отвергну ни смерть, ни кары, что страшнее смерти».

[392] Сии речи только прибавили головной боли врачам; они мялись, поглядывая друг на друга, смущённые, озадаченные, потрясённые: ибо, с одной стороны, общеизвестная добродетель и святость Розы ничуть не позволяли сомневаться в правдивости её слов, а с другой, отсутствовали признаки, подтверждающие подозрение на то, что болезнь смертельна, поскольку ни некая лихорадочная пульсация в венах, ни необычное чередование стольких изменений не представляли из себя симптомов (critirion) какой либо известной эскулаповым последователям болезни. Впрочем, дева втайне открыла своему духовнику о. магистру де Лоренсана, что зря врачи утруждаются, пытаясь определить вид сей болезни, поскольку она совершенно за пределами естества, но, проникая извне, множественными путями со всех сторон устремляется от дальних частей (peripheria) к середине, и припадки при встрече друг с другом, взаимно пересекаются, доходя до предельного разнообразия ощущений. Посему ей здесь остаётся лишь запастись терпением неисцелимого Иова, дабы каким-то образом испытать на своих членах все страдания распятого Жениха. Итак, она изо всех сил упрашивала супругу Гонсало позволить ей полежать хоть несколько дней просто так, без разговоров с людьми: возможно, ради того, чтобы в сем безмолвном уединении глубокие и неизъяснимые страдания свои тихо погрузить в смертельные страдания распятой Любви, Коей она чувствовала себя сораспятой на кресте всеми членами.

[393] Однако недолгую ту крестную тишину прервала, явившись, Розина мать, которая, будучи допущена к дочери, к своему огромному ужасу обнаружила, что та ещё сильнее больна, чем ей доложили; и вот она назойливо и тревожно стала донимать больную, спрашивая, что у неё сильнее болит. Дочь коротко ответила, что ей всюду плохо, за исключением лишь того, что сии страдания суть крестные. Но мать отнюдь не довольствовалась сим ответом и, вероятно, умозаключив по дочкиному молчанию, что ей была не вовремя оказана врачебная помощь, потребовала, чтобы ей всё было изложено в мельчайших подробностях, и, видя, что болящая затрудняется (ибо она не знала, откуда взялась и какое название дать болезни, столь безымянной и выходящей за пределы естества (praeternaturali)), начала ещё более властно – ссылаясь на добродетель послушания – выуживать из дочери тайны, которых та не знала.

[394] Роза, памятуя, что нигде не представится места, более подходящего для послушания, чем на кресте, обрела в оном силы и дух для говорения и сжато (ибо подробнее не могла) объяснила матери посредством того же уподобления, что её от макушки до пят пронизывает как бы огненная стрела удивительными жжениями, из-за коих, кажется, распух весь левый бок; [что] точно такая же головня проникает поперёк неё от бока к боку; [что] сие пламя испепеляет ей кости (поистине то было крестное всесожжение!), раскалёнными добела клещами по частям вырывает ей костный мозг и жилы, [что] по внутренностям её там и сям блуждает лютый холод, ещё сильнее уязвляя её столь частым чередованием с языками огня; [что] связки челюстей, словно бы крепчайше стиснутые стальной проволокой, при любом движении рта вывихиваются из сочленений; [что] уши и виски как будто прижигаются точка за точкой прижимаемыми к ним шариками, раскалёнными добела; [что] рот и гортань изнутри до крови изъязвлены зияющими нарывами; [что] глотка с миндалинами заскорузла наподобие пемзы от сухости и жажды (а как же иначе, ведь с креста доносится: «Жажду?»); [что] череп её, словно бы наковальня, получает вдоволь пречастых и могучих ударов; и ни от единой из всех этих пыток нет ей ни на миг роздыху. «Вот, – молвила она, – матушка, то, что я ради послушания могу тебе хоть как-

то обрисовать; прочее я не могу даже примерно, а если бы и смогла, ты не поймёшь». Мать отчаянно разрыдалась, и паче всего о том, что ей было нечем помимо слёз смягчить страдания дочери. Но дочь, мучаясь жалостью, пыталась унять сии бесполезные слёзы несчастной матери и, прося её сдержать плач, наподобие Жениха говорила: «Не плачьте обо мне» (Лк. 23:28).

[395] Воссиял между тем шестой день августа – праздник Преображения Христова, – но Розу он не на Фаворе, а на Голгофе застал, а вернее, распял. Казалось, глубинные страдания девы призвали себе на помощь рать остальных природных болезней, дабы не осталось ни одной муки, какая бы не подвергла испытанию столь великое её терпение, и дабы более не было сомнений в том, что недуг Розы смертелен. Первым явился на сей праздник званым гостем паралич левой стороны, так что вся эта сторона тела сверху донизу онемела, окоченела в смертельной неподвижности, дабы отсюда Роза начала по частям умирать. Только язык по особой милости Божией до последнего вздоха неизменно оставался полон сил для творения молитв (*ad pietatis usum*), а прочие члены с той стороны так оцепенели, что никак их было не заставить снова действовать, а всякие растирания мазями да припарки в итоге, скорее, служили приумножению муки, нежели доставляли облегчение. Только благодаря весу больная чувствовала, что у неё всё ещё есть та рука и нога; притом, пользуясь чужой помощью, чтобы ненадолго присесть в постели или повернуться на другой бок, она более сострадала неудобствам других, чем страдала от собственных. За параличом последовали (*successere*), а вернее, навалились (*accessere*) множества менее заметных симптомов.

[396] Однако 17-го августа к повсеместному воспалению рёберной перепонки прибавился сильнейший плеврит, к которому постепенно присоединилась сиплая, стесняющая грудь отдышка (*asthma*), дабы жар, что внутри, словно в печи, палил ей остальные внутренности, она не могла облегчать редкими вздохами без дополнительного терзания. Плеврит дополнился крайне мучительным ишиасом, коликами, жуткими судорогами в подреберьях, узловатой подагрой, разгоревшейся в правой ступне; затем её охватила непрерывная жгучая лихорадка беспорядочного множества прочих заболеваний, причём действие сей мощной, сложной, довершающей горячки оказалось таково, что неповторимая сия Роза наконец была повержена роковым изнеможением. Странно, что это не случилось скорее, но самый славный вид мученичества состоит в том, чтобы умирать медленно, более того – сустав за суставом.

[397] Безмятежная и спокойная духом Роза расценивала и воспринимала столь великие скопления множества страданий и болезней так, словно бы они были отмеряны ей Христом на оных чудесных весах, кои она внимательнейше наблюдала при видении дуг, и была уверена, что за столькими скорбями последует такое же множество даров благодати, ибо ведь [страдания производят] вечный оный вес славы (ср. Вулг. 2 Кор. 4: 17), о коем говорит Апостол в 2 Корин. 4, имя коей «завершённая благодать» (ср. «Сумма теологии», I.95.1.6). Отсюда она ясная и нежная тишина среди жесточайших мучений, отсюда эта нерушимая крепость доверия и надежды, коей Роза привела в изумление многих, а прежде всего духовных своих отцов; отсюда её весёлый и ласковый монолог, обращённый к Возлюбленному: «Господи, ещё, ещё! Исполни достолюбезное и святое благоусмотрение всеправедной воли Своей; наполни весы, взгромождай страдания на страдания, но помни, приумножь вместе с тем и терпение моё!»

[398] Между тем она вздыхала, но без стонов: «Господи, поспеши ко мне на поддержку, ибо без неё я ничего не могу!» Вслед за тем, когда боль в боках вызвала у неё кровавую рвоту, она обратилась к Жениху с рифмованной [молитвой] на своём родном языке:

Господи, только не
во гневе явись ко мне;
и не карай меня без прощения,
коль ждёшь, что кровью покрою я прегрешения!

Слышали, как она однажды с нежной мягкостью так заговорила с Распятъем, которое всегда носила в объятьях: «Иисусе мой, когда я просила у Тебя страданий, то думала, будут посланы те, коими Ты упражнял меня с ранней юности, но ныне Ты усмотрел иначе: благословенно будь столь богатое изобилие Твоего милосердия!» Кому-то, подружески посочувствовавшему ей из-за сковавшего её паралитического оцепенения, она с дивно спокойным лицом и духом ответила, что когда-то договаривалась с Богом об усыновлении нищего малыша, коего она намеревалась воспитать в надежде сделать его провозвестником Евангелия среди варваров (о чём рассказано выше – в гл. XXIII), но ныне ей дарованы аж двое, одного из коих ей поручено носить на левом колене, а другого – кормить шуйцей. Так она почти в шутку намекала на бремя омертвелоного своего колена и руки, которые легли для неё тяжким грузом по причине паралича.

[399] Со временем мудрая дева начала (и не без причины) опасаться, как бы затяжной и жуткий натиск болезней не лишил её заодно и разума и не разрушил целиком правильного устройства мысли; особенно тогда, когда столь долгими ночами в полной бессоннице, скованность в движениях, воспаление в затылке и ломота в висках почти наверняка угрожали вызвать помрачение и затмение рассудка. И вот, смиренная Роза дрожащим и жалостным голосом униженно заклинала домашних молиться вместе с нею Богу, дабы Он умерил натиск болезней хотя бы там, где они могут повредить её уму и ясности мышления. Призрел на смирение служаночки Своей (ср. Вульг. Лк. 1:48) милостивый Бог и особым знамением сохранил за нею неприкосновенную способность беспрепятственно рассуждать и говорить до последнего её вздоха несмотря на постоянные потемнения измученного ума. Однако среди сих тягостей дева часто лишалась внешних чувств то из-за обострения болезни, то в иступлённом созерцании – даже думали, что она слегка забылась в дрёме, отчего у некоторых даже забрезжила надежда, что больная понемногу оправится, ведь они думали, что она немножко спит.

[400] Паче всех беспокойная мать пыталась убедить дочку, что сии [обмороки] являются признаками выздоровления. Но дева, улыбаясь, возражала, что непременно умрёт; [что] они наблюдали отнюдь не сон и [что] не таковы её мучения, чтобы сон мог хоть на миг дать передышку от них либо хоть малость с ними сочетаться; поэтому не нужно сомнений в том, что вскоре ей должно скончаться, но по любви Жениха сперва предстоит испить горькую сию чашу страстей до самого дна. Сильнее всего терзала Розу последняя чаша (*archipincerna*) крестная – жажда, хуже того, она томила её день за днём всю сильнее. И вот, она, оставив на супругу Гонсало несчастный, пронзительный, слёзный, пристальный, скорбный взгляд, униженно молила подать ей капельку воды для освежения, готовая счесть лакомством желчь (к коей прежде привыкла) с уксусом, если бы удалось сие выпросить. Дама, хотя её смертельно снедала жалость, сказала, что медики этого ей не разрешают. Роза умоляла её вспомнить, как четыре месяца назад она дала клятву, пообещав [деве, тогда ещё] здоровой телом и духом, что если в час предсмертной болезни она взмолится о воде, та ей безотлагательно даст. Но она [дама] оправдывалась тем, что теперь не может исполнить обещания. Посему

мучительно томившейся деве оставалось только вместе с умирающим Женихом воскликнуть: «Жажду».

ГЛАВА XXVIII. ПОСЛЕДНЯЯ БОЛЕЗНЬ СВЯТОЙ, БЛАЖЕННАЯ СМЕРТЬ И ПРЕКРАСНЫЙ ОБЛИК ОСТАНКОВ, А ТАКЖЕ ВЕЛИКОЕ СТЕЧЕНИЕ НАРОДА К ОНЫМ

[401] Наконец пришло «благоприятное время» (ср. 2 Кор. 6:2), когда Розе, увядшей не столько от августовского (Sirii) зноя, сколько от жажды (sitis), предстояло исторгнуть вместе с жизнью шипы страданий и возродиться ещё прекраснее в райском саду Жениха. Больной уже невозможно было скрывать признаков умирания, и они оказались чрезвычайно благоприятны для того, чтобы, заручившись как бы их поддержкой, дева получила полную волю, отложив телесное попечение, заниматься только душой. Итак, всё чаще призывая духовников, она раз за разом очищала невиннейшую свою совесть многократными покаяниями, а однажды совершила генеральную исповедь за всю жизнь; после чего винила себя чаще, но короче, однако всегда с громкими рыданиями и слезами искреннего сокрушения, так что слышавшие сей плач испытали немалые угрызения, дивясь, что дева, доселе столь сдержанная при крайних телесных муках, ныне, рассказывая о легчайших душевных несовершенствах, так горько и громко сетует.

[402] После сего, за три дня до блаженного преставления, сложив в благоговейной мольбе ладони, она жалобным голосом попросила о божественном Напутствии (последнем причастии. – прим. пер.) и Последнем помазании (таинстве намащения больных. – прим. пер.). Услышав, что доставили евхаристическое Яство, она, исполнившись живого румянца, миловидно зарделась наподобие занимающейся зари и тут же, не совладав со своей радостью, замерла в высочайшем исступлении духа (ecstasim) к изумлению всех присутствующих, ибо несмотря ни на что она уместно и легко отвечала священнику, который, по обряду держа в руках всесвященную гостию, задавал вопросы, какие обычно задают в оный миг. Приняв божественное Таинство, бледная и обескровленная Роза так замерла, почти не двигая губами, что среди окружающих долго витало сомнение, прошла ли святая гостия в желудок. Наконец о магистр де Лоренсана, опасаясь, что из-за сухости и болезни у девы так сжалась глотка, что она не может глотать, встревоженно спросил, что там с ней. Роза, от голоса исповедника внезапно придя в себя, ответила, что всевятая гостия уже опустилась через горло в нутро. А он, памятуя дивное действие, подобное солнечному, каковое оказывали на деву сии животворящие Тайны (её собственное признание об этом мы приводим выше в гл. XXII), в самых кратких словах поощрил её усладиться ныне Солнцем своим. Какое совпадение! Ведь в один и тот же день месяца августа и солнце в зодиаке перешло из Льва в Деву, и Солнце Евхаристическое, поистине величественное (augustus), в последний раз наполнило девственным Телом Своим деву Розу. Конечно, и дева сия между болезнями и смертью была, как бы посередине между Львом и Весами, ибо там словно бы лев сокрушал все её кости (ср. Вульг. Ис. 38:13), а тут вечный вес славы (ср. Вульг. 2 Кор. 4:17) возлагаем был деве на чашу весов, о коих – в гл. XVII. Однако перейдём к прочему.

[403] Насколько неподвижно она замерла, когда в исступлении духа вкушала священное Напутствие, настолько же бодро овладела всеми чувствами, принимая перед смертью последнее Помазание, поистине «елей радости» (ср. Пс. 44:8), воодушевивший её, как она чувствовала, скорее на победное торжество, нежели на предсмертные муки, поскольку она была уже уверена в спасении, да сверх того знала, что, не коснувшись огня чистилищного, прямиком отправится на свадебный пир к

Жениху. Голосом, насколько было ей по силам, громким и ясным она пред лицом окружающих многократно повторила исповедание православной (orthodoxae) веры, соединив оное с ликующей, почти лебединой песней, и заявила, что и жила доселе, и умирает теперь дочерью Святой Римской и Вселенской Церкви, что всегда верила и верит во всё то, чему предлагает и учит верить Наставник верных – Апостольский Престол, что никогда (находясь в своём уме) от крепчайшей твёрдости сей веры не отступит. Сразу затем она позаботилась о том, чтобы явно и торжественно объявить себя чадом св. отца своего Доминика, а посему пожелала, чтобы немедля и в открытую у себя и других на виду растянули перед нею поверх одеяла белоснежный знак её Ордена (который мы называем скапулярием), словно собственное знамя иноческого воинства, под коим она прослужила до последнего вздоха (и сие есть то одеяние, коим Дева-Мать новорождённого брата Ордена проповедников, точно младенческими пеленами, собственноручно обвивает). Притом Роза возрадовалась, когда впервые узнала от отца Лоренсано, что сие (прежде ей неизвестный) всегдашний обычай Ордена: покрывать оным образом умирающих иноков священным скапулярием. Посему перед смертью Роза ещё нежнее облобызала свой скапулярий, чувствуя, что он, словно Млечный Путь, ведёт её к Небесному престолу.

[404] Роза была уже на пороге смерти, когда её навестил о. бр. Бартоломео Мартинес, приор лимской киновии св. Марии Магдалины, муж весьма набожный и неусыпный ревнитель доминиканского подвижничества, коему дева в течение пяти лет имела обыкновение открывать тайники своей совести. У него больная смиреннейшими мольбами просила зачитать ей слово в слово превосходнейшую и в высшей степени действенную молитовку, дабы умирающая могла ею вымалывать у Бога прощения всем, кто Розе в течение её жизни причинял неприятности, обиды и всякого рода оскорбления. Милостивый отец согласился, и дева, сжав в руке образ Распятыя, стала повторять произносимые им слова, и не могла насытиться сими словами нежнейшими: «Отче, извини их!» (ср. Лк. 23:34) Сии речи целиком наполнили её нежными чувствами, их повторение возжигало её до глубин, а продолжительность моления не утомляла её, хотя она часто повторяла одни и те же слова. Исполнив сей долг любви, она ласково и любезно поблагодарила отца за то, что в деле столь драгоценном и важном своим чтением провел её подобающим путём и стезёю, на коей она хоть в некоей мере смогла подражать божественному Агнцу, молившемуся перед смертью на кресте за Своих противников.

[405] Затем, обратив внимание к себе самой, она кротко попросила позвать домочадцев казначея Гонсало, и хотя никого из них никогда ни словечком, ни ничтожным манием не обидела, у всех и каждого голосом слёзным и умоляющим просила извинения, если кому-нибудь в чём-либо досадила или примером неловкого поведения, или медлительностью в исполнении обязанностей, или суровой своей обособленностью; сожалела, что уже почти два года была им обузой, и заклинала их не думать, что они могут лишиться конечного плода своего долготерпения и награды за выносливость, ведь недалёк тот час, когда дом Гонсало освободится от просмердевшей его мерзкой Розы и от бесполезного сего груза. Не было никого там, кто не стряхивал бы слёз при словах столь глубокого смирения, ибо для того, чтобы нежнейше полюбить Розу свою, каждому из них было достаточно узнать её и на таковом опыте удостовериться в её святости, невинности, смирении души, сиятельной чистоте и уступчивости.

[406] Казначей знал, что деве (поскольку жила она под уставом (habitu, также можно перевести «одеянием». – прим. пер.) и послушанием Доминиканского ордена) по обетам не подобает быть погребённой в каком-либо ином месте, кроме как при стопах

её собратьев, но, будучи мужем благоразумным, опасался, как бы после Розиной кончины не поднялись распри между приходом и обителью святого Доминика о погребении столь драгоценных мощей, однако и смиреннейшей деве не смел открыть опасений относительно оной почётной [тяжбы]. Наконец Гонсало смекнул предложить деве известить – тоном, скорее, просьбы, нежели завещания – о своём пожелании получить погребение у братьев-проповедников в имеющей законную силу записке, которую он на сей случай уже подготовил. Роза легко согласилась подписать её, решив, что это делается лишь для испытания смирения и что таков обычай её Ордена. В остальном она не помышляла о теле своём – как с ним обойдутся или в какой гроб положат, – внимая только духу, так что тяжелее переносила посещения знакомых дам, чем новое усиление страданий. Ибо, хотя она часто с искренними извинениями молила сдержать их, поскольку они были обременительны и чрезмерны, но радовалась, что их становится всё больше и больше. Посему среди острейших мучений от ишиаса постоянно звучали оные возгласы: «Жги, дави, жми, Господи, не пожалей уколов и уязвлений, ведь сколько б их ни было – всё мало по моей греховности».

[407] Большинство, [наблюдая за] постепенным схождением немощного девичьего тельца в смерть, заметили, что дух её возвышается в живости и спокойной весёлости, так что ей не удавалось достаточно скрыть ни на лице, ни в голосе [проявления] чуть ли не почасового возрастания радости, словно бы заявляя вместе с Апостолом: «Когда я немощен, тогда ещё более крепок (fortior)» (ср. 2 Кор. 12:10). Некий инок, сострадая её жутким спазмам, увещевал стойко (fortiter) терпеть, ведь конечная цель уже виднеется, а сим жаром душа благополучно очищается от шелухи, дабы возрадовать вечный чертог Жениха. Ответила дева: «А это как раз то, о чём я молю Жениха: чтобы не прекращал Он меня вываривать в отборных огневицах, пока я не приготовлюсь, как плод для Него, достойный быть поданным отсюда прямо к Его столу».

Под конец жизни промежутки сладостнейших исступлений случались у девы всё чаще, и, подготовленная ими, она уже всю предвосхищала утехы небесной славы. За несколько часов до кончины, придя в себя от такого рода предвкушения, она, не в силах противостоять своим радостям, откровенно и тайно поведала о. бр. Франсиско Никто и другим, кто тоже бодрствовал рядом: «Ах, отче! Если бы позволила краткость остающейся мне жизни, то сколько возвышенного, радостного, превосходного могла бы я рассказать тебе о сладости Божией, о веселящемся вокруг Него сонме, о царстве вечности! Ныне гряду с ликованием к бесконечному созерцанию прекрасного одного Лица, коего я искала всё время скитаний в изгнании моём, со всем жаром желаний жаждала».

[408] При умиравшей дочери присутствовала несчастная мать, а отец отсутствовал, ибо его своя собственная болезнь уложила в кровать и удерживала дома, однако по просьбе девы, ожидавшей последнего благословения от обоих родителей, он распорядился, чтобы его перенесли в дом Гонсало. Здесь, при первом взгляде на измождённую и побледневшую дочь он разразился стенаниями и слезами, и ни у кого из окружающих не оказалось настолько чёрствого сердца, чтобы не смягчилось от умиления сим плачевным зрелищем и не присоединилось к его плачу. Затем, с трудом развеяв облако рыданий, Роза кротко и с величайшим почтением облобызала руки родителей, ласково и безмятежно объяснив при этом, что ныне ей осталось прожить крохотную часть данной родителями жизни, и на последней её границе она с нижайшим смирением ожидает от них обоих благословения. Получив оное, Роза с равным вниманием воззрела на Гонсало и его жену, поскольку и их чтила – как вторых родителей, и равно же пожелала их благословения на трудный оный путь. Затем, подождав ближе

присутствовавших там двоих своих родных братьев, произнесла важное, возвышенное и содержательное наставление, в коем среди прочего настоятельнейше поручила усердно заботиться о родителях, чтить их и слушаться, как бы сказав по примеру распятого Жениха: «се, мать твоя» (Ин. 19:27). Закончив с сим, она призвала обеих казначеевых дочерей, коих за невинный и прямой нрав весьма любила, и с удивительной силой (*energia*) наставляла их в страхе Божиим, упражнении в добродетелях, любви к родителям, коим им следует постараться обеспечить спокойную и беспечальную старость. И с не меньшим красноречием пообщалась она по очереди с остальными домочадцами, а когда она каждого подобающим образом побуждала [следовать] долгу и христианской любви, казалось, то не женщина, но апостол проповедует.

[409] Столько было в Розе силы и духа проповеднического, что это убедило о. магистра де Лоренсана, что по крайней мере ближайшей ночью ещё не умрёт. Настала ночь и канун памяти святого Варфоломея, посему духовник, чтобы успеть на торжественную утреню в доме, собирался уйти в киновию, дабы на следующий день возвратиться. А дева, зная, что ей осталось уже меньше четырёх часов, настоятельно запросила у него последнего благословения, словно собиралась вскоре преставиться к Господу. Но, поскольку он ответил, что удобнее сие отложить до завтра, когда не будет недостатка во времени, и он как раз кстати придёт следующим утром, Роза, грустно и скромно улыбнувшись, возразила: «Знай, отче мой, сей ночью с наступлением праздника св. Варфоломея я отправлюсь на праздник вечный: я уже приглашена свыше на блистательный оный и торжественный пир; уже преуказан час, и неужто ты не желаешь, чтобы я пошла, пока открыты двери?» (ср. Мф. 25:10) Сие она произнесла с таким ясным и ласковым лицом, с таким беспечным и радостным умиротворением, словно уже перед входом в райский сад ожидала со светильником, что в полночь раздастся крик: вот, Жених идёт (ср. Мф. 25:6)». И в самом деле, когда наступила полночь, Роза почувствовала, как кличет её сей зов, кротчайшим манием попросила освящённую свечу, оградила крестным знаменем, словно бы приступая к великому делу, лоб, уста, сердце. Родному брату, который доселе сомневался в происходящем, она дала знать, что отходит, и велела вытащить подушку, чтобы, преклонив голову на голую древесину кровати, она могла чувствовать, что умирает на кресте. Наконец, в совершенно здравых чувствах и полном сознании, уставив в небо взор, почти без каких-либо признаков страха или ужаса на лице, произнося следующие слова: «Иисусе, Иисусе, Иисусе, будь со мною», тишайше испустила дух. Поистине, как Роза во младенчестве сделала себе из этих слов первую молитовку, так и при смерти из них самих получился как бы опознавательный знак (*tesseract*) её невинности и младенческой простоты, что она предъявила на рубеже вышнего отечества, когда едва пошло ей тридцать два года и пять месяцев.

[410] На рассвете той же праздничной ночи Алоисия де Серрано далеко [от того места] в родительском доме, погружённая в утренний сон, узнала, что Роза уже совлекла вместе со св. Варфоломеем покров смертности (Св. Варфоломей был казнён через снятие кожи. – прим. пер.). Между ними двумя был заключён договор, что, когда одна преставится от сего света, по Божию позволению, сообщит другой о своём преселении. Роза сдержала обещание и той самой ночью, прияв лучезарный образ, нежно разбудила Алоисию и сообщила, что уже отправляется в Царство Света. Впрочем, более подробный рассказ о светозарных явлениях Розы после кончины приводится в Приложении. Сейчас вернёмся к описанию покойного тела Розы, ибо многие думали, что она дышит, когда она уже прекратила дышать. Живой цвет лица; алые и слегка раздвинутые, словно бы в нежной улыбке, уста; чистые и поблескивающие прекрасной

ясностью глаза Розы долго вызывали у присутствующих сомнение в её смерти, пока, приложив зеркало не выяснили, что она уже бездыханна. Это был как последний, так и первый раз, что Роза пользовалась зеркалом.

[411] Пока тело облачали для переноски, пока устраивали на носилках, пока, осыпав цветами, выносили в переднюю на виду у матери, всем было позволительно слёзно оплакивать её, однако никому из присутствовавших плакать не захотелось, ибо благодаря внезапному знамению каждого так затронуло некое сокровенное чувство радости, что дом в неожиданном преображении целиком исполнился благоговейного утешения, и казалось, что его захлестнуло почти что свадебное веселье. Что случилось с матерью, уже рассказано выше – в конце гл. III. А прочие члены семейства Гонсало и все посторонние, что находились там, прониклись тем же глубинным и сокровенным ощущением счастья. К одру умирающей Розы в скорбном молчании подошли в общем девять-десять человек свободных, не считая домашних рабов обоёго пола, а когда дева испустила дух, каждый обнаружил, что под воздействием некоей духовной сладости плач сам обращается в ликование (ср. Пс. 29:12). Одна из присутствовавших увидела, что кровать испускающей дух Розы окружает хор многочисленных ангелов, а также заметила, как они затем пели вокруг похоронных носилок всерадостные антифоны (*alternante concentu*). Супруга того же казначея втайне призналась, что преобширный двор, в коем было выставлено тело Розы, был отовсюду целиком пронизан сиянием небесной славы. Она утверждала под присягой, что неким набожным особам за три дня до блаженного преставления Розы Христос открыл, что смерть девы будет удивительной, а похороны – славными, да сверх того воспретил облекать останки девы в траурное платье чёрного цвета, но в светлое, белоснежное, праздничное, что не на похороны указывает, а на победное торжество. В конце концов их общее чудесное ощущение радования так усилилось, что в ожидании рассвета лучезарного дня несколько [живших] там благочестивых женщин попеременно услаждали друг друга звонким пением священных гимнов, заявив, что то время не для сетования, но для ликования.

[412] Наконец рассвело, и вот, казначеев дворец внезапно заполнился толпой народу, коего никто не звал. Домочадцы дивились, откуда и каким образом весть об упокоении ещё не успевшей остыть Розы успела распространиться по всему городу в столь ранний час. И общественные глашатаи (пусть даже они, пробежав весь город, наполнили бы площади и переулки Стенторовыми кликами (Стентор – миф. участник Троянской войны, способный перекричать пятьдесят человек. – прим. пер.)) никакими человеческими усилиями не созвали бы рано утром такую гущу народу, каковая сама по себе со всех улиц стеклась к дому Гонсало. Среди первых пожаловал серьёзнейший из мужей о. де Лоренсана и, увидев Розу, словно бы спящую на носилках, не мог удержаться от нежного восклицания: «Благословенны родители, что произвели тебя на свет! Благословен час, заставший твоё рождение! Благословенна ты Господом, всечастливая дочь Доминикова, услаждающаяся ныне созерцанием блаженного лика своего Творца! Ты скончалась сообразно с тем, как жила; ты вознесла к небесам не запятнанную никаким смертным прегрешением крещальную благодать, непорочную невинность целой жизни, девственно сияющую младенческую чистоту; следуй, следуй за Агнцем, куда бы Он ни пошел! (ср. Отк. 14:4)»

[413] Между тем, сошедшиеся со всех сторон дворяне, простецы, чужаки, местные, индейцы, испанцы наперебой прикладывали розарии к святому хрупкому телу; там-сям тайком похищали цветочки, устилавшие иноческое одеяние покойной; поспешно пытались поцеловать кто руку, кто ногу; не обошлось и без тех, кто, отважившись на

благочестивую кражу, скрытно ли, явно ли, вооружившись ножницами, завладевал тут каёмкой рясы, там – краешком покрывала, так что вскоре пришлось выставить охранников против набожного хищничества. Те, что останавливались дальше, были прикованы взглядом к белоснежному и пригожему лицу Розы, коему цветочный венок и белизна покрывала придавали изящнейшей красоты. Множество знакомых ей дам пытались, стянув веки, прикрыть глаза покойной девы, но вотще, ибо они постепенно возвращались в то положение, откуда были отведены, и глаза оставались прикрыты лишь наполовину, словно бы даже после смерти деве было любо с нежностью взирать голубиными зеницами на лиманцев своих.

[414] Множество посетителей росло, а с ним и напор, так что и врата дома были недостаточно широки для тех, кто, теснясь, рвался внутрь, и уходящие не могли выбраться в такой толчее. Весь двор, галереи, углы были заполнены беспорядочной толпой, так что Гонсало пришлось отворить заднюю дверь здания, чтобы было куда выбраться тем, что уступали место проходящим. Довольно долго это средство помогало, пока даже с этой стороны не начала пытаться проникнуть внутрь жаждавшая зрелища орда, не дававшая возможности впустить или выпустить и знатнейших особ. В итоге Его Высокопревосходительство вице-король Перу спешно отправил туда отряд своей личной вооружённой охраны и велел стать подле ворот здания, дабы из-за беспорядочного столкновения стольких людских верениц не вспыхнуло потасовки. Весь город дивился себе самому, придя в столь бурное движение, чтобы почтить останки убогонькой девицы, невзрачной дочери безвестных родителей, которая, притом, пока была жива, так тщательно скрывалась от всех взоров, известности, похвалы; но подобало исполниться тому предсказанию свыше, что славны будут похороны её.

(Нами опущено приложение, описывающее посмертную славу святой).

Перевод: Константин Чарухин

Корректор: Ольга Самойлова

Подготовлено для сайта [РУСКАТОЛИК.РУ](http://ruskatolik.ru)